

Эдгар Ли Мастерс

АНТОЛОГИЯ
СПУН-РИВЕР
НОВЫЙ
СПУН-РИВЕР

Эдгар Ли Мастерс

АНТОЛОГИЯ
СПУН-РИВЕР

НОВЫЙ
СПУН-РИВЕР

Перевод с английского
АНДРЕЯ СЕРГЕЕВА

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990

ББК 84.7США
М32

Edgar Lee Masters
(1869—1950)

SPOON RIVER ANTHOLOGY
1915

THE NEW SPOON RIVER
1924

Предисловие
АНДРЕЯ СЕРГЕЕВА

Комментарии
О. АЛЯКРИНСКОГО

Оформление художника
Э. ШИРОВА

М $\frac{4703040200-186}{028(01)-90}$ 122-90

ISBN 5-280-01209-2

© Предисловие, перевод,
комментарии, оформление.
издательство «Художествен-
ная литература», 1990 г.

МАСТЕРС И СПУН-РИВЕР

Эдгар Ли Мастерс (1869—1950) родился в Гарнетте, штат Канзас, вырос в Питерсберге и Льюистоне, штат Иллинойс; год он учился в колледже, где проявил особые способности к языкам и литературе, затем изучал юриспруденцию в конторе отца и в 1891 году получил право заниматься адвокатской практикой. В 1892 году он переехал в Чикаго и вскоре стал там известным адвокатом. Печататься он начал в 1898 году, но его эпигонские стихи и несценичные драмы не вызывали интереса ни у критики, ни у читателей.

В 1915 году вышла в свет его «Антология Спун-Ривер», и в сорок семь лет Мастерс стал знаменитостью. Одно переиздание «Антологии» появлялось за другим, впервые в США книга стихов попала в списки бестселлеров. Что же в ней привлекло широкого читателя? «Антология Спун-Ривер» — это свод автоэпитафий примерно двухсот пятидесяти жителей вымышленного среднезападного городка Спун-Ривер, названного так по имени невымышленной реки. Одна автоэпитафия связана с другой, другая с третьей, они дополняют, опровергают друг друга, образуя сквозные сюжеты — сам Мастерс насчитывал таких сюжетов девятнадцать и один из них для наглядности развернул в приложении. Складывается обширная и подвижная калейдоскопическая картина американской провинции. Представлены люди самых разнообразных званий и положений:

убийца и борец за справедливость, лавочник и законовед, ненавидящие друг друга муж и жена, городской пьяница, расквашившийся гуляка и школьная учительница, проститутка, ночной сторож, шериф, счастливая мать, мальчик, попавший под поезд, невеста Авраама Линкольна, газетчик, столпы общества, коренные жители Среднего Запада и выходцы из Новой Англии, южане из Вирджинии, негр, русский, китаец... И каждый персонаж говорит своим, характерным для него языком — сплетаются простонародная речь и научная терминология, светская болтовня и обиняки неудачника, прямота бизнесмена и туманные речения духовидца, крючкотворная речь юриста и суковный язык газеты, красочные фиоритуры оборванца и откровенность и простота порядочного человека, и все это, согласно пуританской традиции, уснащено библейскими понятиями, речениями, уподоблениями. Изображение беспощадно: каждый окончивший жизненный путь житель Спун-Ривера говорит о себе только правду, обнажая перед светом болезненные истины, кровоточащие раны. События, о которых речь в книге, составляют злобу дня, многие происшествия и лица хорошо известны читателю. Ничего подобного не бывало в американской литературе, не только в поэзии, но даже и в прозе. Естественно, что «Антология» вызвала общий интерес, а многими читателями, воспитанными на «нежном реализме», как академически именовалась слащавая проза, была воспринята как литературный скандал. Через несколько лет один из критиков свидетельствовал: «Антология Спун-Ривер» в первый год после опубликования была самой читаемой и обсуждаемой книгой стихов, какая когда-либо появлялась в Америке... Знатоков поэзии удивило сочетание греческой формы с происшествиями иллинойского городка. Людей, привлеченных и разочарованных блеском и пустотой большей части новой поэзии, освежил мрачный реализм книги. Люди, никогда не читавшие стихов, брали эту книгу, потому что слышали, что она «острая». Жители маленьких городков читали ее, чтобы выразить свое недовольство... Охотники за новостями и сенса-

циями и просто любопытные хотели приобщиться к тому, что читают все». И литературная критика, и собраты-писатели тоже признали Мастера и причислили его к крупнейшим американским поэтам; о его «Антологии» было сказано, что она останется классикой, пока Америка есть Америка.

Поразительно превращение заурядного эпитога в общепризнанного мэтра. Но характерно, что оно совпало с величайшим подъемом в американской поэзии, который получил наименование поэтического ренессанса. Одновременно печатаются Эдвин Арлингтон Робинсон, Роберт Фрост, Карл Сэндберг, Вэчел Линдзи, Робинсон Джефферс, Уоллес Стивенс, Уильям Карлос Уильямс, Эдна Сент-Винсент Миллей, Т.-С. Элиот, Эзра Паунд, э. э. каммингс. В 1916 году журнал «Северн Артс» констатировал: «И мы, и не только мы верим, что переживаем первый день Возрождения, времени, которое означает для Америки появление того национального самосознания, которое есть начало величия. Во все такие эпохи искусство перестает быть частным делом, оно становится выражением не только национальной жизни, но и средством к ее обогащению». В 1917 году Конгресс Соединенных Штатов провозгласил поэзию первым национальным искусством.

Важнейшим моментом в обновлении американской поэзии явилось основание в 1912 году в Чикаго журнала «Поэтри». После Всемирной выставки 1893 года Чикаго встал на путь столичного развития. Возникали культурные ассоциации, музеи, поднималась литературная жизнь. В Чикаго был Драйзер — символ и высшая реализация натурализма в американской прозе. В газете «Чикаго Дейли Ньюс» сотрудничал Карл Сэндберг, рано открывший для себя свободный стих Уитмена. С Чикаго связан Вэчел Линдзи, разъезжавший по Среднему Западу с чтением стихов, исполнением американского фольклора и проповедью «Евангелия красоты». Журнал «Поэтри», направляемый признанным по обе стороны Атлантики Эзрой Паундом, связал Чикаго с Лондоном. Наряду с Сэндбергом и Линдзи в «Поэтри» печатались такие дале-

кие от них по духовным устремлениям и художественным задачам поэты, как американцы Робинсон, Фрост, Уильям Карлос Уильямс, Эми Лоуэлл, Паунд, Элиот, ирландцы Йейтс и Джойс, англичанин Лоуренс, индиец Тагор. Эзра Паунд пропагандировал всякую новую поэзию, лишь бы она была новой. Карл Сэндберг писал, что Паунд «сделал более всех живущих для возбуждения новых импульсов». На страницах «Поэтри» и далеко за пределами журнала утверждаются новые поэтические формы и новые поэтические темы.

Мастерс участвовал в литературной жизни Чикаго, дружил с Драйзером, Сэндбергом, Линдзи. Поначалу новые веяния не касались его, он тяготел к старомодному версификаторству. Одна из идейных руководительниц новой поэзии, Эми Лоуэлл, заметила: «Казалось, будто по какому-то темному инстинкту его сознание всегда отзывалось эхом старых времен, старых слов, старых картин». Но к тому моменту, когда он сел за «Спун-Ривер», его сознание, по его собственным словам, стяхнуло наконец некоторые литературные предрассудки благодаря чтению в «Поэтри» верлибра, особенно Карла Сэндберга, и восприняло более активный радикализм через дружбу с «этим иконоборческим предводителем свободной речи, свободной формы, художественной свободы души».

«Антология Спун-Ривер» написана в основном уитменовским свободным стихом. Но форма эпитафии потребовала некоторой его трансформации: если стих Уитмена построен, как правило, на чередовании очень длинных строк с очень короткими, то в надписи на гробовой доске очень длинные строки возможны как редкое исключение, длина строк на ее прямоугольнике несколько выравнивается. Там, где требует персонаж и сюжет, Мастерс пользуется и другими размерами: гекзаметром греческой эпитафии и классическими ямбами и хорейми, характерными для современной кладбищенской версификации, — везде достигая желанного эффекта. Главным средством, как мы уже отметили, был все же верлибр; при-

бавим, что Мастерсов дисциплинированный свободный стих значительно повлиял на американских поэтов последующих десятилетий.

Форму эпитафии Мастерс тоже открыл не сам. Уильям Марион Риди, издатель газеты «Ридис Миррор», верил в его дарование и уговаривал поэта: «Бога ради, бросьте эти застывшие классические формы». В 1913 году он не без умысла дал ему «Греческую антологию», собрание античных и византийских стихотворений, в значительной мере эпитафий. В отличие от эпитафий XIX века, худших образчиков лицемерия и дурного вкуса, греческая эпитафия — написанное мудрецом краткое и правдивое резюме чьей-то жизни и судьбы. Подсказка Риди оказалась счастливой, Мастерс принял идею, но эпитафию заменил автоэпитафией, так как эта форма более отвечала стремлению автора к беспощадному реализму: действительно, кто, как не сам человек, может рассказать о себе неприкрытую правду. В виде опыта Мастерс написал верлибром несколько автоэпитафий своих соседей, жителей маленького иллинойского городка. Как раз в эти дни к Мастерсу приезжала из Льюистона мать, женщина, по его словам, умная, пронизательная, остро наблюдательная, — в разговорах они много обсуждали льюистонских знакомых и тамошние происшествия. Риди несколько раз печатал подборки автоэпитафий в своей газете — в результате с Мастерсом заключили договор на книгу.

И все же он не до конца поверил в самодостаточность свода автоэпитафий и добавил к нему приложение и эпилог. Приложение — отрывок из «Спуниады», героической поэмы, приписанной местному графоману (его автоэпитафия, разумеется, есть в книге), — живое и забавное подражание классическому английскому переводу «Илиады», в котором бурлескно разворачивается один из девятнадцати сюжетов «Антологии» — выборы в Спун-Ривере. Эпилог, по мысли автора, признанный обобщить и философски увенчать признания бывших спунриверцев, получился несамостоятельный и не слишком убедительный, ибо здесь Мастерс вернулся в русло

той самой традиционности, от которой освободился в эпитафиях.

Ясно, что «Антология» дала выход материалу, накопившемуся годами. Мастерс вспоминал: «Я всегда собирался написать роман о небольшом сообществе, о всех интересах и механизмах, которые присутствуют в нем так же, как в большом городе, потому что и там, и здесь человеческая природа одинакова. Из-за давления профессиональных обстоятельств у меня не было времени на роман, и потому я стал сплетать свое повествование из этих фрагментов». Мы можем только гадать, какой у него получился бы роман, но «новая поэзия», отвоевывавшая у прозы новые территории, позволила автору объять весь накопившийся материал. И отсутствие времени не помешало ему написать книгу стихов, толщиной в роман. Карл Сэндберг — свидетель: «Я видел, как Мастерс писал эту книгу. Он писал ее урывками: то он боролся за право профсоюза официанток выставлять пикеты и добиваться выходного дня, то из суда в суд добивался компенсации машинисту, которого неисправность локомотива превратила в ужасного калеку,— короче говоря, его жизнь была погружена в дела такой же напряженности, как те, о которых он писал». Мастерс работал над «Антологией» десять месяцев и истощил все физические и душевные силы, так что не смог вычитать верстку набранной книги.

Цвет американской «новой поэзии» тяготел к реализму: Робинсон, Фрост, Сэндберг, Линдзи. Реализма требовали и читатели. Когда десятилетия спустя Мастерса спрашивали, в чем причина ошеломляющего успеха «Антологии Спун-Ривер», он отвечал: «Чувствовалась потребность в правде. Людям нужна была такая книга. Их утомили лунный свет и глупые любовные истории. Им надоела сентиментальность и нереальность. Им хотелось таких книг, как «Сестра Керри», и «Уайнсбург, Огайо», и «Спун-Ривер», и «Главная улица», потому что это были книги о плоти и крови, о мужчинах и женщинах, каких они знали, каких я знал в Питерсберге и Льюистоне... Я полагаю, что обозреватели и критики тоже устали от романтической

бессмыслицы. Они хотели реализма. Они хотели прикоснуться к обычной жизни». Поэзия в данном случае прокладывала путь прозе. Уже вышли «Дженни Герхардт» и «Титан» Драйзера, но реалистической картины жизни американского захолустья еще не было: «Уайнсбург, Огайо» Шервуда Андерсона и «Главная улица» Синклера Льюиса появились несколькими годами позже «Антологии». И хотя за пределами США эти книги известнее, надо сказать, что «Антология Спун-Ривер» богаче их, глубже, выше и одухотвореннее. Уместно отметить, что из всех реалистов в поэзии Мастерс был наиболее склонен к изображению правды жизни со всей ее грязью; прибегая к известным словам Фроста, он был реалистом того типа, «которому нужно изобразить грязь на картофелине, чтобы доказать, что она настоящая».

Мастерс изображает конкретные местные дела конкретного маленького городка. Семейные драмы, убийство шерифа, борьбу за введение в городе сухого закона, появление монополий, прокладку водопровода, крах банка, строительство консервной фабрики, предвыборную схватку либералов с консерваторами, агитацию за единый налог по Генри Джорджу, распространение спиритуализма и спиритизма, участие горожан в завоевании Филиппин, в Гражданской войне между Севером и Югом, в Войне за независимость Соединенных Штатов. Но меньше всего Мастерса можно назвать регионалистом. Он говорил: «Я хотел... создать работающую модель большого мира и поместить ее в витрину, где бы ее мог обозревать остановившийся прохожий». Любой городишко может послужить такой моделью, потому что «противостояние добра и зла одинаково в большом городе и маленьком. Городок Льюистон дал мне ключ, который открыл секреты большого мира».

В представлениях о добре и зле Мастерс остается чистейшим американским идеалистом с толикой вольнодумства девятнадцатого века. В Чикаго он даже был президентом Джефферсоновского клуба. Мировоззрение его имело глубокие семейные корни. Он безмерно гордился дедом, который был

для него олицетворением идеалов джефферсоновской демократии: настоящий пионер Среднего Запада, трудолюбивый, честный, преданный жене, с которой прожил семьдесят лет. Поэт преклонялся перед своей бабкой, родившей двенадцать детей и гордо и счастливо прожившей до девяноста шести лет: ее он вывел в «Антологии» под именем Люсинды Мэтлок. В отрочестве Мастерс часто бывал на ферме у деда на реке Сангамон в пяти милях от Питерсберга. Всю жизнь он потом повторял, что нет ничего лучше, чем тамошние места: луга, поля, перелески, холмы, фермы в отдалении. Образцом для подражания Мастерсу был и отец: еще в юности будущий поэт заявил, что будет, как отец, «сторонником свободы мыслить, свободы любить и свободы выпить» и противником провинциального аскетизма.

«Антология» не просто реалистична, она необычайно конкретна, написана будто по горячим следам произошедшего, почти невозможно увидеть в ней плод поэтического воображения. И она действительно сливается с непосредственным опытом жизни Мастерса. Он не только с детства знал Питерсберг и Льюистон — прототипы Спун-Ривера, но именно там узнал трудности и конфликты существования: в период, когда отец его бедствовал, мальчик развозил уголь и разносил газеты, но главное, что его угнетало, — это затхлая атмосфера провинции. «Я чувствую, — писал он, — что ни одному поэту в американской истории не выпадало более тяжелой жизни, чем моя поначалу в Льюистоне... среди людей, чья плоть и чьи душевные движения были наилучшим образом приспособлены для того, чтобы отравить, извратить и даже убить чувствующую натуру». Позднее юридическая практика часто приводила его в родные места, и он глубоко проник в подоплеку провинциальных событий, познал скрытую от глаз преступную сторону действительности. Он глубоко постиг суть человеческой природы — этому способствовали его жизнь, его профессия, его увлечение психологией и философией и широкое самообразование.

После «Антологии» Мастерс выпустил в свет несколько

поэтических книг — они были неоригинальны и не принесли ему славы. Все же, осознав себя поэтом, и только поэтом, он оставил юриспруденцию и в 1920 году переехал в Нью-Йорк. Темы и характеры «Спун-Ривера» оказались не исчерпанными. В 1924 году он издает «Новый Спун-Ривер» — продолжение «Антологии», включающее еще около трехсот автоэпитафий. И снова «Спун-Ривер» в списках бестселлеров, снова его читает вся Америка. Второй том куда резче и мрачнее первого. В нем изображается жизнь городка, который перестает быть самостоятельным сообществом и превращается в придаток Чикаго. Ускоренные первой мировой войной индустриализация, урбанизация для Мастерса не прогресс, а гибель американской мечты. Как всякий иллинойсец, Мастерс был яростным патриотом американского Среднего Запада и укорененностью в нем гордился как принадлежностью самой Америке. Но американский идеал всегда был для него в прошлом. Еще в 1906 году он писал в одном из журналов: «Пятьдесят лет назад было меньше богатства, но и меньше бедности. Было меньше железных дорог. Не было телефонов, и людям приходилось напрягаться, чтобы поддержать разговор. Люди сидели по домам и закладывали основания богатства нации. Больших городов было мало, промышленность была децентрализована, и конкуренция была реальностью. Штаты были суверенными». Как юрист Мастерс делал все, чтобы защитить тех, кого считал жертвами ненавистной ему промышленности, банков — «денежной грязи». В политике он поддерживал тех, кого считал защитниками фермы, городка, штата. «Что до «измов», — говорил он, — то я не вижу проку ни в одном из них, кроме доброго старого американизма». Как и следовало ожидать, «Новый Спун-Ривер», будучи органическим продолжением «Антологии Спун-Ривер», ее законным вторым томом, все же, сообразно с изменившимися временами, отличается и темами и формой. С бóльшим трагизмом в нем говорится о разорении ферм, распаде человеческих отношений, о всеобщих общественных механизмах: функционировании демократии, перерастании ее в демагогию. Общественные, политические

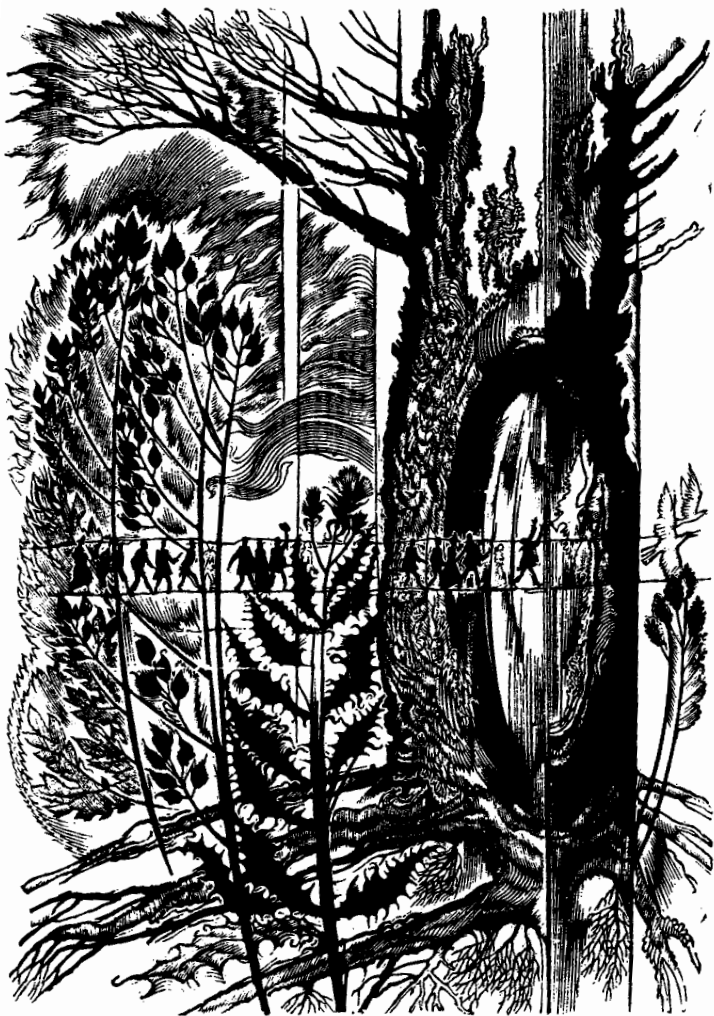
вопросы заставили лирику потесниться. Свободный стих второго тома становится еще строже: в нем появляется много равносложных строк, приближающих его к классическим формам.

Мастерсу не удалось еще раз столь счастливо сочетать новую поэтическую форму и воскрешенный им старинный жанр, выношенный литературный материал и непосредственный жизненный опыт. За последовавшие двадцать пять лет работы он выпустил много книг стихов, романов, биографий (Уитмена, Марка Твена, Линкольна, Вэчела Линдэй). Наибольший интерес представляет его автобиография — книга, опять-таки связанная с главным триумфом его жизни, — она так и называется: «По улицам Спун-Ривера» (1936). Все эти книги прошли более или менее незамеченными. «Спун-Ривер» остался единственной яркой, неповторимой книгой — число ее переизданий на родине поэта перевалило за сотню. Ее перевели на основные языки мира. Увидела свет рампы инсценировка «Антологии». В Италии Марио Пергалло написал по ее мотивам оперу «Холм», и ее поставила «Ла Скала». В сознании читателей Мастерс остался автором одного тома стихов.

А н д р е й С е р г е е в

АНТОЛОГИЯ
СПУН-РИВЕР

ХОЛМ

Где Элмер, и Герман, и Берт, и Том, и
Слабак, силач, посмешище, пьяница, Чарли,
Все, все спят на холме. труженик?

Первый умер от лихорадки,
Второй подорвался в шахте,
Третий убит в пьяной драке,
Четвертый загнулся в тюрьме,
Пятый свалился с лесов, добывая детишкам
Все, все спят, спят, спят на холме. на хлеб,—

Где Элла, и Кейт, и Мэг, и Лиззи, и Эдит,
Ласковая, простодушная, буйная,
Все, все спят на холме. заносчивая, счастливая?

Одна умерла от подпольных родов,
Вторая от безысходной любви,
Третья от рук негодяя в борделе,
Четвертая от гордыни, убитая тщетностью
грез,

Пятая пожила в далеком Париже и Лондоне,
А похоронена здесь Эллой, и Кейт, и Мэг —
Все, все спят, спят, спят на холме.

Где дядя Айзек, и тетя Эмили,
И городской шут Кинкейд, и Севинье Хотон,
И майор Уокер, еще заставший
Именитых участников революции?
Все, все спят на холме.

Им привозили сыновей, погибших в бою,
И дочерей, сокрушенных жизнью,
И плачущих внуков-сирот —
Все, все спят, спят, спят на холме.

Где старый скрипач Джонс —
Он проиграл с жизнью все девяносто лет,
Под мокрый снег подставлял грудь
нараспашку,
Пил, буянил, не думал ни о жене,
ни о ближних,
Ни о золоте, ни о любви, ни о небе.
О! Он бормочет о стародавних гулянках,
О стародавних скачках в Клерис-Гроув,
О том, что Эйб Линкольн когда-то
Сказал в Спрингфилде.

ХОД ПАТТ

Здесь я лежу, рядом с могилой
Старого Билла Пирсола,
Который разбогател на торговле с
индейцами,
А потом объявил о своем банкротстве
И от этого сделался вдвое богаче.

А я озверел от трудов и лишений.
И, видя, как богатеют Билл и ему подобные,
Ночью у рощи Проктора попытался ограбить
прохожего,
За что был судим и повешен.
Так я объявил о своем банкротстве.
Мы по-разному вышли в банкроты,
А теперь мирно спим как соседи.

ОЛЛИ МАКГИ

Проходя по городу, вы не заметили
Человека, унылого, вечно глядящего в землю?
Это мой муж, он тайно меня изводил,
Он лишил меня молодости и красоты;
И вот я, сморщенная, желтозубая,
Униженная и постыдно покорная,
Наконец-то сошла в могилу.
Что, по-вашему, не дает житья моему мужу?
Лицо мое и лицо, в которое он его
превратил.
Эти лица гонят его ко мне, в могилу.
Выходит, по смерти я отомщена.

ФЛЕТЧЕР МАКГИ

Силы мои она истощала,
Жизнь мою она заедала —
Так по ночам луна-истеричка
Высасывает все соки из мира.
Дни уносились прочь, как тени,
Минуты кружились, как звезды.
Жалость в сердце моем истощилась.
И превратилась в злорадство.

Теперь она стала податливой глиной,
А воля моя — творящей рукою:
На лбу ее мои тайные мысли
Чертили морщины скорби.
Застыли губы, ввалились щеки,
Запали глаза от горя.
Это душа моя стала глиной,
Уже не моя — она ей завладела,—
И вот, беснуясь, как сотня бесов,
Душа изваяла лицо такое,
Что вынести она не сумела,
А я взглянуть содрогался.
Я рвался в окна, я тряс засовы,
Я забивался в угол —
Она умерла, она продолжает
За мною гнаться до гроба.

РОБЕРТ ФУЛТОН ТЭННЕР

Если б человек мог укусить
Схватившую его огромную руку —
Как руку мою укусила крыса,
Когда я в моей скобяной лавке
Демонстрировал новую крысоловку...
Но человек не способен отомстить
Чудовищу, людоедке Жизни.
Вы входите в комнату — это рожденье;
И вам надо жить, то есть тратить душу.
Ага! Приманка уже перед вами:
Невеста с нешуточным капиталом,
Почет, известность, власть над людьми.
Но кое-что надо сделать и преодолеть —
Проволока ограждает приманку.
И вот вы у цели — а сзади шаги:
За вами входит Жизнь-людоедка,

Вы не знаете прихотей ветра
И тех невидимых сил,
Которые управляют течением жизни.

АМАНДА БАРКЕР

Генри меня обрюхатил,
Прекрасно зная, что роды
Для меня означают смерть.
Поэтому юной вошла я под своды праха.
Путник, в моем городе
Считают, что Генри был любящим мужем,
Но я из праха открою правду:
Он прикончил меня из ненависти.

КОНСТАНС ХЕЙТЛИ

Спун-Ривер, ты восхваляешь
Меня за самоотверженность,
За то, что я воспитала Айрин и Мэри,
Сирот моей старшей сестры!
И ты осуждаешь Айрин и Мэри
За то, что они меня презирают!
Не восхваляй меня, не осуждай их;
Это правда, я их воспитала —
Но я погубила свое доброе дело
Непрекращавшимися попреками.

«СТАКАНЧИК» ГЕНРИ

При жизни я был городским пьянчужкой;
Когда я умер, патер мне отказал
В погребенье у церкви.

(Как оказалось, к счастью.)

Ибо этот участок купили себе протестанты,
И они зарыли меня по соседству
С могилой банкира Николса
И его супруги Присциллы.
Благочестивые, благоразумные души,
Заметьте, какие нечаянные поворотцы
Приносят по смерти почет тем, кто жил в
позоре.

ГАРРИ КЭРИ ГУДХЬЮ

Вы не удивлялись, спунриверские тупицы,
Что «Стаканчик» Генри голосовал против
салунов:

Его из них вышибали.

Но ни у кого из вас не хватило рассудка

Ни поддержать меня, ни увидеть во мне

Духовного брата «Стаканчика».

Вы не забыли, как я воевал с банком

И круговой порукой судейских

За прикарманенные проценты

С общественных фондов?

Как я воевал со знатью из-за того,

Что бремя налогов она возложила на

бедных?

И как я воевал с водопроводом

За разрытые улицы и повышение тарифов?

И как я воевал с дельцами,

Которые воевали со мной в этих войнах?

Тогда неужели же вы забыли,

Как, восстав из руин поражения,

Из погибшего дела всей жизни,

Я выпустил из-под полы последний,

Любимый, сокрытый от всех идеал,

Сравнимый разве с ослиной челюстью,—
И введением сухого закона побил
Банк, и водопровод, и дельцов
И заставил Спун-Ривер мне заплатить
За все проигранные сраженья.

СУДЬЯ СОМЕРС

Скажите, как получилось,
Что я, образованнейший из юристов,
Знавший почти наизусть Кока и Блекстона,
Произнесший самую знаменитую речь
В нашем суде, написавший письмо,
Которое похвалил в Верховном суде сам
Брис,—

Скажите, как получилось,
Что я здесь лежу без надгробья, всеми
забытый,
А над городским пьянчугой «Стаканчиком»
Генри

Мраморная плита и урна,
В которой Природа по неизреченной иронии
Взрастила цветущий сорняк?

КИНСИ КИН

Вслушайтесь, Томас Родс, президент банка,
Кулбак Уэдон, редактор «Аргуса»,
Отец Пит, пастор влиятельнейшего прихода,
Э.-Д. Блад, многожды мэр Спун-Ривера,
И, наконец, все вы, члены общества «За
чистоту нравов»,—
Вслушайтесь в предсмертные слова
Камбронна,

Который стоял с героическими остатками
 Старой гвардии Наполеона
 На холме Сен-Жан при Ватерлоо,
 Когда англичанин Мейтланд крикнул:
 — Сдавайтесь, храбрые французы! —
 На склоне дня, когда битва была

безнадёжно проиграна

И орды людей, переставших быть армией
 Великого Наполеона,
 Разбегались с поля, как рваные полосы
 Туч в ураган, —

Так вот, то, что Камбронн сказал

Мейтланду

Перед тем, как огонь англичан очистил

гребень холма,

Который темнел на фоне заката, —

То самое я скажу вам, и всем вам,

И тебе, мирозданье.

И я завещаю вырезать эти слова

На моем надгробье.

БЕНДЖАМИН ПЭНТИР

В этой могиле бок о бок лежат адвокат

Пэнтир

И Ниг, его пес, постоянный спутник,

товарищ и утешитель.

По серой дороге дети, друзья, мужчины и

женщины

По очереди уходили из жизни, и я остался

один

С Нигом за друга, сожителя и

собутыльника.

На заре моих дней и я устремлялся к

славе.

Но жена, меня пережившая, уловила мою
душу
В ловушку, в которой я истекал кровью;
Некогда непреклонный, а ныне безвольный
и безразличный,
Я жил с Нигом в темной комнатке при
конторе.
Под моей челюстью длинная морда Нига —
Мы смолкли. Безумный мир, проходи мимо!

МИССИС БЕНДЖАМИН ПЭНТИР

Я знаю, он говорил,
Что я уловила его душу
В ловушку, в которой он истекал кровью.
А все мужчины любили его,
И большинство женщин жалело.
Но допустим, вы настоящая леди с
утонченным вкусом
И вам отвратителен запах виски и лука.
И вордсвортовская «Ода» звенит в вашей
душе,
А он с утра до ночи
Напевает пошлятину вроде:
«Ах, смертный, что ты возгордился?»
И допустим, вы женщина с состояньем,
А мужчина, с которым закон и мораль
Разрешают супружеские отношения,
Вызывает у вас тошноту,
Стоит только об этом подумать —
Вы же думаете об этом,
Стоит только его увидеть.
Вот почему я выставила его с собакой
В темную комнатку при конторе.

РУБЕН ПЭНТИР

Вот, Эмили Спаркс, ваши молитвы услышаны,
Ваша любовь не вовсе пропала даром.

Всем хорошим во мне я обязан
Вашей надежде, не оставлявшей меня,
Вашей любви, увидавшей во мне добро.
Милая Эмили Спаркс, послушайте мой

рассказ.

Я умолчу о примере отца и матери;
С пути меня сбила дочка модистки,
И я оказался в мире один
И изведал все на свете опасности —
И вино, и женщин, и сладкую жизнь.
Как-то ночью на рю Риволи,
Когда я пил с черноглазой кокоткой,
К глазам моим вдруг подступили слезы.
Она приняла их за слезы любви и с

улыбкой

Решила, что я у нее в кармане.
Но дух мой был за три тысячи миль,
В спунриверской школе, где вы учили меня.
Но так как вам уже не дано ни любить

меня,

Ни за меня молиться, ни слать мне письма,
Со мной вместо вас говорило безмолвие

вечности.

А черноглазой кокотке понравились мои

слезы,

Равно как мои неискренние поцелуи.
С этого часа я словно бы вновь прозрел —
Незабвенная Эмили Спаркс!

ЭМИЛИ СПАРКС

Где он, мой мальчик, мой мальчик,
В какой стороне света?
Тот, кого я любила больше всех в
классе —

Я, учительница, наивная старая дева,
Считавшая всех их своими детьми.
Верно ли я угадала в моем мальчике
Живой пылкий дух,
Всегда воспаряющий ввысь?
Ах, мальчик, мальчик, сколько часов по
ночам

За тебя я молилась —
Ты помнишь мое письмо
О блаженной любви к Христу?
Получил ты его или нет,
Мой мальчик, где бы ты ни был,
Трудись над своей душой,
Чтобы вся эта брэнность, вся накипь
Погибли в твоём горенье,
А горенье стало бы светом...
Чистейшим светом!

АПТЕКАРЬ ТРЕЙНОР

Только химик знает, да и тот не всегда,
Что выйдет из соединения
Жидкостей и порошков.
А кто знает, что выйдет из взаимодействия
Мужчины и женщины
И какие получатся дети?
Бенджамин Пэнтир и миссис Пэнтир,
Добрые по природе, были злыми друг к
другу:

Он — кислород, она — водород,
Их сын — смертоносный огонь.
Я, Трейнор, аптекарь, соединитель
веществ,
Погибший при взрыве реторты,
Прожил в безбрачии.

ДЭЙЗИ ФРЕЙЗЕР

Вы слышали, чтобы редактор Уэдон
Внес в общественную казну хоть что-то из
тех денег,
Которые взял с кандидатов на городские
должности?
Или за восхваленье консервной фабрики,
После которого люди вложили в нее
сбереженья?
Или за сокрытие фактов о банке,
Когда он почти прогорел и готов был
лопнуть?
Вы слышали, чтоб окружной судья
Помогал кому-нибудь, кроме железной
дороги
И банкиров? Чтобы отец Пит или отец
Сайбли
Пожертвовали на прокладку водопровода
Хоть часть доходов, добытых молчаньем
Или произнесеньем проповедей по
подсказке?
Но я, Дэйзи Фрейзер, при виде которой
Люди хихикали и подталкивали друг друга,
И хмыкали, и говорили «Гляди, гляди!» —
Я, предстая пред очи судьи Арнетта,
Неизменно вносила десять долларов плюс
издержки
В спунриверский школьный фонд!

БЕНДЖАМИН ФРЕЙЗЕР

Их души бились о мою,
Как крылья тысячи бабочек.
С закрытыми глазами я знал, как трепещут
их души.

С закрытыми глазами я ощущал, как тени
От ресниц ложатся на их щеки,
Когда они смотрят вниз,
И как они смотрят вбок;
Как платья их облегают
Или спадают роскошными складками.
Их души глядели на мой восторг
Глазами звездного безразличья.
Их души видели мою муку
И пили ее, как живую воду;
Щеки мои разгорались, глаза пылали,
Пламя моей души золотило их души,
Как солнечный свет — крылья вспорхнувшей
бабочки.

Они от меня хотели жизни, жизни, жизни.
Но, покончив с собственной жизнью,
Раздав их пленные души,
Как ребенок давит в руке виноград
И пьет его пурпурный сок,
Я оказался в бескрылой бездне,
Где нет ни алого, ни золотого, ни
пурпурного,
Ни самого биения жизни.

МИНЕРВА ДЖОНС

Я — городская поэтесса Минерва;
Йеху на улицах потешались, глумились
Над моей косоглазостью, толщиной и утиной
развалкой,

И особенно после того, как «Громила»
Уэлди
Настиг меня в мерзкой охоте.
Он предоставил меня судьбе и доктору
Мейерсу;
И я погружалась в смерть, леденя с
пятки,
Как тот, кто входит все глубже в
студеную реку.
Заглянет ли кто-нибудь в городскую
газету,
Соберет ли в книгу мои стихи? —
Я так грезила о любви!
Я так жаждала жизни!

«РАСТРАВА» ДЖОНС

Разве когда-нибудь вы поверите,
Что я из хорошей валлийской семьи?
Что я родовитей всех спунриверских
белых?
Благородней, чем здешние выходцы
Из Новой Англии и Вирджинии?
Вы не поверите, я ведь учился в школе
И прочел несколько книг.
Во мне вы видите лишь опустившегося
человека,
С бородой и всклокоченными волосами,
В драной одежде.
Когда на твоей жизни все время
Множатся кровоподтеки,
Она превращается в рак, в багровую
опухоль,
Как на стеблях кукурузы.
Вот он я, плотник, увязший в трясине
жизни,

Я подумал, что это — лужайка, и смело шагнул;
Жена моя была распустеха, дочь — бедняжка Минерва,
Которую вы замучили насмерть.
Я полз, полз, как улитка, по дням
Моей жизни.
Больше вы не услышите тяжких моих шагов,
Я не пойду в бакалею за кукурузой
И грошовым куском бекона.

ДОКТОР МЕЙЕРС

Никто, кроме дока Хилла,
Не сделал для горожан больше, чем я.
Все расслабленные, хромые, немудрые
И неимущие приходили ко мне.
Я был добрый, простой доктор Мейерс.
Я был счастлив, здоров, в приличном
достатке,
Жил душа в душу с женой, воспитал,
Женил, выдал замуж хороших детей.
Но однажды вечером поэтесса Минерва
В слезах принесла мне свою беду.
Я пытался помочь ей — она умерла, —
И меня осудили, газеты меня ославили.
Жена моя умерла от горя.
Меня прикончила пневмония.

МИССИС МЕЙЕРС

До конца своих дней он протестовал
Против гнусной газетной лжи, он твердил,
Что неповинен в паденье Минервы,
напротив —

Он только пытался помочь ей.
Бедняга же столь погрязла в грехе,
Что, даже пытаясь помочь ей, как он
выражался,
Он нарушил законы людские и божеские.
Прохожие, вот вам предостереженье:
Чтобы жизнь ваша была радостной,
А стези мирными,
Любите Бога и чтите заповеди.

«ГРОМИЛА» УЭЛДИ

Когда я обрел веру и остепенился,
Меня приняли на консервную фабрику,
И каждое утро я наполнял бак во дворе
Бензином, который шел в сарай к
горелкам —
На них калились паяльники.
И я залезал по шатучей лестнице
С двумя ведрами, полными до краев.
Однажды — только я опрокинул ведро,
Как воздух над баком замер и
всколыхнулся,
Бак взорвался, меня подбросило к небу,
И шмякнуло оземь, и переломало ноги,
И глаза мои лопнули, как яичная
скорлупа, —
Потому что кто-то оставил гореть горелку
И что-то всосало пламя по трубке в бак.
Окружной судья сказал, что виновен
Мой напарник, и сын старого Родса
Не должен платить мне ни цента.
Я сидел на свидетельском месте, слепой,
Как Джек-скрипач, и лишь повторял:
— Знать не знал никакого напарника.

НОУЛТ ХОХОЙМЕР

Я был из первых погибших при
Мишинери-ридж.
Когда пуля входила в сердце, успелось
подумать,
Что чем убежать и записываться в солдаты,
Лучше бы было остаться и сесть в тюрьму
За кражу ягнят у Керла Тренари.
Лучше сто раз сидеть в окружной тюрьме,
Чем лежать под мраморной бабой с
крылышками
И гранитным подножьем
Со словами «Pro Patria»¹.
Кстати, что они значат?

ЛИДИЯ ПАККЕТТ

Ноулт Хохоймер сбежал на войну
Накануне того, как Керл Тренари
Добился от судьи Арнетта постановления
На арест за кражу ягнят.
Но солдатом он стал не поэтому.
Я сбежала с Люшесом Аттертоном.
Он настиг нас, и я сказала, чтоб он
Сгинул с моих глаз.
Тогда он угнал ягнят и пошел воевать.
За каждым солдатом ищи женщину.

ФРЭНК ДРАММЕР

Из темницы в царство теней —
Умереть в двадцать пять!

---

¹ За родину (лат.).

Язык мой не выражал, что бурлило во мне,
И город счел меня дурачком.
Вначале же было ясное виденье
Высокой, остро необходимой цели,
Заставившее меня учить наизусть
Британскую Энциклопедию!

ГЕРА ДРАММЕР

Так же в конце сентября мальчишки с
девчонками
После школы за сидром бегают к Сиверу?
Так же они на ферме Аарона Хэтфилда
С приходом зимы обирают с кустов орехи?
О сколько раз на дороге или в холмах,
Когда смеркалось и в воздухе холодало,
Я играла с девчонками и мальчишками
И с безлистого черного дерева при закате
Сшибала грецкие орехи.
Теперь же запах осеннего дыма,
Стук падающих желудей
И голоса из долин
Напоминают о жизни, преследуют
И вопрошают меня:
Где они ныне, твои веселые друзья?
Сколько их рядом с тобой и сколько
В старых садах по дороге к Сиверу
И в лесах, протянувшихся над
Тихой рекой?

КОНРАД СИВЕР

Не в том заглохшем саду,
Где тела переходят в траву, которая
Не кормит стада, и не в вечную зелень,

Которая не приносит плодов,—
Не там, где на тенистых тропинках
Рождаются тщетные вздохи
И вовсе тщетные упования
На общенье с отжившими душами,—
Но здесь, под любимой яблоней,
За которой ухаживал,
Которую долгие, долгие годы
Пасынковал узловатыми пальцами,
Здесь, под корнями этого «норзерн спая»,
Изменяясь химически в круговороте жизни,
Войти в почву и в плоть дерева
И стать живыми эпитафиями
Алых яблок!

ДОК ХИЛЛ

Я ходил с окраины и на окраину,
Взад-вперед, днем и ночью,
Когда бы ни звали меня к больным беднякам.
Знаете почему?
Жена меня ненавидела, сын вырос подонком.
И я всю любовь мою отдал людям.
В день моих похорон сладко было видеть
на кладбище толпы
И слышать, что в городе любят меня и
жалеют.
Но Боже, душа моя затрепетала, едва в
состоянье
Удержаться за поручни новой жизни,
Когда за дубом возле могилы
Я увидал Эм Стэнтон,
Прячущую себя и свое горе!

ЭНДИ, НОЧНОЙ СТОРОЖ

В испанском плаще,
И обвислой шляпе,
И в войлочных ботах,
И с узловатой ореховой палкой,
И сигнальным фонарем,
С верным моим Тайком
Скользил я от дома к дому,
Надо мною кружились звезды,
И колокол на колокольне гудел
От порывов ветра;
И шаги усталого дока Хилла
Отдавались, точно шаги лунатика,
И где-то кричал петух.
Ныне кто-то другой сторожит Спун-Ривер,
Как до меня сторожили его другие.
Здесь, где лежим мы, док Хилл и я,
Никто не грабит и не ворует
И сторожить ничего не нужно.

САРА БРАУН

Морис, не плачь, я не под этой елью.
Душистый ветер весны веет в юной траве,
Сверкают звезды, зовет козодой.
Ты скорбишь, а душа моя упивается
Блаженной нирваной вечного света!
Муж мой, доброе сердце, горюет,
Ибо нашу с тобой любовь считает греховной.
Скажи ему, что судьбу мою определила
Любовь к тебе, равно как любовь к нему,
Что плотью я завоевала дух, а духом покой.
На небесах нет браков,
Но есть любовь.

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

Мой отец торговал фургонами,
Ковал лошадей и, разбогатеv,
Послал меня в Монреальский университет.
Я ничему не выучился и вернулся
И бродил по полям с Бертом Кесслером,
Охотился на перепелов и бекасов.
На озере Томпсон собачку ружья
Нечаянно направила уключина,
И в сердце моем прострелило здоровую
дырку.

Нежный отец надо мной поставил
Мраморную колонну с женской фигурой,
Которую изваял итальянский мастер.
Говорят, что прах моего тезки
Развеян близ пирамиды Гая Кестия,
Где-то под Римом.

ФЛОССИ КАБАНИС

От спунриверской «Оперы Биндла»
До Бродвея неближний путь.
Но я постаралась его осилить,
Ибо мне было шестнадцать
И душа моя полыхала:
У нас давали «Ист Линн»,
В главной роли был романтичный Ральф
Баррет,
Гастролер покорил мое сердце.
Он бросил меня в Нью-Йорке, совсем одну,
И я бесславно вернулась домой.

Он тоже кончил бесславно.
В этой долине молчания
Нет родственных душ.
О если бы Элеонора Дузе
Оказалась среди этих скорбных камней
И прочла бы мои слова!

ДЖУЛИЯ МИЛЛЕР

Мы поссорились в это утро —
Ему ведь шестьдесят пять, а мне тридцать,
Я была беременная, и нервничала,
И боялась мысли о родах.
Я думала о прощальном письме
Бросившего меня мужчины,
Чью измену я скрыла,
Выйдя замуж за старика.
И я приняла морфий и села читать.
Даже теперь я помню, как сквозь
Стужавшуюся темноту светились слова:
«И сказал ему Иисус: истинно
Говорю тебе, ныне же
Будешь со Мною в раю».

ДЖОННИ СЕЙР

Ты никогда не узнаешь, отец,
Какое раскаянье за своеволие
Пронзило мне сердце в тот миг,
Когда безжалостное колесо вагона
Вонзилось в кричащую плоть ноги.
Меня отнесли в дом вдовы Моррис,
И в окно вдалеке я увидел школу —
Я сбегал из нее кататься на поездах.

И я сутулился, и всегда нервничал,
И запинаясь, когда отвечал с места,
А если меня вызывали к доске,
Я забывал все, что выучил.
И я увидал рекламу доктора Уиза,
И в ней черным по белому было все,
Точно он хорошо знал про меня
И про сны, с которыми нет сладу.
Так я узнал, что скоро умру.
И я занервничал еще больше и начал
кашлять,
А потом сны прекратились.
Потом я уснул сном без сновидений
Здесь, на холме над рекой.

ПОЭТ ТЕОДОР

Теодор, мальчишкой ты часами просиживал
На берегу мутной Спун-Ривер,
Не сводя напряженного взгляда с норки,
Откуда мало-помалу покажется рак.
Сперва, как соломинки, шевельнутся усы,
Потом выглянет весь, цвета мыльного камня,
Украшенный угольно-черными глазками.
И, все на свете забыв, ты раздумывал,
Что знает рак, чего хочет, зачем живет.
Позже ты стал наблюдать мужчин и женщин,
Таящихся в норах судеб среди городов,
Ловил момент, когда души выходят на свет,
Чтобы как следует рассмотреть,
Как живут они и для чего,
И чего ради так суетятся
На песке, где чем глубже осень,
Тем меньше воды.

ГОРОДСКОЙ ШЕРИФ

Когда на выборах большинство
Проголосовало против салунов,
Меня сделали городским шерифом,
Ибо до того, как я стал ходить в церковь,
Я был выпивохой и убил шведа
На лесопилке в Кленовой роще.
Борцам за сухой закон потребовался
В блюстители городского порядка
Справедливый грозный, мрачный силач,
Ненавистник салунов и пьяниц.
И они вручили мне дубинку,
Которой я огрел Джека Макгуайра,
А он за это меня застрелил.
Борцы за сухой закон напрасно старались
Повесить его, ибо я явился во сне
Одному из двенадцати заседателей
И рассказал, как было на деле.
За убийство меня вешать не стоило.

ДЖЕК МАКГУАЙР

Кабы меня тайком и поспешно
Не перевели в тюрьгу в Пеории,
Здесь бы меня линчевали.
А что было — я мирно иду домой,
Малость навеселе и с бутылочкой,
А Логан; шериф, останавливает меня,
Обзывает пьяной свиньей, трясет
И, когда я его обложил,огревает
Меня своей новой дубинкой —
Я его застрелил только после этого.
Меня бы повесили, только вот закавыка:
Мой адвокат Кинси Кин помогал поймать

Старого Томаса Родса на зломном
банкротстве,
А судья был дружкойм Родса
И хотел, чтобы он выпутался,
И Кинси сказал, что оставит Родса в
покое,

Если меня не повесят. Так и решили.
Я просидел четырнадцать лет
И научился читать и писать.

ДОРКАС ГАСТИН

Горожане меня недолюбливали,
Ибо я говорил им правду в лицо,
А согрешивших против меня
Увещевал, не таясь, не лелея
Тайной злобы и мести.
Восхваляют спартанского юношу,
Прятавшего под плащом волчонка,
Который грыз ему печень.
Отважней, по-моему, выпустить волка
И воевать с ним в открытую
На улице, среди пыли и криков.
Язык мой, может быть, враг мой,
Молчание же отравляет душу.
Кто хочет, браните меня — не раскаиваюсь.

НИКОЛАС БИНДЛ

Вам не было стыдно, сограждане,
Когда наследство мое оценили,
И все увидали, как оно мизерно?
Вы требовали от меня всю жизнь:
Дай, дай, дай на церковь, на бедных,

На городские нужды! Как будто я мало
давал.

И не думайте, что я не знаю,
Как подаренный мною в церковь орган
Заиграл рождественские псалмы,
Когда дьякон Родс, разоривший банк и
меня,
Пришел молиться впервые по оправданье.

ДЖЕЙКОВ ГУДПАСЧЕР

Когда пал форт Самтер и началась война,
Я в отчаянии возопил:
«Погибла прославленная республика!»
Когда под трубы и барабаны
Хоронили моего сына-солдата,
Сердце мое не вынесло груза
Моих восьмидесяти, и я возопил:
«О сын, ты погиб в неправом бою!
Но хотел защитить свободу!»
И вот я лежу здесь, под травой.
Люди, с вершины времен ныне глядите:
Трижды тридцать миллионов душ
Сплотились во имя любви к еще большей
Истине,

Затаив дыхание, ждут,
Что от Братства и Мудрости
Родится новая Красота.
Очами духовными прежде вас
Я увижу Преображение.
Но вы, бесконечное племя орлов золотых,
Гнездящихся выше и выше,
Воспаряющих еще выше, к солнцу,
К горним просторам Мысли,
Не осудите усопшего филина за слепоту.

ГАРОЛЬД АРНЕТТ

Прислонился к камину... тошно, тошно,
И слабость от полдневного зноя,
В мыслях сплошная тоска, гляжу в бездну.
Где-то на церкви печально ударил колокол,
Я услышал крик младенца
И кашель Джона Ярнелла,
В ознобе, в ознобе,
Прикованного к постели, приговоренного,
И резкий голос моей жены:
«Не чувствуешь, что ль? Подгорает картошка!»
Я слышал... Непобедимое отвращение.
Я нажал на спуск... тьма... свет...
И невыразимое сожаление... Вот бы вернуться!
Поздно. Я родился с широкой грудью, чтобы
дышать...
Здесь нельзя дышать всей грудью, хоть надо
дышать...
Чего ради бежать из мира, когда ни одна
душа
Не избегает извечной судьбы живого?

МАРГАРЕТ ФУЛЛЕР СЛЭК

Я могла бы стать великой, как Джордж
Элиот.
Взгляните, как снял меня Пенниуит —
Подбородок, упертый в ладонь,
Глубоко посаженные глаза,
Светлые, проницательные.
Но существует старинный, старинный выбор:
Девственность, брак или нецеломудрие.
Богатый аптекарь Джон Слэк сделал мне
предложение,

Обещал мне досуг для писанья романов,
И я пошла за него и родила восьмерых,
И мне некогда было писать.
Все равно: стирая детские вещи,
Я вогнала в руку иголку и по иронии
судьбы

Умерла от столбняка:
Стиснутый рот, сведенные челюсти.
Возжелавшие славы, услышьте меня:
Женская доля — проклятие!

ДЖОРДЖ ТРИМБЛ

Вы помните, как со ступенек суда
Я разглагольствовал о свободной чеканке
И едином налоге, по Генри Джорджу?
Так вы не забыли — когда Несравненный
Вождь
Проиграл первый бой, я запел о сухом
законе.

И зачастил в церковь,
А все это из-за жены,
Это она расписала, как я погибну,
Если не докажу людям свою моральность.
Что ж, она меня погубила:
Радикалы засомневались во мне,
Консерваторы никогда мне не верили —
И вот я лежу, никем не оплакан.

ДОКТОР СИГФРИД АЙСМЕН

Когда мне вручали диплом, я поклялся,
Я поклялся, что буду добрым,
Мудрым, смелым и безотказным;

Что буду следовать в медицине
Принципам христианства!
Мир и другие врачи тебя видят
Насквозь, когда ты принимаешь
Столь возвышенное решение.
И они тебя морят голодом.
Никто не приходит к тебе, кроме бедных.
Слишком поздно ты понял, что быть
врачом —

Это еле сводить концы с концами.
А когда ты нищий и у тебя на шее
Христианские принципы, дети, жена —
Кто это вынесет!
И я стал продавать эликсир молодости,
За что угодил за решетку в Пеории,
И сам несгибаемый федеральный судья
Сказал про меня: мошенник и шарлатан!

«ТУЗ» ШОУ

Я сроду не видел разницы
Между игрой в карты на деньги
И продажей недвижимости,
Банковским делом, юриспруденцией и т. п.
Ибо везде всем правит случай.
И тем не менее —
Видишь человека упорного и трудолюбивого?
Он возвысится над царями!

ЛОИС СПИРС

Здесь покоится прах Лоис Спирс,
В девичестве Лоис Флук,
Дочери Уилларда Флука,

Супруги Сайруса Спирса,
Матери Миртл и Вирджила Спирсов,
Здоровых и ясноглазых детей
(Сама я слепорожденная).
Я была счастливейшей женщиной
Как жена, мать и хозяйка,
Заботилась о своих ближних
И превратила мой дом в обитель
Порядка и щедрого гостеприимства:
Ибо я убирала комнаты
И копала в саду
Не хуже, чем зрячая,
Словно в кончиках пальцев были глаза —
Слава в вышних Богу!

СУДЬЯ АРНЕТТ

Это правда, сограждане,
Что реестр моих дел, лежавший годами
На полке над моей головой,
Над креслом судьи, — так вот, это правда,
Что он был с железными уголками,
И один из них врезался в мою лысину
(Иногда мне кажется, его сбросило
Взрывной волной, пронесшейся над округой,
Когда на консервной фабрике бак с
бензином
Вспыхнул и сбросил наземь «Громилу» Уэлди) —
Но давайте рассудим все по порядку
И тщательно вникнем в суть дела:
Во-первых, согласен, моя голова
пострадала,
Но, во-вторых, страшно другое:
Листы реестра рассыпались и разлетелись

Вокруг меня, как колода карт
В руках хорошего фокусника.
И я до конца глядел на эти листы,
Пока не сказал себе: «Это же не листы,
Ты разве не видишь, что это дни, дни,
Дни и дни семи десятков твоих годов?
Зачем вы мучаете меня листами
С ничтожными записями?»

УИЛЛАРД ФЛУК

Жена моя потеряла здоровье,
Иссохла, весила девяносто фунтов.
Потом появилась женщина —
Мужчины прозвали ее Клеопатрой.
И мы — все женатые —
Нарушили брачные клятвы, и я среди всех.
Год проходил за годом, и смерть
Ужасными способами прикончила всех,
И меня посетила мысль,
Что Бог ко мне особенно милостив,
И я стал писать, писать, писать десть за
дестью
О втором пришествии Христа.
Потом Христос пришел ко мне и сказал:
«Ступай в церковь, стань перед
прихожанами
И исповедай свой грех».
Но когда я вышел и заговорил,
Я увидел в первом ряду мою девочку,
Мою слепорожденную дочку!
После этого все — тьма!

ЭНЕР КЛУТ

Сколько раз меня спрашивали,
Угощая вином или пивом,
Сначала в Пеории, после в Чикаго,
Денвере, Фриско, Нью-Йорке,
Как оно так получилось
И с чего это началось.
Ну, я отвечала: богатый мужчина
(Люшес Атертон) обещал жениться
И подарил дорогое платье.
На самом деле все было иначе.
Допустим, с лотка перед лавкой
Мальчишка сопрет яблоко —
И все начинают звать его вором:
Редактор, священник, судья, весь город.
Куда он ни ткнется, везде «вор», «вор»,
«вор»,
И нет ему ни работы, ни хлеба,
Ежели не украдет, и он крадет.
Так отношение людей к краже яблока
Делает из мальчишки вора.

ЛЮШЕС АТЕРТОН

Когда у меня вился ус,
А волосы были, как смоль,
И я носил брюки в обтяжку
И булавку с алмазом,
Я слыл сердцеedom и не знавал неудач.
Но блеснула первая седина,
И новое поколение девчонок
Надо мной смеется без страха,
И больше нет завлекательных приключений,

Когда меня чуть не приканчивали как
злодея, —

Но только серенькие интрижки,
Но только интрижки с воспоминаньями
О других временах, о других мужчинах.
Шли годы, и я дошел до ресторана Майера,
Где глотал в буфете яичницу, грязный,
седой,

Беззубый, забытый провинциальный Дон Жуан...
Некий великий призрак здесь поет
О некоей Беатриче;
То, что сделало его гением,
Превратило меня в отребье.

ХОМЕР КЛЕПП

Энер Клут мне запрещала
Целовать ее у дверей на прощанье,
Дескать, это после помолвки.
Когда со скетинг-ринка или с молебна
Я провожал ее до дому,
Она подавала мне руку, точно чужому.
Не успевали шаги мои стихнуть,
Как Люшес Атертон
(Я узнал, когда Энер сбежала в Пеорию)
Забирался в ее окошко
Или на быстрой упряжке гнедых
Вывозил ее за город.
От потрясенья я бросил мечтать о
девушках
И вложил все деньги, оставшиеся от отца,
В консервную фабрику, и получил там
Место бухгалтера, и потерял место и
деньги.
И тогда я понял, что я — игрушка судьбы,

И лишь по смерти я стану как все люди
И почувствую себя человеком.

ДЬЯКОН ТЕЙЛОР

Я был в лоне церкви
И стоял за сухой закон,
И горожане решили, я умер от пристрастия
к арбузам.

На деле же у меня был цирроз печени,
Ибо тридцать лет каждый полдень
Я пробирался в заднюю комнату
Аптеки Трейнора
И наливал себе щедрой рукой
Из бутылки с этикеткой
«Spiritus frumenti».

СЭМ ХУКИ

Влюбившись в мадемуазель Эстраладу,
Укротительницу львов,
Я сбежал из дому с цирком.
Однажды я не кормил львов
Более суток
И вошел к ним в клетку и начал бить
Брутуса, Лео и Джипси.
Брутус бросился на меня
И растерзал.
В царстве призраков я встретил призрака —
Он обругал меня и сказал,
Что так мне и надо...
Это был Робеспьер!

КУНИ ПОТТЕР

Я унаследовал сорок акров.
Я заставил жену, двоих сыновей и двух дочерей
Работать с зари до зари и добрал
До тысячи акров. Но мне были
Необходимы две тысячи акров,
И я пробивался сквозь жизнь с топором и плугом,
Во всем отказывая себе, жене, сыновьям, дочерям.
Сквайр Хуки обидел меня, сказав,
Будто умер я от сигар «Ред Игл».
Я, обжигаясь, глотал пирожки и давился кофе
В раскаленные дни страды и от этого
Не дотянул до шестидесяти.

СКРИПАЧ ДЖОНС

Мир постоянно звучит в груди,
И в этом твоя настоящая сущность.
Если ты можешь играть на скрипке,
Тебя заставят играть на скрипке.
Что это, клевер перед покосом
Или пойменный луг у реки?
Скоро коров поведут на торги,
Ибо ветер шумит в пшенице;
Ты же слышишь шуршанье юбок,
Словно в Литтл-Гроуве на танцах.
Куни Поттеру в столбике пыли
И кружившихся листьях виделась засуха;
Мне в них мерещился рыжий Сэмми,
Сбежавший за цирковой музыкой.
Мог я пахать свои сорок акров

И помышлять о покупке новых,
Если в башке от ворон и дроздов
И от скрипенья мельничных крыльев
Пели трубы, фаготы и флейты?
В жизни я не пахал ни разу,
Ибо едва соберешься в поле,
Как позовут на пикник или танцы.
Я кончил жизнь с сорока акрами;
Я кончил жизнь с надтреснутой скрипкой,
Надтреснутым смехом, тысячей воспоминаний
И без единого сожаления.

НЕЛЛИ КЛАРК

Мне было восемь лет;
И пока я не выросла, я не могла ни
понять,
Ни передать словами что-нибудь, кроме
того,
Что я испугалась и рассказала маме;
И что мой папа схватил пистолет
И убил бы Чарли — это большой мальчик,
Ему было пятнадцать, — если б не мама
Чарли.
И это дело прилипло ко мне.
Но мой жених, вдовец тридцати пяти лет,
Был приезжий и услышал об этом
Лишь через год после свадьбы.
И счел, что его обманули.
И в городе согласились, что я не совсем
девушка.
Что ж, он бросил меня, и я умерла,
Когда наступила зима.

Один счастлив только там, где счастливы
двое;
И еще: сердца наши рвутся к звездам,
Которым мы не нужны.

ДЖОРДЖ ГРЕЙ

Я рассматривал много раз
Памятник, что мне поставили,—
Лодка с убранным парусом в тихой
пристани.
Поистине это символ, но не моей смерти,
А моей жизни.
Ибо мне предлагали любовь, но я опасался
разочарованья;
Печаль стучалась ко мне, я боялся открыть
ей дверь;
Честолюбье взывало ко мне, я же страшился
риска.
И все это время я искал в моей жизни
смысл.
Теперь я знаю, что надо парус поднять
И подставить ветру судьбы,
Куда бы он ни занес лодку.
В поисках смысла жизни можно сойти с ума,
Но жизнь без смысла — проклятье
Беспокойства и смутных желаний:
Лодка мечтает о море, но в море страшно.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ГЕНРИ БЕННЕТ

Лишь на смертном одре меня осенило,
Что Дженни любила меня до смерти
С коварным умыслом.

Ибо мне было семьдесят, ей тридцать пять;
Я превратился в тень, стремясь быть
хорошим мужем
Дженни, цветущей Дженни, пышащей жизнью...
Ибо вся моя мудрость и благожелательность
Были ей поистине безразличны —
Зато с каким восторгом она говорила
О гигантской силе Уилларда Шейфера,
Как он геройски вытащил трактор
Из канавы у Джорджи Кирби.
Она унаследовала мое состоянье и вышла
за Уилларда —
За гору мышц! За ничтожный умишко!

БОЧАР ГРИФФИ

Бочар знает толк в бочках.
Но я знаю кое-что и о жизни,
А вы, бродящие около этих могил,
Решили, что это вы знаете жизнь.
Вы, может, решили, что видите дальние
горизонты,
На деле вы видите только внутренность
собственной бочки.
Вы не способны подняться до края,
Взглянуть на внешний мир
И, таким образом, на самих себя.
Вы погружены в собственную бочку;
Запреты, условности, правила —
Ободья вашей бочки.
Сломайте их и покончите с наваждением,
Не считайте, что бочка — жизнь!
И что вы знаете жизнь!

Как же вы позволяете дочке модистики Доре
И бездельнику, отпрыску Бена Пэнтира,
Еженощно могилу мою превращать в
подстилку?

РОБЕРТ САУТИ БЕРК

Я вбухал деньги в ваше избрание мэром,
Э.-Д. Блад.
Я не таясь восхищался вами,
Вы казались мне почти совершенством.
Вы лишили меня личности,
И идеализма юности,
И силы высокой верности.
И все мои надежды на жизнь,
И вся моя вера в Истину
Растаяли в ослепляющем жаре
Моей безграничной преданности
И вылились в ваш образ.
И когда я узнал, что на деле
Душа у вас мелкая,
А слова фальшивые,
Точно фарфоровые челюсти
И целлулоидные манжеты,
Я возненавидел свою любовь к вам,
Возненавидел себя и возненавидел вас
За мою погибшую душу, погибшую юность.
Я говорю всем: остерегайтесь идеалов,
Остерегайтесь вручать свою любовь
Кому-либо из живущих.

ДОРА УИЛЬЯМС

Когда Рубен Пэнтир бросил меня и сбежал,
Я уехала в Спрингфилд. Там я встретила
пьяницу,

Только что получившего состояние.
Он женился на мне. Жизнь с ним была
кошмаром.

Через год его принесли с улицы мертвого.
Я стала богатой. Перебралась в Чикаго.
Там я встретила Тайлера Раунтри, негодяя.
Я переселилась в Нью-Йорк. Седовласый
магнат

Влюбился в меня — еще одно состояние.
Он умер однажды ночью в моих объятьях.
Не забуду его налитое кровью лицо.
Вышел почти скандал. Я снова уехала,
На сей раз в Париж. Теперь я была дамой,
Вероломной, изысканной, опытной,
светской, богатой.

В моей квартирке близ Елисейских полей
Собирались самые разнообразные люди —
Музыканты, поэты, денди, художники, знать,
Звучал французский, немецкий и итальянский.
На мне женился граф Навигато из Генуи.
Мы поехали в Рим. Он, должно быть, меня
отравил.

Я лежу на Campo Santo над морем,
Здесь юный Колумб мечтал о новых мирах,
Надо мной надпись: «Contessa Navigato
Implora eterna quiete¹».

МИССИС УИЛЬЯМС

Я была модистка,
Обо мне болтали всякую чушь.
Я мать Доры,
Чье странное исчезновение
Приписали ее воспитанью.

---

¹ Графиня Навигато молит о вечном покое (ит.).

Я живо видела красоту
И многое, кроме лент,
Перьев и пуговиц,
Соломки и фетра,
Относящих прелесть лица
И черных и золотых волос.
Одно я скажу вам,
Другое спрошу у вас:
Похитительницы мужей
Пудрятся, носят брошки
И модные шляпки.
Жены, носите их сами.
Шляпки ведут к разводам
И предотвращают разводы.
А теперь я спрошу у вас:
Если бы всех детей, рожденных в
Спун-Ривере,
Окружные власти воспитывали в деревне,
А их матерям и отцам бы дали свободу
Жить и радоваться и менять супругов —
Стал бы Спун-Ривер от этого
Хоть чуточку хуже?

УИЛЬЯМ И ЭМИЛИ

В Смерти есть сила
Сродни любви!
Если некто, с кем вы познали страсть
И горенье юной любви,
И вы сами, прожив долгую жизнь вдвоем,
Ощущаете убывание пламени
И постепенно, легко, незаметно
Угасаете вместе,
Словно в обнимку

Выходите из знакомой комнаты, —
То эта сила, роднящая души,
Сродни любви!

ОКРУЖНОЙ СУДЬЯ

Прохожие, видите шрамы на камне —
Это ветер и дождь секут мое изголовье,
Словно тайная Немезида или же чья-то
ненависть
Зарубками отмечают очки, которые
Я проиграл в борьбе за людскую память.
В жизни я был окружным судьей, сам делал
зарубки,
Решал, какой адвокат набрал больше очков,
Суть дела меня беспокоила мало.
О ветер и дождь, не губите мое изголовье!
Ибо хуже, чем гнев осужденных невинно,
Хуже, чем проклятия бедных,
Лежать бессловесно и ясно видеть,
Что даже убийца Ход Патт,
Повешенный по моему приговору,
По сравненью со мной, был невинный
младенец.

СЛЕПОЙ ДЖЕК

Я играл целый день на ярмарке.
На обратном пути «Громила» Уэлди и
Джек Макгуайр,
Пьяные в дым, горланили «Сьюзи Скиннер»
И заставляли меня подыгрывать,

А сами нахлестывали и нахлестывали
лошадей,
А когда лошади понесли — спрыгнули.
Слепой, я старался выскочить,
Когда телега неслась под откос,
Но попал под колеса и был раздавлен.
Здесь есть один слепец,
Со лбом огромным и ясным, как облако,
И мы все, скрипачи от лучших до худших,
Сочинители музыки и сказители,
Сидим у его ног
И слушаем, как он поет о падении Трои.

ДЖОН ХОРЕС БЕРЛСОН

Я получил премию
За лучшее школьное сочинение,
В двадцать пять я напечатал роман.
Я ездил в Чикаго за сюжетами
И для художественных впечатлений;
Там я женился на дочке банкира
И позднее стал президентом банка —
И всегда мечтал выкроить время
И создать эпос, роман о нашей войне.
У меня гостили Мэтью Арнольд и Эмерсон.
Друг великих, ценитель литературы,
Я говорил на банкетах речи
И философствовал в местных клубах.
Меня вернули туда, где я родился, —
В Чикаго ни на единой табличке
Не увековечено мое имя.
Какое величие сочинить строку:
«Стремите, волны, свой летучий бег!»

НЭНСИ НЭПП

Сами знаете, как это в жизни бывает:
Он получил наследство, купил ферму,
А братья и сестры стали всюду кричать,
Что это он настроил отца против них.
С нашим хозяйством мы покоя не знали.
То сибирская язва, то неурожай,
То молния угодила в амбар.
Пришлось заложить ферму, чтоб
оклематься.

Он сделался тихий и беспокойный.
Тут соседи перестали здороваться с нами,
Люди считали, что правы братья и сестры.
И не к кому ткнуться, раньше хоть можно
было

Сказать: «Такие-то нам друзья, да и не
пора ли

Проветриться и скатать в Декатур».
Тут в доме вдруг воцарился ужасный смрад,
И я подожгла постели. Проклятый дом
Взвился в ревущем пламени.
Я плясала, размахивая руками.
Он плакал молча, точно телок.

БАРРИ ХОЛДЕН

В ту осень, когда сестра моя Нэнси Непп
Подожгла свою ферму,
Доктор Дюваль обвинялся
В убийстве Зоры Клеменс,
И я сидел в суде две недели
И слушал свидетелей.
Ясно, она понесла от него;
И он не мог допустить,

Чтоб ребенок родился.
Что тогда говорить обо мне с восьмерыми,
Девятый в проекте, и ферма заложена
В банке у Томаса Родса?
В тот вечер я возвратился домой
(Выслушав о поездке в коляске
И как потом Зору нашли в канаве),
И первое, что я увидел возле крыльца,
Где мальчишки рыли червей для наживки, —
Был здоровенный нож!
Я вошел и увидел жену,
Она стояла с большим животом
И хотела что-то сказать о заложенной ферме,
Но я зарезал ее.

ПРОКУРОР ШТАТА ФОЛЛАС

Я, носитель возмездия и разрешитель сомнений,
Разивший бичом и мечом,
Злейший враг преступивших закон,
Буквояд, жестокий и неумолимый,
Убедивший присяжных повесить безумного Барри
Холдена,
Не вынес слишком яркого света, и обмер,
И очнулся с лицом в крови перед Реальностью:
Стальные щипцы неумелого акушера
Смяли головку моего входившего в жизнь
мальчика

И сделали из него идиота.
Чтобы за ним ухаживать,
Я стал читать медицинские книги.
И постепенно мир тех, кто болен рассудком,
Стал делом моей жизни, моим миром.
Бедный погубленный мальчик! Ты был гончаром,
А я и мои благие деянья —
Сосуды твоей лепки.

УЭНДЕЛЛ П. БЛОЙД

Так как нет статьи о кощунстве,
Сначала меня притянули за хулиганство.
Потом меня заперли в сумасшедший дом,
Где санитар-католик забил меня насмерть.
Вот в чем было мое преступление:
Я сказал, что Бог обманул Адама,
И тот жил дураком, не зная,
Что в мире, кроме добра, есть и зло.
Адам же перехитрил Бога,
Съел яблоко и увидал обман,
И тогда Бог выгнал его из рая,
Чтобы Адам не вкусил от плода бессмертия.
Разумные люди, взгляните Христа ради,
В «Книге Бытия» Сам Бог говорит:
«И сказал Господь Бог: вот Адам
Стал как один из нас (правда, ревнует?),
Зная добро и зло (о всеобщем добре больше врать
нельзя);
И теперь как бы не простер он руки своей,
И не взял также от дерева жизни,
И выслал его Господь Бог из сада Эдемского».
(И по-моему, очень похоже, что Своего Сына
Он распял, только чтобы покончить с неразберихой.)

ФРЭНСИС ТЕРНЕР

Я не бегал и не шалил
В детстве,
Взрослый я пил только чай,
Не вино —
Скарлатина меня наградила пороком сердца.
И все-таки я лежу здесь, утешенный тайной,
Которой не знает никто, кроме Мэри:

В саду из катальп и акаций,
Где беседки обвил виноград,
В июне, в послеполуденный час
Я был с Мэри,
Целовал ее так, что душа

вот-вот упорхнет —

И она упорхнула.

ФРАНКЛИН ДЖОНС

Я не дожил всего один год,
Не достроил летательный аппарат
И не стал богатым и знаменитым.
В сущности, не случайно мастер,
Высекая мне голубя в изголовье,
Сделал его похожим на курицу.
Ибо что есть вся наша жизнь?
Вылупился, побегай по двору,
Пока тебе не отрубят голову.
Разве что у человека ум ангела —
О топоре он знает с первого дня!

ДЖОН М. ЧЕРЧ

Как юрисконсульт Железной дороги
И Страховой компании, защищавшей
Интересы владельцев шахты,
Я вертел судьей и присяжными,
Равно как судами высших инстанций,
И отвергал претензии
Калек, вдов и сирот,
На чем и сделал себе состоянье.
Коллегия адвокатов меня почтила
Прочувствованной резолюцией,

Изобиловали цветочные подношения —
Но крысы съели мое сердце,
А в черепе свили гнездо змеи.

СОНЯ РУССКАЯ

Я родилась в Веймаре
От француженки
И почтенного немца-профессора,
Осиротела в четырнадцать
И на парижских бульварах стала
Танцовщицей Соней Русской,
Любовницей герцогов и баронов
Или бедных художников и поэтов.
В сорок, *passée*¹, на пароходе в Нью-Йорк
Я встретила старого Патрика Хаммера,
Румяного, крепкого в свои шестьдесят.
Он привез меня в Спун-Ривер. Мы прожили
Двадцать лет — все считали, мы муж и жена!
На соседнем дубе синие сойки
Болтают, болтают весь день.
Почему бы и нет? Самый прах мой смеется
Над забавной проделкой, по кличке Жизнь.

АЙЗА НАТТЕР

Док Мейерс назвал это сатириазом,
Док Хилл окрестил это раком крови —
Мне-то видней, что меня погубило:
В шестьдесят четыре я был здоровей,
Чем многие в сорок. И дело не в том,
Что каждый день я писал по письму,

---

¹ Увядшая (*фр.*).

Триолеты, рондели, рондо, вилланели,
Десятки баллад, все на старый манер:
Любовь увядает, как роза, и
Где прошлогодние розы и снег?
Вокруг меня в городе ткется жизнь:
Драма, комедия, мужество, честность,
Смелость, верность, геройство, крах —
Все на одном станке, и какие узоры!
Что до лесов, лугов, ручейков и рек,
К ним я был слеп всю жизнь.
Триолеты, рондели, рондо, вилланели —
Зерна в сухом стручке тик-тик-тик,
Тик-тик-тик, к чему эти мелкие ямбы,
Когда Гомер и Уитмен ревели в соснах?

ПОЛИНА БАРРЕТТ

После ножа хирурга почти что тень женщины!
Почти год приходила в себя, набирала силы,
Так что утро десятилетия свадьбы
Застало меня как будто прежней.
Мы вместе бродили по лесу.
По беззвучным мшистым тропинкам.
Но я не могла глядеть тебе в глаза,
И ты не мог глядеть мне в глаза,
Ибо наша беда такова, что ты начал сесть,
А я — тень бывшей себя.
Мы говорили — о чем? — о реке и небе,
Почти обо всем, только бы скрыть свои мысли.
И потом твой подарок — букет шиповника —
Украсил наш ужин.
Бедный, как мужественно ты старался
Жить счастливыми воспоминаньями!
К ночи я вовсе упала духом.

И ты оставил меня одну в моей комнате,
Как тогда, когда я была невестой.
И зеркало мне сказала в упор:
«Кто полумертв, тот должен быть мертв,—
Чтобы не оскорблять жизнь и любовь».
И я это сделала, глядя в зеркало,—
Неужели ты так и не догадаешься, милый?

МИССИС ЧАРЛЗ БЛИСС

Отец Уайли мне посоветовал не разводиться
Ради детей.
Судья Сомерс сказал ему то же самое.
И мы вместе прошли наш путь до конца.
Но двое детей считали, прав он,
А двое детей считали, права я.
Стоявшие за него во всем винили меня,
Стоявшие за меня во всем винили его.
И каждый болел за кого-то из нас,
И каждого мучил грех осуждения,
И каждый душой разрывался, не в силах любить
И его, и меня.
Всякий садовник знает, что все растения,
Выросшие под камнями или в подвале,—
Белесые, чахлые и искривленные.
Никакая мать не даст ребенку груди,
Если знает, что молоко ядовито.
А судьи и проповедники учат воспитывать души
Там, где нет солнца, но вечный сумрак
И вместо тепла лишь сырость и холод,—
Судьи и проповедники!

МИССИС ДЖОРДЖ РИС

Новому поколению я скажу:
Заучите красивый и мудрый стишок.
Когда-то он может спасти вас.
Мой муж не имел отношения к краху банка —
Он служил в нем кассиром.
Всему виною был президент Томас Родс
И его бездарный, бессовестный сын.
Но в тюрьму упекли моего мужа.
И я осталась с детьми.
Я должна была их кормить, одевать,
Отправить их в школу и после в мир,
Опятных, здоровых душой и телом,—
Я помнила мудрую строчку Поупа, поэта:
«Вся доблесть в том, чтоб роль сыграть достойно».

ОТЕЦ ЛЕМЬЮЭЛ УАЙЛИ

Я прочел четыре тысячи проповедей,
Я провел сорок ревайвалов¹
И крестил множество обратившихся.
Но ни одно мое деяние
Не сияет так ярко у всех в памяти,
Так не дорого мне самому,
Как спасение от распада семьи Блиссов
И избавление их детей от позора —
Они выросли высоко нравственными людьми,
Счастливые сами и украшение города.

---

¹ Р е в а й в а л — торжественное богослужение, особенно в евангелической церкви, призванное усилить интерес к вере. (Примеч. перев.)

ТОМАС РОСС, МЛАДШИЙ

Это я видел своими глазами:
Ласточка-береговушка
Вырыла гнездышко на крутом обрыве
Над Мельничным бродом.
Только вылупились птенцы,
Змея вскарабкалась по откосу,
Чтобы сожрать их.
Мама-ласточка с резким криком
Бросилась на змею,
Носилась вокруг нее,
Ослепляла ударами крыльев,
Пока змея, изогнувшись,
Не отвалилась от берега
И не рухнула в мутный Спун-Ривер.
Но не прошло и часа,
Как жулан
Насадил маму-ласточку на острую ветку.
Я победил свою изменную натуру
Лишь для того, чтоб погибнуть из-за тщеславья
брата.

ОТЕЦ ЭБНЕР ПИТ

Я вовсе не возражаю,
Что мои пожитки пошли с молотка
На городской площади.
Это дало возможность моей возлюбленной пастве
Получить что-либо из моих вещей
На память.
Но этот сундук, который достался
Трактирщику Бурхарду, —
Знаете, в нем хранились рукописи
Всех сказанных мной проповедей —
А он сжег их, как мусор!

ДЖЕФФЕРСОН ХАУАРД

Жизнь моя — доблесть! Именно — доблесть,
Как и отцовы вирджинские добродетели:
Ненависть к рабству и не меньше рабства — к
войне.

Я, полный жизни, веселья, задора, отваги,
Был заброшен судьбиной в этот Спун-Ривер,
Где большинство — родом из Новой Англии,
Торгаши, кальвинисты, банкиры, республиканцы, —
Ненавидит меня и боится моих кулаков.

Жена и детишки мне малость не по карману,
Но все же — плоды моего жизненного интереса,
Случайные связи сгубили мне доброе имя,
Я пожинал беды, которых не сеял.

Враг церкви, с ее замогильным холодом,
Сторонник трактирного теплого дружества
Связан планидой с планидами чуждых людей,
Брошен теми, кого я считал своими.

И когда я понял, моя неумемная сила
Начинает сдавать, я огляделся, и что же:

Дети мои обитают в чужих садах,

А я один, как и начал, один!

Жизнь моя — доблесть! Знайте, я умер стоя,
Не боясь ни молчанья, ни пустоты, в которой
Кому интересно знать, что жизнь моя — доблесть?

СУДЬЯ СЕЛА ЛАЙВЛИ

Допустим, в вас пять футов два дюйма,

И днем вы работаете в бакалее,

А ночью зубрите право при свечке,

Пока не выбьетесь в адвокаты.

Затем, допустим, своим усердьем

И регулярным хождением в церковь

Вы стали поверенным Томаса Родса,
Собираете векселя, закладные
И представляете вдов и сирот
В судах по наследству. И все это время
Смеются над вашим ростом, костюмом
И вычищенными башмаками. А после,
Допустим, вы — окружной судья.
И Джефферсон Хауард, и Кинси Кин,
И Хармон Уитни, и все великаны,
Насмешники ваши, уже под судом
И стоя вам говорят «ваша честь» —
Так вот, не кажется ль вам нормальным,
Что я как мог омрачал им жизнь?

АЛЬБЕРТ ШИРДИНГ

Джонас Кин считает свой жребий суровым,
Потому что все дети его — неудачники,
Мне же ведомо испытание посуровей:
Быть неудачником, когда твои дети преуспевают.
Ибо я вырастил стаю орлов,
А орлы разлетелись, оставив меня
Каркать на опустевшей ветви.
И тогда, желая добыть себе титул
«достопочтенный»
И вернуть уваженье детей, я полез в кандидаты
На пост окружного инспектора школ,
Вбухал все мои сбереженья — и проиграл.
Осенью моя дочь получила в Париже
Золотую медаль за картину «Старая мельница»
(Это была водяная мельница, а потом
Генри Уилкин ее превратил в паровую).
Я не мог жить с сознанием, что недостоин дочери.

ДЖОНАС КИН

Как мог Альберт Ширдинг покончить с собой,
Не пройдя на пост окружного инспектора школ,
Ведь он имел средства к существованью
И дивных детей, принесших ему почет
До того, как он стал стариком.
Когда б хоть один мой сын управлялся с газетным
киоском,
Когда б хоть одна моя дочь вышла замуж не за
подонка,
Я бы не проходил всю ночь под дождем,
И не лег в постель во всем мокром,
И не прогнал врача.

ЮДЖИНИЯ ТОДД

Прохожие, вам это знакомо:
Вечно ноющий зуб,
Неотвязная невралгия в боку,
Злокачественная опухоль.
И даже в самом глубоком сне —
Тень сознания или подобье мысли
О зубе, о невралгии, об опухоли?
Так отвергнутая любовь и растоптанные
стремленья
Или ошибка, из-за которой
Жизнь испорчена непоправимо,
Будут, как зуб или невралгия,
Плыть сквозь сны, даже в последнем сне,
Пока не придет совершенное освобожденье
От сферы земного, и ты словно проснешься
Ясным утром, здоровый, счастливый!

В Спун-Ривере

Меня привели в воскресную школу,
Уговаривали сменить Конфуция на Христа.

Если б я стал уговаривать их

Сменить Христа на Конфуция, хуже б не вышло:

Словно в шутку, не говоря ни слова,

Сын священника Гарри Уайли,

Подкравшийся сбоку, одним ударом

Вдавил мои ребра в легкие.

Никогда мне не спать в Пекине бок о бок с

предками,

Над могилой моей никогда не помолятся дети.

ВАШИНГТОН МАКНИЛИ

Богатый, в почете у горожан,

Отец многих детей от благородной матери,

Взрастивший их

В огромной усадьбе на окраине города.

Видите этот кедр перед террасой?

Я посылал сыновей в Энн-Арбор, дочерей в

Рокфорд,

А жизнь моя шла, умножая богатства и почести, —

По вечерам я сидел под кедром.

Годы шли.

Я посылал дочерей в Европу,

Давал им порядочное приданое.

Давал сыновьям деньги, чтобы открыть дело.

Они были славные дети, крепенькие, как яблочко,

Пока не означится битое место.

Джон с позором бежал из Штатов,

Дженни погибла от родов —

Я сидел под моим кедром.

Гарри покончил с собой после скандала,
Сьюзен бросила мужа —
Я сидел под моим кедром.
Пол не выдержал перегрузок в ученье,
Мэри от несчастной любви стала затворницей —
Я сидел под моим кедром.
Жизнь одних проглотила, другим поломала
крылья —
Я сидел под моим кедром.
Моя подруга, их мать, скончалась —
Я сидел под моим кедром,
Пока мне не стукнуло девяносто.
О мать-земля, баюкающая опавший лист!

ПОЛ МАКНИЛИ

Милая Джейн! Прелестная милая Джейн
В чепце сиделки и льняных нарукавниках
Прокралась сюда, где я лежал больной,
Взяла меня за руку и сказала с улыбкой:
— Не такой ты больной, ты скоро поправишься, —
И влага сочувствия из твоих глаз
Проникла в мои глаза, как роса
Проникает в сердечко цветка.
Милая Джейн! Всем состояньем Макнили
Не оплатить твоей любовной заботы
Днем и ночью, ночью и днем;
Не воздать за улыбку твою, за нежность руки,
Ложившейся мне на лоб.
Джейн, пока пламя жизни моей не иссякло
Во мраке над кругом ночи, я тосковал,
Я мечтал выздороветь лишь для того,
Чтоб прильнуть головою к твоей груди
И обнять тебя любовным объятьем, —
Не обошел ли отец мой тебя в завещанье,
Джейн, милая Джейн?

МЭРИ МАКНИЛИ

Прохожий,
Любить — это значит найти свою душу
В душе любимого.
Когда из твоей души любимый уходит,
Он уносит твою душу.
Сказано: «У меня есть друг,
Но у скорби моей нет друга».
Отсюда годы затворничества в отцовском доме —
Я старалась вернуть себя,
Претворить печаль в высокое знание себя,
Но всегда мой отец со своими скорбями
Сидел под своим кедром —
И наконец мне сердце пронзила эта картина
И принесла бесконечный покой.
О души, из черной почвы
Вырастившие для жизни
Благоуханную белую туберозу,
Вечный вам мир!

ДЭНИЕЛ МАККАМБЕР

Мэри Макнили, когда я уехал в город,
Клянусь, я хотел вернуться к тебе.
Но дочь хозяйки гостиницы Лора
Прокралась в мою жизнь и завладела мной.
А спустя пару лет я встретил
Жоржину Майнер из Найлса,
Дитя свободной любви, фурьеристских садов,
Перед войной заполонивших Огайо.
Ее прохиндей-любовник устал от нее,
И она обратилась ко мне за защитой и утешеньем.
Она из тех плаксивых существ,
Что стоит обнять, как из носу хлынет

И перемажет тебе лицо
И всего тебя с головы до ног;
И тут же вонзится зубами в руку,
Отскочит и смотрит, а ты стоишь,
Рука в крови и жуткая вонь, —
Мэри Макнили, я был недостойн
Целовать подол твоего платья!

ЖОРЖИНА ЗАНД МАЙНЕР

Мачеха выставила меня и озлобила.
Прохиндей, рохля, лентяй лишил меня чести.
Никто не знал, что я стала на годы его любовницей.
Я переняла у него паразитский навык:
Прыгать по жизни, словно блоха по собаке.
Я только и делала, что меняла мужчин.
Годы со мною жил вольнодумец Дэниел.
Его сестра назвала меня любовницей брата,
Он написал мне: «Позорное слово марает нашу
любовь!»
Я свилась в кольцо, как змея, готовая броситься.
Тут вступила моя приятельница-лесбиянка.
Она ненавидела Дэниелову сестру.
Дэниел презирал ее карлика-мужа.
Подруга направила мой ядовитый бросок:
Сказать его жене, что Дэниел пристает!
О, как я его умоляла уехать со мной в Лондон!
Но он возразил: — А чем плохо здесь? —
И тут я легла на дно и отомстила.
В объятиях прохиндея. Потом всплыла
С письмом, в котором Дэниел
Защищал меня от позорного слова, —
Я же это письмо показала его жене,
Приятельнице-лесбиянке и всем на свете.

Лучше б Дэниел застрелил меня,
Чем разоблачать догола такую,
Шлюху душой и телом!

ТОМАС РОДС

Что ж, либералишки,
Проводники по царствам вымысла,
Пловцы по умственным высям,
Вас относит то туда, то сюда,
Вы ухааете в воздушные ямы,
Все вы, Маргарет Фуллер Слэк, и Петит,
И Теннесси Клаффлин Шоп, и прочие, —
Все вы хваленым своим интеллектом уразумели,
Как трудно в предсмертный час
Душу спасти от распада на атомы.
Мы же, владельцы земных сокровищ,
Искатели и накопители золота,
Тверды, сдержанны, уравновешенны
Даже в предсмертный час.

АЙДА ЧИКЕН

Прослушав курс лекций в Чатокве
И прозанимавшись французским
Двадцать лет, так что знала грамматику
Почти наизусть,
Я решила: пора поехать в Париж,
Чтобы знаньям придать завершающий блеск.
И я отправилась за паспортом в Пеорию
(В одном поезде с Томасом Родсом),
Где чиновник окружного суда
Взял с меня клятву поддерживать и защищать
Конституцию — да, с меня,

Неспособной ее поддерживать и защищать!
И что бы вы думали? В то же утро
В соседней комнате федеральный судья
Постановил, что Конституция
Освобождает Родса от налога на прокладку
Спунриверского водопровода!

ПЕННИУИТ, ФОТОГРАФ

Я потерял клиентуру в Спун-Ривере,
Потому что пытался камерой
Уловить душу клиента.
Самый лучший снимок я сделал
С эрудита, судьи Сомерса.
Он сел и велел ждать,
Когда косые его глаза глянут прямо.
В нужный миг он сказал: — Давай! —
Но я закричал: — Недействительно! —
И глаза его разбежались,
И я щелкнул такого, какой всегда
Произносил: — Отклоняю.

ДЖИМ БРАУН

Пока я возился с доном Педро,
Я понял, что разделяет род людской на тех,
Кто за «Индюшку в соломе» и кто за «Кровавый
ручей»
(Бывало, в Конкорде его распевал Райл Поттер);
Кто за карты и кто за проповедь отца Пита о Святой
земле;
За калейдоскоп увлечений или за сбор
пожертвований,

За Пинафора на скачках или кантату в воскресной
школе;
За справедливость к работникам или за
скопидомство;
За людей или против людей.
Вот как это было:
Отец Пит и общество «За чистоту нравов»,
Во главе в женой Бена Пэнтира,
Заявились к отцам города
И потребовали, чтобы я перевез
Дона Педро из сарая Ваша Макнили на выселках
В муниципальный сарай,
Ибо страдает нравственность общества.
Бен Пэнтир со скрипачом Джонсом спасли
положение —
Они сочли, что это оскорбительно для коней.

РОБЕРТ ДЭВИДСОН

Духом я жил за счет чужих душ.
Если я видел сильную душу,
Я ранил ей гордость и пожирал силу.
Пристанища дружбы знавали мое коварство,
Ибо я крал себе друга, где мог,
И, где мог, расширял свою власть,
Уязвляя чужие мечты
И насыщая свои.
Острое опьянение гимнастикой душ,
Торжество над чужими душами,
Демонстрация и утверждение моей силы
Мне приносили восторг.
Пожирая души, я должен бы жить вечно.
Но я отравлялся их непереваренными остатками
И нажил смертельный нефрит,

Страх, тревогу, вечное недовольство,
Ненависть, подозрительность, слепоту.
Я рухнул с криком и умер.
Взгляните на желудь —
Он не пожирает другие желуды.

ЭЛЬЗА ВЕРТМАН

Я была крестьянская девушка из Германии,
Румяная, голубоглазая, веселая, крепкая.
Я нанялась в работницы к Томасу Грину.
В летний день, когда ее не было дома,
Он прокрался в кухню и обнял меня,
Я отвернулась, он поцеловал меня в шею,
И, кажется, мы забыли про все на свете.
Я плакала, опасаясь за будущее.
Я плакала, тайна моя становилась явной.
Но миссис Грин сказала, что все понимает
И не будет устраивать мне неприятностей,
А так как сама бездетная, усыновит ребенка.
(Чтоб унять ее, он отписал ей ферму.)
И она заперлась и распустила слухи,
Что роды должны быть у нее.
Все шло хорошо, ребенок родился — они были ко
мне добры.
Я вышла за Гаса Вертмана. Годы прошли.
На политических митингах люди думают,
Что Гамильтон Грин растрогал меня
красноречьем —
Нет, я плачу не потому.
Я хотела бы всем объявить:
Это мой сын, мой сын!

ГАМИЛЬТОН ГРИН

Я был единственный сын Фрэнсис Харрис из
Вирджинии
И Томаса Грина из Кентукки —
Оба из доблестных, достопочтенных семейств.
Им я обязан всем, лишь благодаря им
Я судья, член конгресса, общественный деятель.
От матери я унаследовал
Живость, мечтательность, красноречие,
От отца — рассудительность, логику, волю.
Им слава за службу,
Которую я сослужил народу.

ЭРНЕСТ ХАЙД

Мой разум был зеркалом:
Видел, что видел, и знал, что знал.
В молодости мой разум был зеркальцем
В мчащемся автомобиле,
Которое ловит и упускает обрывки пейзажа.
Со временем
На нем появились большие царапины,
Пропускавшие окружающий мир
И позволявшие душе выглянуть.
Это и есть рожденье души в несчастьях,
Рожденье с потерями и приобретениями.
Разум фиксирует мир как постороннее,
Душа же сливается с миром в единое целое.
Исцарапанное зеркало не отражает образов —
И в этом безмолвие мудрости.

РОДЖЕР ХЕСТОН

О, сколько раз мы с Эрнестом Хайдом
Спорили о свободе воли.
Обычно я сравнивал волю с коровой Приккета,
Выпущенной пастись
На отмеренную длину веревки.
Как-то мы спорили, а корова
Рванула веревку, чтоб выйти за круг,
Который объела начисто, —
Колышек выскочил, и, опустив голову,
Корова ринулась прямо на нас.
— Что это, как не свобода воли? —
На бегу прокричал Эрнест.
Меня же она сбила с ног и забодала насмерть.

ЭЙМОС СИБЛИ

Город думал и ошибался,
Что характер, терпенье, выносливость
Помогают мне ладить с женой и проповедовать,
Возделывать ниву, доверенную мне Богом.
Я считал жену мегерой и шлюхой,
Я знал о ее изменах — решительно обо всех.
И все-таки, если бы я с ней развелся,
Мне бы пришлось сложить с себя сан.
А посему пусть Господь сеет и жнет — я стерплю!
Так я лгал себе!
Так я лгал Спун-Риверу!
И все-таки я старался читать лекции,
Выставлял свою кандидатуру на выборах,
Распространял подписные издания —
с единственной целью:
Разбогатеть и развестись.

МИССИС СИБЛИ

Тайна звезд — притяженье.
Тайна земли — слои камня.
Тайна почвы — ее плодородье.
Тайна семени — его прорастанье.
Тайна мужчины — он сеятель.
Тайна женщины — она почва.
Моя тайна — холмик, под ним ничего не найдете.

АДАМ ВАЙРАУХ

Меня раздавили Альтгельд и Армор.
Я потерял друзей, время и деньги,
Встав за Альтгельда, которого Уэдон в газете
Окрестил кандидатом пьяниц и анархистов.
Тут Армор стал завозить мясо
В Спун-Ривер, и мне пришлось закрывать бойню,
И мясная лавка моя прогорела.
Альтгельд и Армор губили меня
Одновременно.
Я думал, что за потерю друзей и денег
Губернатор назначит меня в правленье канала,
Но он назначил редактора Уэдона.
Я баллотировался в Конгресс и был избран,
Послал к черту принципы и за взятку
Поддержал законопроект Чарлза Т. Йеркса
О правах трамвайных компаний.
Такого, как я, конечно, схватили за руку.
Так кто же, Армор, Альтгельд или я сам, —
Кто погубил меня?

ЭЗРА БАРТЛЕТТ

Капеллан в армии,
Капеллан в тюрьмах,
Проповедник в Спун-Ривере,
Опьяненный божественным, о Спун-Ривер,
Я вверг Элайзу Джонсон в позор,
А себя в презрение и убожество.
Но как ты не понимаешь, что любовь к женщине
И даже любовь к вину
Помогают душе, стремящейся к божеству,
В восторге узреть
Преддверие рая?
Лишь много раз испытал свои силы,
Когда уже ничто не поможет,
Лишь тогда жаждущая душа,
Положась на саму себя,
На свой слабый дар,
Обретает божественное.

АМЕЛИЯ ГАРРИК

Здесь я лежу, под чахлым шиповником,
В забытом углу у ограды —
Через нее из рощи Сивера
Сюда перебрался жидкий кустарник.
А ты блистаешь в Нью-Йорке,
Жена почтенного миллионера,
Персонаж светской хроники;
Быть может, мираж расстоянья
Увеличил твою красоту и славу,
В глазах людей
Ты преуспела, я нет.
Ты жива, я мертва.
И все же я знаю: я сломила твой дух,

Я, лежащая тут, вдали от тебя,
Не известная там, в ослепительном мире,
Твоим знаменитым друзьям,
Я владею жизнью твоей и лишаю ее
Полного торжества.

ДЖОН ХЭНКОК ОТИС

Что касается демократии, о сограждане,
Надеюсь, вы согласитесь со мной,
Что я, наследник богатств, воспитанный в роскоши,
Был в Спун-Ривере первым защитником
Гражданских свобод?
И что ровесник мой, Антони Финдли,
Который родился в лачуге
И был водоносом на стройке,
А когда вырос, сам стал строителем
И позже выбился в бригадиры и, наконец,
В директора железной дороги,
Жил в Чикаго,
Был истинным рабовладельцем,
Видевшим в людях скотину,
И злейшим врагом демократии.
Послушай меня, Спун-Ривер,
И ты, республика,—
Опасайтесь тех, кто восходит к власти
Из грязи.

АНТОНИ ФИНДЛИ

И для нашей страны, и для человечества,
И для каждой страны, и каждого человека
Полезней внушать не любовь, а страх.
И если наша страна скорее

Пожертвует дружбою всех народов,
Чем откажется от богатства,
То и человеку опасней терять
Не друзей, а деньги.
И я срываю завесу с тайны
Извечного недовольства:
Когда люди кричат о свободе,
На деле они жаждут власти над сильными.
Я, Антони Финдли, пробившийся
В большие люди из водоносков,
Так что тысячам говорю: — Ко мне! —
А тысячам говорю: — Прочь! —
Я утверждаю — народ ни на что не годен
И ничего не добьется,
Если мудрый и сильный не держит розгу
Над тупыми и слабыми.

ДЖОН КАБАНИС

Отнюдь не злоба, сограждане,
И не презрение к бестолковости,
Беззаконию и бесхозяйственности
При демократии в городе
Заставили меня выйти из партии закона и порядка
И возглавить либеральную партию.
Сограждане! Как бы вторым зрением я увидел,
Что каждый из миллионов людей,
Отдающих себя Свободе,
Скудеющих там, где скудеет Свобода,
Терпящих беззаконие и бесхозяйственность
И правленье слепых и слабых, —
Умирает в надежде устроить землю,
Как росток коралла мечтает устроить
Дворец над водой.
Я клянусь, что Свобода будет вести до конца

Войну за то, чтоб душа каждого стала
Мудрой и сильной и так же способной править,
Как возвышенные философы-соправители
В идеальном государстве Платона!

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Вы, воспаряющие мечтой, вот вам судьба
неизвестного,
Над могилой которого даже нет камня.
Безрассудным и своевольным мальчишкой
Я бродил с ружьем по лесу
Возле фермы Аарона Хэтфилда
И подстрелил ястреба, он сидел
На макушке сухой сосны.
С гортанным криком
Он рухнул к моим ногам, крыло в крови.
И я посадил его в клетку,
В ней он жил много дней и сердито кричал,
Когда я приносил ему пищу.
Во владениях Гадеса каждый день
Я ищу душу этого ястреба,
Чтоб предложить ему дружбу, ибо меня тоже
Жизнь ранила и засадила в клетку.

АЛЕКСАНДР ТРОКМОРТОН

В юности мои крылья были сильные, неутомимые,
Но гор я не знал.
К старости я узнал горы,
Но крылья уже не послушны мечте:
Гений — знанье и юность.

ДЖОНАТАН СВИФТ СОМЕРС

До предела
Ты обогатил свою душу
Книгами, мыслями, опытом, знанием многих
людей,
Способностью истолковывать взгляд, молчанье
И затишье между великими потрясениями
И обладаешь даром провиденья и пророчества —
Так что порою кажется, будто весь мир
У тебя на ладони, —
И если из-за того, что так много сил
Скопилось в твоей душе,
Душа твоя воспламенится
И пламя твоей души
Осветит и выявит зло мира —
Будь благодарен, если в такую минуту прозренья
Жизнь тебя не одурачит.

ВДОВА МАКФАРЛЕЙН

Меня звали вдова Макфарлейн,
Я ткала ковры для всего города,
И мне будет жаль вас,
Склоненных над ткацким станком жизни,
Напевающих челноку,
Любующихся трудом своих рук, —
Если вы доживете до дня отвращенья,
До часа ужасной правды,
Ибо, как вам известно, ткань жизни ткется
По образчику, скрытому за станком, —
Образчика вам никогда не увидеть!
И вы ткете отважно, с песенкой, с песенкой
Бережете нити любви и дружбы
Для главных, алых и золотых, узоров.

Уже никто не видит, что вы
Соткали лунно-белую ткань,
Вы ей радуетесь, потому что Надежда
Ее изузорила красотой и любовью.
Станок останавливается! Образчик пред вами!
Соткали вы саван! И отвращенье
Натягивает его на вас.

КАРЛ ХЭМЛИН

Печатный пресс «Спун-Ривер Кларiona» разбили,
Меня же измазали в дегте и обваляли в перьях
За притчу, которую я напечатал в тот день,
Когда в Чикаго повесили анархистов:
«Прекрасная женщина с завязанными глазами
Стояла у входа в мраморный храм.
Огромные толпы людей шли мимо нее,
Умоляя взглядами о пощаде,
В левой руке у нее был меч.
Она разила мечом то ребенка,
То женщину, то работника, то безумца.
В правой руке она держала весы;
Уклонявшиеся от ударов меча
Бросали на чаши весов золотые монеты.
Некто в черном прочел по бумажке:
— Она не взирает на лица.—
Но молодой человек в красной шапке
Подскочил и сорвал с ее глаз повязку.
И все увидали: с изъеденных век
Ресницы давно выпали,
Зрачки застилает молочный гной,
На лице безумие
Агонизирующей души —
Люди поняли, почему она носила повязку».

РЕДАКТОР УЭДОН

Видеть все стороны всех вопросов,
Быть на всех сторонах, быть всем и ничем всерьез.
Искажать истину, оседлать ее выгоды ради,
Нажимать на высокие чувства и страсти людей
С коварным умыслом, в низменных целях;
Как греческие актеры, скрываться за маской —
Восемью полосами газеты — и из-за газеты,
Скорчившись, кричать в рупоры заголовков:
— Вот он я, великан.—
И при этом жить жизнью карманника,
Вынесшего себе в глубине души
Окончательный приговор.
Ворошить ради денег сплетню
И подставлять ее всем ветрам, мстя за себя.
Печатать газету, чтобы
Сокрушать репутации — и тела, если надо;
Побеждать любой ценой, но не ценой своей жизни.
Упиваться дьявольской властью, вредить
цивилизации —
Так подросток-дегенерат кладет на рельсы бревно
И пускает состав под откос.
Вот что значит редактором быть, как я.
А потом лежать возле места, где в речку
Стекает канализация,
Куда свозят мусор, швыряют жестянки,
Зарывают плоды абортот.

ЮДЖИН КАРМЕН

Раб Родса! По четырнадцать часов в день
Триста тринадцать дней в году
Более двадцати лет я продаю
Ботинки, ситец, муку, бекон, штаны, платья,

Повторяю «да, мэм», «да, сэр» и «благодарю вас»
По тысяче раз в день за пятьдесят долларов в
месяц.

Живу в гнилой мебелирашке «Коммерция».
Обязан ходить в воскресную школу и слушать
Отца Эбнера Пита по сто четыре раза в году,
Каждый раз не менее часа,
Ибо Томас Родс хозяин церкви
Не меньше, чем банка и лавки.
И вот, когда я в то утро повязывал галстук,
Я вдруг увидал себя в зеркале:
Седой, лицо, как сырое тесто,
И я закричал на себя: — Старый болван!
Трусливый пес! Мерзкий нищий!
Раб Родса! — И Роджер Баумен решил,
Что я с кем-то дерусь и глянул в окошко над
дверью
В тот миг, когда со мной случился удар,
И я громыхнул на пол.

КЛАРЕНС ФОСЕТТ

Внезапная гибель Юджина Кармена
Освободила место с окладом в полсотни в месяц,
Что я и сообщил жене и детям.
Однако меня не взяли, и я подумал,
Что старый Родс заподозрил меня в краже
Одеял — я их унес и продал на сторону,
Чтоб оплатить врача, лечившего мою младшую.
Старый Родс и правда вдруг меня обвиняет
И обещает простить ради семьи,
Если я признаюсь, — и я признался,
Но умолял, чтоб не попало в газеты,
И газетчиков тоже просил.
В тот вечер из дома меня забрал полицейский,

И все газеты, кроме «Спун-Ривер Кларiona»,
Заклеймили меня как вора,
Ибо жили на объявления старого Родса,
А он хотел, чтоб я стал примером для всех.
Вам нетрудно представить, как плакали дети,
Как жена жалела и проклинала меня
И как я дошел до этой могилы.

У. ЛЛОЙД ГАРРИСОН СТЭНДАРД

Вегетарианец, непротивленец, вольнодумец,
истовый христианин;
Оратор, чьи речи сверкали фальшивыми алмазами
Ингерсолла;
Плотоядный, мстительный, верующий язычник;
Суровый, распутный, непостоянный, вероломный,
тщеславный;
Столь заносчивый, что бороться со мной казалось
смешным;
Сердце мне выел червь показного горя;
Я плащом равнодушья окутывал срам пораженья,
Я, сын аболиционистского идеализма, —
Подобие Бранда с трещиной в сердце.
И когда подлецы-патриоты спалили зданье суда,
Чтобы Спун-Ривер построил себе новое,
Мог ли я, адвокат, защитить поджигателей,
Чтобы их не признали виновными? И когда Кинси
Кин
Лучом света пронзил мою картонную маску,
Что мог я сделать? Лишь с воем забиться в угол,
Как пес, которого сам я вырастил из щенков.
Пирамида жизни моей оказалась песчаной дюной,
Бесплодной, бесформенной, и ее разметала буря.

ПРОФЕССОР НЬЮКАМЕР

Все смеялись над полковником Причардом —
Он купил мотор столь огромной мощности,
Что тот развалил и себя, и мельничный жернов,
Который вращал.

Но вот вам шутка вселенских масштабов:

Природа заставила человека
Развить в мозгу духовную жизнь —
О чудо света! —

В точно таком же мозгу у мартышки и волка
Тяга к еде, пристанищу и размножению.

Природа заставила человека развиваться

В мире, не дающем ему ничего

(Хотя, напрасно тратя энергию,

Душа его круговращается и стремится

Быть заодно с мельницами божеств) —

Кроме еды, пристанища и размножения.

РАЛЬФ РОДС

Все, что болтали, правда:

Я разорил отцовский банк займами,

Пытаясь заняться хлеботорговлей, —

Но я закупал зерно и по просьбе того,

Кто не мог гарантировать сделку своим именем,

Ибо был связан с церковью.

И пока Джордж Рис отбывал свой срок,

Я гонялся за призрачными огоньками женщин

И надо мной в Нью-Йорке глумилось вино.

Это смерть — устать от вина и женщин,

Когда ничего не осталось в жизни.

Но вот ты смирился, седая твоя голова

Лежит на столе в окруженье пустых стаканов

И едко смердящих окурков,

И ты знаешь, чей это стук в дверь —
Ты от него спасался хлопанием пробок
И павлиньими криками шлюх, —
Ты видишь, это твое Преступление,
Оно дождалось твоей седины
И перебоев в сердце и говорит:
— Игра окончена. Я за тобой —
Пошли на Бродвей, попадешь под машину,
И тебя отправят домой в Спун-Ривер.

МИККИ МАКГРУ

Так получалось всю жизнь:
Хоть собственных сил мне всегда хватало,
Но что-то извне тащило меня вниз.
Однажды я заработал деньги,
На которые мог бы пойти учиться,
Но отец внезапно попал в беду,
И пришлось отдать ему все.
Так повелось, я и кончил жизнь
Спунриверским мастером на все руки.
Когда я вычистил водонапорную башню
И меня подтянули на семьдесят футов,
Я отстегнул с запястья канат
И со смехом своими ручищами
Вцепился в гладкий стальной край башни —
Но он оказался предательски скользкий,
И я бултыхнулся вниз, вниз, вниз,
Сквозь гудящий мрак!

РОЗИ РОБЕРТС

Мне мерзило, да что там — я просто бесилась
На мошенничество полиции и на мошенницу-
жизнь,

И я написала в Пеорию шефу полиции:
«Я в Спун-Ривере, в доме моих родителей,
И скоро умру от старости.
Можете арестовать меня за убийство
Миллионерского сына в заведение мадам Лу.
Газеты писали, он застрелился случайно,
Дома, при чистке охотничьего ружья,—
Врали, как черти, чтобы замаять скандал,
Ибо папочка в них давал объявления.
У мадам Лу я в моей комнате
Застрелила его за то, что он сбил меня с ног,
Когда я сказала: — Плевать на твои капиталы,
Этот вечер я проведу с дружкой».

ОСКАР ХАММЕЛ

Я брел шатаюсь во мраке,
В небе муть и немножко звезд,
Я шел по ним, как умел.
Было девять, и мне хотелось домой,
Но я заблудился,
Хотя не сходил с дороги,
И меня занесло в ворота, во двор,
И я закричал во всю мочь:
— Скрипач! Эй, мистер Джонс! —
(Я думал, это его дом, и он мне покажет путь.)
Но вышел не кто иной, как Э.-Д. Блад,
В ночной рубашке, с дубинкой в руке,
И завопил о проклятых салунах,
Плодящих преступников.
— Получай, Оскар Хаммел, пьяная рожа! —
И меня качало то вправо, то влево
От ударов его дубинки,
Пока я не рухнул замертво.

РОСКО ПЕРКАПАЙЛ

Она любила меня. Так любила!
У меня не было шанса спастись с минуты,
Когда она увидала меня.
После женитьбы я стал думать:
Может, она умрет и освободит меня
Или же разойдется со мной.
Но мало кто умирает,
И никто не отказывается от счастья.
Тогда я сбежал и целый год развлекался.
Она не роптала. Сказала, все будет в порядке,
Если я возвращусь. И я возвратился.
Рассказал, что катался на лодке,
И возле Ван-Бюрен-стрит меня захватили
Пираты с озера Мичиган
И держали в цепях, и я не мог написать.
Она плакала, целовала меня и шептала:
Как жестоко, ужасно, бесчеловечно!
И я пришел к выводу, что наш брак
Совершился на небесах
И разлучит нас только смерть.
И был прав.

МИССИС ПЕРКАПАЙЛ

Он сбежал и пропадал целый год.
Вернувшись домой, он рассказал мне сказку —
Будто его поймали пираты с озера Мичиган
И держали в цепях, и он не мог написать.
Я сделала вид, что верю, хотя прекрасно
Знала, что он вытворяет и как встречался
С миссис Уильямс, модисткой, когда она
Выезжала в Пеорию, якобы за покупками.
Однако обет есть обет,

И брак есть брак,
И из чувства собственного достоинства
Я не дала втянуть себя в бракоразводный процесс,
Который подстраивал муж мой, уставший
От брачных уз и обязанностей.

ДЖОЗАЙЯ ТОМПКИНС

Я человек известный и всеми любимый,
И даже богатый, по меркам Спун-Ривера,
Где жил я и занимался делами.
Этот город — мой родной дом,
Хотя, по велению Природы,
Птенцы мои разлетелись все, кроме младшего.
Младший остался с нами,
Чтобы мне, старику, быть помощью,
А матери утешеньем. Шли годы,
Он становился сильнее, а я слабее,
Он требовал, чтобы дела велись по-иному,
Невестка твердила, что я помеха делам;
Мать на все смотрела его глазами,
И они вырвали меня с корнем
И вместе с собою пересадили
В ее родительский дом в Миссури.
И наконец, почти все мои денежки ухнули,
И хотя это он составил мое завещание,
Он мало что получил.

МИССИС КЕССЛЕР

Мистер Кесслер, вы знаете, воевал,
И получил шесть долларов в месяц пенсии,
И торчал на углах, обсуждая политику,
Или дома читал воспоминания Гранта;

Я кормила семью стиркой
И по простыням, занавескам, блузкам и юбкам
Узнавала секреты всех в городе.
Ибо новые вещи приходят в ветхость,
И их заменяют или не заменяют:
Один человек богатеет, другой беднеет.
Прорехи с заплатами разрастаются,
Иголке с ниткой не угнаться за тлением,
И есть пятна, какие не смоешь мылом,
И белье с годами теряет свою белизну,
Хотя говорят, что его зажелтила я.
У носовых платков и салфеток свои тайны —
Прачка-жизнь их знает наперечет.
А меня, ходившую на все похороны,—
Клянусь — всегда поражала мысль,
Что лицо покойника напоминает
Что-то стиранное и отутюженное.

ХАРМОН УИТНИ

Из блеска и шума больших городов,
Как блёстка, я долетел до Спун-Ривера,
Разоренный, выжженный пламенем алкоголя,
Любовник той, кого взял из презренья к себе
И еще чтобы скрыть уязвленную гордость.
Мишень для провинциальных умишек,
Я, носитель мудрости и знаток языков,
Унизился здесь до судейской пыли,
Уборщик лохмотьев греха и злобы,—
Я, которому улыбалась фортуна,
Часами читаю стихи золотых моих лет
Разинувшей рот деревенщине
Или грязной остротой рождаю гогот
И получаю в награду выпивку.
Мишень для вас,

Душа моя скрыта от вас,
Ее рана мучительно воспалена
От любви к нанесшей мне эту рану,
Безжалостной даже тогда, когда легким касаньем
Она бы могла излечить меня от лихорадки,
Полученной в дебрях существования.
Тоска, что я не умел воссоздать свою жизнь,
Как Байрон, песней — или чем-то подобным,
Но сгрыз сам себя, как замученная змея,—
Суди же меня, о мир!

БЕРТ КЕССЛЕР

Я подстрелил птицу,
Хотя летела она на фоне заката;
Раздался выстрел, она взвилась
Ввысь меж осколками золотого света,
Перевернулась с растерзанным опереньем,
Окруженная облачками пуха,
И камнем упала в траву.
Я двинулся к ней, разводя руками кусты,
Пока не увидел лужицу крови на пне
И перепела у гнилых корней.
Я потянулся к нему — колючек там не было,
Но что-то кольнуло, ужалило, омертвило руку.
И через миг я увидел змею — гремучую,—
Веки желтых глаз широко раскрыты,
Голова изогнулась назад над кольцами,
Венец мерзости цвета грязи
Или дубового перегноя.
Я замер, как камень, она же сжалась,
Выпрямилась и поползла под корни,
И я упал, как подкошенный, в траву.

ЛЕМБЕРТ ХАТЧИНС

У меня два памятника, кроме гранитного обелиска:
Первый — дом на вершине холма,
С башенками, фонариками и под шиферной
крышей;

Другой — набережная в Чикаго,
И на ней сортировочная железной дороги,
Где скрежещут колеса, посвистывают маневровые,
И вдоль бульвара грохочут вагоны,
И сажа и дым нависают над городом —
В великом метрополисе у озера
Грязь, гнусная, точно в свинарнике.
Я помог оставить это в наследство
Еще не родившимся поколениям,
Проголосовав в Палате представителей,
Ибо взамен получил возможность
Отдохнуть от вечного страха перед нуждой,
Дать дочерям благородное воспитание
И уверенность в завтрашнем дне.
Видите сами — хотя у меня особняк,
И заграничный паспорт, и всеобщее уважение,
Куда б ни пришел я, всюду шу-шу,
Шу-шу, шу-шу, и у моих дочерей
Вид такой, словно кто-то вот-вот их огреет;
И замуж они повыскачили как попало,
Только б скорей из дома.
И чего же стоила вся моя жизнь?
Ни черта не стоила!

ЛИЛИАН СТЮАРТ

Я, дочь Лемберта Хатчинса,
Родилась в домике возле мельницы
И выросла в особняке на холме,

С башенками, фонариками и под шиферной
крышей.

Как мама гордилась этим особняком!
Как гордилась общественным восхождением отца!
И как отец любил нас и опекал
И охранял наше счастье.
Но этот дом стал нашим проклятьем,
Ибо, кроме него, у отца ничего не было;
И когда мой муж обнаружил,
Что на самом деле женился на бедной,
Он стал издеваться над башенками,
Называл особняк мошенничеством,
Ловкой приманкой для молодых людей,
Которым не получить приданого;
Говорил, что, продав интересы народа,
Конгрессмен должен был получить достаточно,
Чтоб обеспечить покой всей семьи.
Он терзал меня, я вернулась домой
И до смерти жила, как старая дева,
Ухаживая за старым отцом.

ГОРТЕНЗИЯ РОББИНС

Имя мое ежедневно было в газетах:
Там-то обедала,
Туда-то уехала,
Наняла дом в Париже
И принимает знать.
Я постоянно кушала, путешествовала
Или была на водах в Баден-Бадене.
Ныне я делаю честь Спун-Риверу,
Лежа здесь, рядом с моими родителями.
Всем теперь безразлично, где я обедала,
Как жила, и кого принимала,
И часто ль была на водах в Баден-Бадене.

БЕТТЕРТОН РОББИНС

Вдова моя в самом деле порхала
От Макíнака до Лос-Анджелеса,
Жила на курортах, купалась,
Просиживала по часу и больше
Над супом, и эскалопом,
И пирожным, и кофе?
Я загнулся во цвете лет
От перегрузок и нервотрепки?
Но я обо всем успел позаботиться,
Держал страховой полис в порядке,
Некая сумма лежала в банке,
И был участок земли в Манитобе.
Прочь ускользя, в последнем бреду
Я увидел себя при батистовом галстуке
И с бутоньеркой, уже в гробу,
Вдова же моя сидела поодаль,
Возле окна, обращенного к морю,
Спокойная, толстая и румяная,
Хотя седая, и, улыбаясь,
Говорила негру-официанту:
— Еще один ростбиф, Джордж.
И возьми пятак за усердие.

ДЖЕЙКОБ ГОДБИ

Каково было вам, свободолюбцы,
Растратившие таланты на благородные оправданья
Салунов, как будто Свободу
Отыскать можно разве что перед баром
Или за столиком, пьяную?
Каково было тебе, Бен Пэнтир с компанией,
Едва не побившим меня камнями
Как тирана в обличье праведника,

Погубила несчастная лавка на площади.
Это не правда. Правда другая:
Машина была мне не по уму.

ТОМ БИТТИ

Я был юристом, как Хармон Уитни,
И Кинси Кин, и Гаррисон Стэндрд,
Ибо оспаривал право собственности,
Хотя по ночам, целых тридцать лет
В покерной комнате нашей оперы.
И я говорю вам, что Жизнь-картежница
На две головы выше нас с вами.
Ни единый мэр не закрыл эту оперу:
Что еще даст проценты шикарней?
А ты проигрался — рыдай, как хочешь,
Деньги свои назад не получишь;
Жизнь подтасовывает картишки,
Чтобы в тебе ударить по слабому,
А не разбиться о крепкое место.
Она дает тебе семьдесят лет:
Если в семьдесят ты не выиграл,
Значит, больше уже не выиграть.
Итак, проигрался — пора уходить.
Гнусно сидеть и мусолить карты
И с налитыми свинцом глазами
Клясть свой проигрыш и проситься
Сыграть хоть еще разок.

РОЙ БАТЛЕР

Если бы многоопытный Верховный суд Иллинойса
Во все дела вникал так легко,
Как в дело об изнасиловании,

Он был бы мудрейшим судилищем в мире.
Городские присяжные, в основном соседи
Во главе с «Громилой» Уэлди,
Проголосовав два раза, за десять минут
Признали меня виновным в таком вот деле:
Мы с Ричардом Бэндлом поссорились из-за забора,
А жена моя с миссис Бэндл не сошлись во мненье,
Какой город лучше, Айпава или Тейбл-Гроув.
Наутро, полный раскаянья и умиленья,
Я пошел мириться с Ричардом по-христиански.
Стучу в дверь, жена его отворяет;
Улыбается, просит войти; я вхожу —
Она как захлопнет дверь, как завопит:
— Убери ручищи, грязный мерзавец! —
Я лишаюсь слов и только машу руками.
И тут заявляется ее муж
И ищет ружье, а я убегаю.
Так вот, ни Верховный суд, ни моя жена
Не поверили ни одному ее слову.

СИРСИ ФУТ

Я хотел поехать учиться в колледж,
Но богатая тетя Персис не дала мне ни цента.
И я стриг кусты и косил лужайки,
Зарабатывал себе кусок хлеба
И еще покупал книги у Джона Олдена.
Я мечтал жениться на Делии Приккет —
Но куда мне с моими доходами?
А тетя Персис полуживая —
Уже за семьдесят, в кресле-каталке;
Бывало, ест бульон, а бульон
Течет во все стороны изо рта —
О, она любила покушать; скупала
Закладные и постоянно тревожилась

О векселях, облигациях и бумагах.
В тот день я пилил ей дрова,
А в перекурах читал Прудона.
Я зашел в дом выпить воды —
Она сидит в своем кресле и спит,
А Прудон лежит на ее столе,
И на нем пузырек хлороформа —
Им она усмиряла ноющий зуб.
Я выплеснул хлороформ на платок
И крепко прижал к ее носу и рту —
О Делия, Делия, вы с Прудоном
Укрепили мою руку, а коронер
Постановил: паралич сердца.
Я разбогател и женился на Делии —
Неплохая шуточка над Спун-Ривером?

ЭДМУНД ПОЛЛАРД

Засунуть бы обе руки по локоть
В цветочный венчик, гудящий от пчел,
В зеркальную сердцевину пламени,
Света жизни, солнца восторга!
Ибо что есть тычинки, пестики,
Венчики? Только насмешка, отблеск
Сердца цветка, основанья огня!
Все твое, молодой прохожий,
С этой мыслью иди на пир;
И не бочком, словно ты усумнился,
Зван ли ты, — этот праздник твой!
Не робей, не тверди «спасибо»,
Ешь побольше, когда ты голоден.
Душа жива в тебе? Дай ей еды!
Не оставляй ничего неизведанным —
Смело карабкайся на балконы,
Отдыхай на лилейной груди,

С милой головкой дели подушку,
Пей вино, пока оно сладкое,
Познай восторги тела и духа —
Ты умрешь, так умри живым,
В глубинах лазури и упоения
Целуя царицу улья — Жизнь!

ТОМАС ТРЕВЕЛИАН

Как повествует Овидий, Итис злосчастный,
Сын любви Терей и Прокны, убитый
После насилья Тереева над Филомелой,
Был поднесен Тереею для трапезы Прокной;
Гневный Терей за убийцами гнался, но боги
Сделали соловьем Филомелу, звонкой
Лютней всходящей луны, и ласточкой — Прокну.
Жители и воспеватели древней Эллады,
Вы положили в кадиланицы грезы и мудрость,
Ладан бесценный, благоуханный поныне,
Дух которого очи души проясняет!
Как в Спун-Ривере я вдыхал его благость!
Отжил я, и кадиланица тайну открыла:
Все мы детей любви убиваем, и все мы,
Сами того не зная, их плоть поедаем;
Всех превращают в певцов, хотя на мгновенье,
Или в ласточек скромных, щебечущих горько
Между холодных ветров и опавших листьев.

ПЕРСИВАЛ ШАРП

Полюбуйтесь: рука пожимает руку!
Это встреча или прощанье?
Я помогал этим рукам или они мне?
А не добавить ли еще одну руку

В непристойном жесте Элагабала?
Эта разорванная цепь, вероятно,
Аллегория слабого звена —
А на самом деле?
И вот ягнятки: одни лежат,
Другие стоят, будто внимают пастырю,
Даже ножку приподняли, и на всех крестик —
А почему бы не изваять руины?
Рухнувшие колонны и, пожалуйста, пьедестал,
Чтобы лучше видеть, откуда что падало.
И математические приборы
В насмешку над угловыми жильцами —
Они не знают вариационного исчисления.
И еще якоря для тех, кто сроду не плавал.
И распахнутые ворота — да, так и было, —
Вы их забыли закрыть, и в ваш сад забрели козы.
И единственный глаз, как у аримаспов, —
Вы ведь на все глядели, точно кривые.
И трубящие ангелы — это вас приглашают, —
Это ваша труба, и ваш ангел, и честь вашей семье.
Все замечательно, но про себя я знаю,
Что задел какие-то струны Спун-Ривера,
А это памятник тверже камня.

ХАЙРАМ СКЕЙТС

Я пытался стать кандидатом на пост
Председателя Окружного совета,
И ездил по округу, и клеймил
Соперника, Соломона Перпла,
Как врага отечества, состоящего
В сговоре с архиврагом человечества.
Юные идеалисты, побитые войны,
Ковылявшие на костыле надежды,
Отдавшие душу за правду,

Неудачники волею неба,
Толпились вокруг и внимали мне,
Как спасителю округа.
Но кандидатом стал Соломон —
И я тогда повернулся кругом
И призвал своих сторонников стать
Под его знамена, тем самым сделал
Его победителем и королем
Золотой Горы, дверь которой
Захлопнулась, как я только вошел,
Чтобы стать, по милости Соломона,
Секретарем Окружного совета.
За дверью остались мои сторонники:
Юные идеалисты, побитые воины,
Ковылявшие на костыле надежды, —
Отдавшие душу за правду,
Неудачники волею неба,
Очевидцы того, как Дьявол пинком
Перекинул их Царство Божие
Через Золотую Гору.

ПИЛЕГ ПОУГ

Лошади, в общем, совсем как люди.
Мой жеребец Билли Ли был
Черен, как кот, и поджар, как олень;
Пламя в глазах, всегда начеку,
Готов обскакать любого коня
В окрестностях Спун-Ривера.
Как вырвется на полсотни ярдов —
И вы решили, что он победит, —
А он вздыбится, сбросит наездника
И топчется, точно опутан чем-то,
Уже ни на что не годный.
Видите, он был чистый мошенник,

Не мог побеждать и не мог работать —
Легок, на нем ни возить, ни пахать,
И никто не хотел от него жеребят.
Когда я запряг его в двуколку,
Он понес и угробил меня.

ДЖЕДУТАН ХОЛИ

Бывало, в дверь постучат,
И я в полночь встаю и иду в мастерскую,
И поздний прохожий слышит, как я сколачиваю
Гроб и обиваю его атласом.
Частенько гадал я, кто отбудет со мной
В дальний край, с кем мы станем предметом
Городских толков в одну и ту же неделю,
Ибо заметил, что люди уходят по двое:
Чейс Генри с Эдит Конант,
Джонатан Сомерс с Уилли Меткалфом;
Редактор Хэмлин как мечтал пережить
Редактора Уэдона, умер же с Фрэнсисом Тернером;
Томас Родс со вдовой Макфарлейн,
Эмили Спаркс с Барри Холденом,
Оскар Хаммел с Дэвисом Мэтлоком,
Редактор Уэдон со скрипачом Джонсом,
Фейт Мэтени с Доркасом Гастинном;
А я, самый мрачный мужчина в городе,
Отошел с Дэйзи Фрейзер.

ЭЙБЕЛ МЕЛВЕНИ

Я покупал все машины, какие были, —
Крупорушки, дробилки, точила, сеялки,
Косилки, плуги, молотилки, бороны, —
Они стояли под солнцем и под дождем,

Коробились, ржавели, их ломали
мальчишки,
И не было у меня для них ни навеса,
Ни даже нужды в них.
А под конец, когда пульс мой слабел,
Глядя в окно, я что-то понял,
Я смотрел на одну молотилку —
Так вышло, что я ни разу
Не пустил ее в дело, —
Машина хорошая, некогда новенькая
И жадная до работы,
А теперь вся облезлая, —
Я увидел себя неплохой машиной,
Которую Жизнь не пустила в ход.

ОУКС ТАТТ

Моя мать выступала за женское равноправие,
А отец был богатым владельцем лондонской
мельницы,
Я мечтал исправить зло, завладевшее миром.
Когда умер отец, я отправился за границу
Повидать народы и страны,
Чтобы узнать, как переделать мир.
Я видел руины Рима,
И руины Афин,
И развалины Фив.
Я сидел под луной на мемфисском некрополе.
Там меня обняли крылья пламени
И голос с неба прорек:
— Их погубила Ложь и Несправедливость.
Ступай! Проповедуй Истину и Справедливость! —
И я поснешил назад в Спун-Ривер
Перед началом поприща попрощаться с матерью.
Все замечали в глазах моих странный блеск.

Мало-помалу из слов моих стало ясно,
Что я хочу предпринять.
Тогда Джонатан Свифт Сомерс
Вызвал меня на спор опровергнуть тезис:
«Понтий Пилат — величайший философ мира».
Он победил меня и сказал в заключение:
— Прежде чем переделывать мир, мистер Татт,
Ответьте-ка на вопрос Пилата:
«Что есть Истина?»

ЭЛИОТ ХОКИНС

Я был похож на Авраама Линкольна.
Спун-Ривер, я был во всем, как и все,
Только стоял за порядок и право собственности.
Я регулярно ходил в церковь,
Иногда выступал на собраниях, предупреждал
Об опасности недовольства и зависти,
Осуждал тех, кто хочет разрушить Союз,
И возмущался Рыцарями труда.
Мой успех и пример оказали влияние
На молодежь и грядущие поколения,
Несмотря на нападки листов, вроде «Кларiona»;
Я регулярно ездил в Спрингфилд,
Когда там Конгресс изыскивал способы
Предотвратить налеты на поезда
И защитить жидителей штата,
Мне равно верили Спрингфилд и Спун-Ривер,
Несмотря на слухи, что я в железнодорожном
лобби.
Я спокойно жил в богатстве и уважении,
И, в конце концов, разумеется, умер,
И здесь лежу под мраморной книгой с надписью:
«Таковых есть Царство Небесное».

И в давние времена заседал в палате,
Чтобы брать у железных дорог взятки!
Восстаньте! На бой с лицемерами и шарлатанами,
Выскачками и героями светской хроники,
С нуворишами, чьи дочери выходят за графов,
С прилипалами при великих идеях,
С прихлебалами при великих делах,
С наследниками украденного.
Сыновья стойких йоменов сороковых годов,
Восстаньте! Сделайте город своим
И весь штат своим. Клянусь —
Если вы не покончите с этими паразитами,
Дух мщениия моего сотрет с лица земли
Ваш город и ваш штат.

ИНОК ДАНЛАП

Сколько раз за последние двадцать лет
Я был вашим вождем, друзья Спун-Ривера?
Вы плевали на съезд и на руководство
И предоставляли мне одному
Хранить и блюсти права народа.
Иногда потому, что вы сами болели,
Или бабушка ваша болела,
Или вы перепили и не проспались,
Или просто сказали: — Он вождь,
Все будет в порядке, он не подведет,
Нам надо только идти за ним. —
Но как вы честили меня за падение,
Как вопили, что я вас предал,
Когда с заседания вышел на ту минутку,
Во время которой враги народа
Уцепились за случай и отняли
Неотъемлемые Права Народа.
Презренные! Я выходил с заседания
По нужде!

АЙДА ФРИКИ

Ничто человеческое нам не чуждо:
Без гроша в кармане, девчонка из Саммума,
Я сошла утром с поезда в Спун-Ривере;
Никому не нужна — во всех домах
Двери заперты, шторы опущены,
Нигде мне нет ни угла, ни сочувствия.
И вот особняк старика Макнили,
Дворец из камня, клумбы, аллеи,
И всюду люди стоят на страже,
И округ, и штат стоят горой
За важного, гордого обитателя.
И тут с голодухи мне было видение:
Раскрытые огромные ножницы
Падают с неба и рассекают
Дом этот надвое, точно занавес.
Но когда я спросила работу в «Коммерции»,
Мне подмигнул молодой человек —
Это был сын Ваша Макнили,
Всего лишь звено в цепи событий:
Я подала на него за отказ жениться
И добилась раздела дома — отсюда
ножницы.
Так что, видите, особняк меня ждал
С дня моего рожденья.

СЕТ КОМПТОН

Когда я умер, библиотека,
Которую я основал в Спун-Ривере
И держал на благо пытливым умам,
Пошла с молотка на площади,
Как бы стирая последний след
Моего присутствия и влияния.

Ибо в городе возобладали те,
Кто не признавал благодетельность знания
«Руин» Вольнея, и «Аналогии» Батлера,
И «Фауста», и «Эванджелины».
Часто вы спрашивали меня:
— Какой нам прок в познании зла? —
Теперь я далек от тебя, Спун-Ривер,
Называй добром что тебе угодно.
Я не сумел тебя научить,
Что тот, кто не видит зла,
Никогда не признает добра,
И тот, кто не видит лжи,
Никогда не признает правду.

ФЕЛИКС ШМИДТ

Это был домишко из двух комнат —
Почти что детский игрушечный дом, —
И едва пять акров земли вокруг;
Мне же кормить, учить, одевать
Стольких детей, и жена не работник
От стольких родов.
Однажды приходит законник Уитни
И заявляет, что Крисчен Доллмен,
Владелец трех тысяч акров земли,
В семьдесят первом году,
Когда отец мой лежал при смерти,
Купил еще восемьдесят по соседству
За одиннадцать долларов — при
распродаже
Имущества за неуплату налогов.
Я взбеленился и подал в суд.
Когда дошло до разбора дела,
Межевými книгами мне доказали,
Что Доллмен купил и мою землю,

И этот домишко из двух комнат.
Поделом дураку ворошить старину.
Я проиграл, и лишился жилья,
И ушел с суда, и работал дальше,
Как арендатор Крисчена Доллмена.

ШРЕДЕР-РЫБАК

Я садился у речки над Бернадоттом,
Крошил хлеб в воду, глядел,
Как пескари отгоняют друг друга,
Пока самый сильный не вырвет добычу.
Я заходил на полянку,
Где мои мирные свињи дремали в луже
Или ласково тыкались друг в друга, —
И высыпал им мешок кукурузы,
Глядел, как они визжали, кусались,
Давили друг друга из-за кукурузы.
И я видел, как ферма Крисчена Доллмена —
Больше чем три тысячи акров —
Проглотила землицу Феликса Шмидта,
Как щука пескаря.
Послушайте, если в людях есть что-то,
Что их отличает от рыб и свиней —
Совесь, душа, благодать Божья, —
Хотел бы я увидеть это в деле.

РИЧАРД БОУН

Когда я только приехал в Спун-Ривер,
Я не знал, что говорят люди,
Ложь или правду.
Они приносили мне эпитафию,
И толпились, глядя, как я работаю,

И принялась заливать великолепный костер,
Становившийся жарче, ярче и выше,
Пока не рухнули стены,
Известняковые же колонны,
Среди которых стоял Линкольн,
Повалились, как срубленные деревья...
Когда я вернулся из Джолиета,
Здесь стоял новый суд с куполом.
Ибо я был наказан, как все,
Кто разрушает прошлое ради будущего.

ДИЛЛАРД СИССМЕН

Коршуны медленно кружат
Большими кругами в небе,
Подернутом словно дорожной пылью.
Я лежу на поляне, а ветер гонит
Длинными волнами травы.
Мой змей выше ветра,
То он покачнется —
Так человек пожимает плечами, —
То хвост его вдруг взлетит
И лениво опустится.
А коршуны кружат и кружат,
Обводят зенит большими кругами
Выше змея. Холмы дремлют,
И ферма, белая, словно снег,
Смотрит из-за деревьев — вдали.
А я наблюдаю за змеем,
Ибо скоро вспыхнет тоненькая луна
И закачается, как круг маятника,
На хвосте моего змея.
Резкий свет скользнул, словно ящерица,
Ослепил на миг —
Я колышусь, как знамя!

ДЖОНАТАН ХОТОН

Ворона каркнула,
Дрозд попробовал голос.
Корова звякнула колокольцем,
Донесся голос пахаря с холма Шипли.
За садом в лесу тишина,
Тишина середины лета,
А на дороге в Эттербери
Уже скрипит воз с зерном.
И старик дремлет под деревом,
И старуха из сада с ведерком смородины
Переходит дорогу.
А у ног старика
В траве разлегся мальчишка,
И глядит на плывущие облака,
И мечтает, мечтает, мечтает —
Сам не знает о чем:
О взрослой жизни, о неведомом мире!
И вот прошло тридцать лет,
И мальчишка вернулся, измотанный
жизнью,
И увидел, что сада нет,
И лес сведен,
И дом перестроен,
И над дорогою клубы пыли от автомобилей —
И сам он желает на Холм.

И.-С. КАЛБЕРТСОН

Верно ли это, Спун-Ривер,
Что в коридоре нового зданья суда
Есть мемориальная доска
С бронзовыми барельефами
Томаса Родса и редактора Уэдона?

Верно ли, что мои старанья
В окружном совете, без которых
Камня бы не положили на камень,
И взносы из моего кармана
На строительство этого храма — лишь
воспоминанья,
Которые медленно блекнут и сходят
В забвенье, сюда, где лежу я?
Поистине, в это нетрудно поверить.
Ибо в царстве небесном закон:
Пришедший на виноградник в одиннадцатом
часу
Получает вознагражденье за полный день.
А в царстве земном закон:
Восставший первым против доброго дела
Захватит его и присвоит —
Краеугольный камень уже заложен,
Можно вешать мемориальные доски.

ШЭК ДАЙ

Белые надо мной потешались.
Бывало, я отойду за куканом,
Снимут с крючка здоровенную рыбу,
Нацепят малявку и уверяют,
Мол, я не видел, что сам поймал.
Когда приехал цирк Берта Роббинса,
Они упросили хозяина выпустить
На арену ручную пантеру
И уверяли, что я, как Самсон,
Борюсь со львом, когда за полсотни
Я загонял эту кошку в клетку.
Как-то вхожу я в свою кузню
И чуть не умираю со страха:
Подковы ползут по земле, как живые, —

Это Уолтер Симмонс магнит
Положил под бочку с водой.
И все-таки, белые, все вы остались
В дураках и с рыбами, и с пантерой,
Вы знали не больше, чем эти подковы,
Что движет вами в Спун-Ривере.

ХИЛДРУП ТАББС

Я дважды боролся во имя народа.
В первый раз я вышел из партии, стал под
хоругвь
Независимости и реформ — и проиграл.
Во второй — со всею мятежной силой
Я бился за знамя моей былой партии,
Получил его в руки — и вновь проиграл.
Опозорен и вышвырнут из игры,
Я цинично искал утешенья в золоте
И, прибегнув к остаткам влиянья,
Присосался, как паразит,
К разлагающемуся трупу
Прогоревшего банка Родса
В качестве попечителя фондов.
Все от меня отвернулись.
Мои волосы поседели,
Страсти мои поблекли,
Табак и виски утратили вкус,
И Смерть давно презирает меня
Как свинью.

ГЕНРИ ТРИПП

Банк прогорел, сбережения ухнули,
Жизнь в Спун-Ривере мне обрыдла,
И я решился сбежать подальше,

Бросить семью и привычное место;
Но лишь подошел мой полночный поезд,
С подножек спрыгнули Калли Грин
И Мартин Вайз и затеяли драку,
Сводя какие-то давние счета,
Кулаками лупили друг друга звонко,
Точно не кулаки у них, а дубинки.
Я думал, Калли одержит верх,
Но вдруг он своей окровавленной рожей
Трусливо заулыбался, припал
К Мартину и захныкал: — Март,
Мы же друзья, я твой лучший друг. —
Но Мартин сшиб его страшным ударом,
Он, перевернувшись, упал, как мешок.
Конечно, меня забрали в свидетели,
Мой поезд ушел, а я остался
И снова боролся с жизнью в Спун-Ривере.
О Калли Грин, мой случайный спаситель,
Долгие годы сутулый, осмеянный,
Ты понуро бродишь по улицам.
Бинтуешь гноящуюся душу,
За которую не сумел постоять.

ГРЕНВИЛ КЭЛХУН

Я мечтал пройти в окружные судьи
Еще на срок, чтобы пробыть
Судьей круглых тридцать лет.
Но друзья мои объединились с врагами —
И выбрали нового человека.
Мной завладел дух мщенья,
И я заразил им своих сыновей
И непрестанно мечтал о возмездии,
Пока меня не разбил паралич —
Это великий лекарь, Природа,

Дала отдохнуть и телу, и духу.
А сыновья в богатстве, в почете?
Друзья они людям или враги?
Возделывают ли поля своих душ?
Ибо разве они смогут забыть
Мое лицо в окне спальни,
Меня, беспомощного среди
Клеток с поющими канарейками,
Мой взгляд, обращенный на зданье суда?

ГЕНРИ К. КЭЛХУН

Я стал первым лицом в Спун-Ривере,
Но ценой какого ожесточенья!
Лицо отца, когда он безмолвно,
Как ребенок, смотрел на своих канареек
Или в окно на зданье суда,
В котором сидел окружной судья,—
И отцов завет добиться от жизни
Всего и покарать Спун-Ривер
За все униженья, обман и зло —
Меня переполнил яростной силой,
И я добился богатства и власти.
Но что он сделал со мной —
Заставил идти в рощу Фурий.
Я в ней побывал и вот что скажу:
На полпути вы увидите Мойр —
Лица в тени склонились над пряжей.
Вглядитесь и, если на прялке ваша
Нить окажется нитью мщенья,
У Атропос выхватите сейчас же
Ножницы и перережьте нить,
Чтоб ваши дети, внуки и правнуки
Одежд отравленных не носили.

АЛЬФРЕД МОЙР

Почему меня, как «Растраву» Джонса,
Не съело презренье к себе, не сгноило
Равнодушие и бессильный протест?
Почему, несмотря на все прегрешенья,
Я избежал судьбы Уилларда Флука?
Почему, хотя я в виде приманки
Для проезжих торчал возле бара Бурхарда,
Проклятье пьянства прошло надо мной, как
дождь,

Оставив душу сухой и чистой?
И почему я, как Джек Макгуайр,
Никогда не убил человека?
А вместо этого даже возвысился,
Благодаря прочитанной книге.
Чего ради ездил я в Мейсон-Сити,
Где случайно в витрине яркая-яркая
Обложка остановила мой взгляд?
Зачем душа отзывалась на книгу,
Когда я читал ее и перечитывал?

ПЕРРИ ЗОЛЛ

Благодарю вас, друзья Окружного научного
общества,

За этот скромный валунчик
С медной табличкой.

Я дважды пытался вступить в ваше почтенное
братство

И был отвергнут.

Когда же моя брошюрка

Про разум растений

Начала привлекать внимание,

Вы меня совсем было приняли.

Оказалось, правда, что я уже не нуждался
В вас и вашем признании.
И все же я не отвергаю ваш памятный камень,
Ибо, приняв его, я лишаю вас
Уваженья в собственных ваших глазах.

ОКУЛИСТ ДИППОЛЬД

Что вы теперь видите?
Красные, желтые, синие шарики.
Минуточку! А теперь?
Отца, и мать, и сестер.
Так! А теперь?
Рыцарей в латах, красавиц, добрые лица.
Попробуйте эту.
Пшеничное поле... город.
Прекрасно? Теперь?
Девушка и над ней склоненные ангелы.
Линзочку посильней! А теперь?
Много женщин с пылающим страстным
взором.
Вот эту линзу.
Просто бокал на столе.
Понятно! Попробуйте эту!
Просто пустырь — ничего особенного.
Так, теперь!
Сосны, озеро, летнее небо.
Уже лучше. Теперь?
Книгу.
Прочтите страницу вслух.
Не могу. Буквы не в фокусе.
Попробуйте эту линзочку.
Воздушная беспредельность.
Прекрасно! Теперь?

Свет, только свет, мир под ним, как
игрушечный.
Отлично, такие очки мы и сделаем.

МАГРЕДИ ГРЭХЕМ

Скажите, Альтгельд прошел в губернаторы?
Когда, по первым сообщеньям,
Кливленд одерживал верх на востоке,
Мое бедное старое сердце не выдержало —
Оно так страдало за демократию
В долгие, долгие годы провалов —
И, как сработавшиеся часы,
Замедлило ход и остановилось.
Скажите же, был ли избран Альтгельд
И с чего он начал?
Поднесли его голову на блюде плясунье
Или он победил на благо народа?
Ибо когда я его увидела
И пожалала ему руку,
Детская голубизна его глаз
Поразила меня до слез,
И еще вокруг него веяла вечность,
Какая сквозит в холодном ясном свете
Зари на горах!

АРЧИБАЛЬД ХИГБИ

Я ненавижу тебя, Спун-Ривер, стыдился
тебя,
Я старался быть выше тебя, презирал тебя
Как место, откуда я родом.
Вдали, в Риме, среди художников,

В разговорах по-итальянски
и по-французски,
Я временами как будто освобождался
От следов низкого происхождения,
Казалось, я на вершинах искусства,
Дышу тем же воздухом, что мастера,
И вижу мир их глазами,
И все же порой они на ходу замечали:
— К чему ты клонишь, приятель?
У тебя на холсте Аполлон
Малость похож на Линкольна.—
Вы знаете, как бескультурен Спун-Ривер,
Я сгорал со стыда и отмалчивался;
Я, с головы до ног замаранный
И униженный почвою Среднего Запада,
Что я мог? Лишь мечтать и молиться
О новом рождении, при котором в душе
Не будет ни соринки Спун-Ривера.

ТОМ МЕРРИТТ

Сначала я заподозрил что-то —
Она притворялась спокойной и безразличной.
Однажды, входя в переднюю дверь,
Я услышал, как затворяется задняя,
И увидел, как он скользнул за коптильню
И побежал через поле.
Надо было прикончить его на месте.
В тот день я шел у Четвертого моста
Без палки, даже без камня в руке
И вдруг увидел перед собой
Его, умирающего от страха.
Я только успел сказать: — Нет, нет, нет,—
Как он прострелил мне сердце.

МИССИС МЕРРИТТ

Я молчала перед присяжными,
Судье не ответила на вопрос,
Согласна ли с приговором,
Лишь головой покачала.
Что я могла сказать людям, считавшим,
Что тридцатилетняя женщина виновата
В том, что ее девятнадцатилетний любовник
Убил ее мужа?
Хотя она неустанно твердила ему:
— Уезжай отсюда, подальше отсюда, Элмер,
От моей любви твой мозг обезумел,
Ты сделаешь что-нибудь страшное.—
Как я и боялась, он убил моего мужа;
Я невиновна в этом, как перед Богом!
Тридцать лет молчанья в тюрьме!
Железные двери Джолиета
Открылись в тот миг, когда серые
и молчащие
Попечители выносили меня в гробу.

ЭЛМЕР КАРР

Только любовь Господня сумела смягчить
Спунриверцев, сделать их великодушными
Ко мне, осквернившему ложе Томаса Мерритта
И убившему его самого!
О любящие сердца, вы меня не отвергли,
Когда я вернулся, отбыв четырнадцать лет!
О добрые люди, вы привели меня в церковь,
Со слезами выслушали мою исповедь
И позволили мне причаститься вином и хлебом!
Покайтесь, живые, и пребудьте с Христом.

ЭЛИЗАБЕТ ЧАЙЛДЕРС

Прах моего праха
И прах вместе с моим прахом,
О дочка, ты умерла при своем рождении,
Смерть твоя соединилась с моей смертью!
Ты не познала Дыханье, хотя старалась
Всем сердцем, которое билось только во мне
И умолкло, когда ты ушла от меня в Жизнь!
Это прекрасно, дочка. Ибо ты никогда
Не проделаешь длинный путь, начиная со школы,
Когда свои пальцы еле видишь от слез,
Которые падают на каракули.
И самая ранняя рана, когда товарищ
По играм уходит играть с другой;
И болезни, и бледный Ужас возле кровати;
Смерть отца или матери;
Или стыд за них, или нужда;
Девичья грусть по оконченной школе;
А слепая Природа уже заставляет пить
Из чаши Любви, в которой, поверь, отравя;
К кому ты поднимешь цветок своего лица,
К ботанику или ничтожеству? Чья кровь воззовет
к твоей?
Человека чистого или грязного — в том ли дело?
Эта кровь взывает к твоей крови.
И потом твои дети — кем они могут стать!
Как ты будешь скорбеть о них! Дочка! Дочка!
Смерть легче, чем Жизнь.

ЭДИТ КОНАНТ

Мы окружили тебя, мы, воспоминанья;
Мы прикрываем глаза, ибо страшно читать:
«17 июня 1884, лет ее было 21 и три дня».

И все на свете переменялось.
Мы, воспоминанья, стоим здесь одни,
Кто увидит, и тот не поймет, отчего мы здесь.
Муж твой умер, сестра живет далеко,
Отцу слишком много лет;
Он забыл тебя,
Сейчас он редко выходит из дому.
Кто помнит твое восхитительное лицо,
Твой мелодичный голос?
И как ты пела даже в последнее утро,
С пронзительной нежностью, с трепетной грустью,
Ожидая ребенка — он умер вместе с тобой.
Об этом помним лишь мы, воспоминанья,
Сами забытые миром.
Все изменилось, кроме реки и холма —
Нет, и они изменились.
Только жаркое солнце и кроткие звезды все те же.
Мы же, воспоминанья, стоим здесь благоговейно,
Глаза нам отяжелела усталость от слез —
Усталость без меры!

ЧАРЛЗ ВЕБСТЕР

Сосняк на холме
И ферма вдали
Отчетливы, как в окуляре, под небом
Павлиньего синего цвета!
Позже полог тумана
Укутал землю. Ты шла по дороге,
По клеверу, где единственный звук —
Прозрачный трепет кузнечиков.
Солнце зашло меж большими сугробами
Дальней бури. Поднявшийся ветер
Расчистил небо, раздул огоньки
Беззащитных звезд

И раскачал красноватую луну
Между вершиной холма
И мерцающими ветвями яблонь в саду.
Задумчиво шла ты по берегу,
Губы речных волн, словно выпли,
Выли тебе и кричали
Ветру, летевшему в кедрах;
Слишком полная чувств, чтобы плакать,
Ты остановилась у дома
И, взглянув вверх, увидала Юпитер,
Увенчавший шпиль огромной сосны,
А взглянув вниз, увидала мою качалку —
Ветер качал ее на пустом пороге.
Мужайся, Любимая!

ОТЕЦ МОЛЛОЙ

Вы там, отец Моллой,
Где земля святая и крест над каждой могилой,
Не как мы, на холме, —
У нас колебалась вера, туманилось зренье,
Угасала надежда, грехи умножались.
Вы были такой добрый, отец Моллой,
Иногда выпивали с нами стаканчик,
Стояли за тех, кто хотел избавить Спун-Ривер
От холодной скуки провинциальной морали.
Вы как путник, который привозит горсть песка
Из пустыни вокруг пирамид,
И становятся явью они и весь Египет.
Вы сами были частью великого прошлого
И все же таким близким ко многим из нас.
Вы верили в радость жизни.
Вы, кажется, не стыдились плоти.
Вы принимали жизнь как она есть
И все перемены в жизни.

Многие чуть не пришли к вам, отец Моллой,
Видя, как ваша церковь читает в сердцах
И печется о них,
Ибо в ее основании Петр — Огонь,
Петр — Камень.

ЭМИ ГРИН

Не «седовласый юноша с мукой во взоре»,
Но черноволосый старик
Без единой морщины!
Всю жизнь у меня было лицо мальчишки
И долгие годы — согбенный оцепеневший дух.
Ни мужчиной не был я, ни мальчишкой,
Мир не принимал меня всерьез,
Когда хотел, мог потрепать по плечу,
Когда хотел, наваливал, как на мужчину.
Поистине, у меня ни душа, ни тело
Не выросли, и я вам скажу,
Что цена желанной всем вечной юности —
Лишь остановка в развитии.

КАЛЬВИН КЕМПБЕЛЛ

Вы, воюющие с Судьбой,
Скажите, как это так получается,
Что на склоне холма, обращенном к реке,
Солнцу и южному ветру,
Одно растение берет из почвы и воздуха
Яд — и вырастает сумах?
А другое растение из той же почвы и воздуха
Берет благовонье, сладость и краски —
И вырастает земляничное дерево?
И оба прекрасно прижились.

Ты исцелила мою наболевшую душу.
Но исцелить — значит познать болезнь,
Значит проникнуть в мою тайну,
Поэтому я и бежал от тебя.
Ибо когда тела восстают от боли,
Мы вечно целуем нежные руки,
Подносившие нам полынь, хотя нас бросает
в трепет

Даже мысль о полыни, —
Душа исцеленная — дело совсем другое,
Мы стираем из ее памяти
Приглушенные слова и внимательные глаза
И навсегда остаемся без воспоминаний,
Даже не о самой болезни —
О руке, исцелившей ее.

ИППОЛИТ КОНОВАЛОВ

В Одессе я был оружейным мастером.
К нам однажды вломилась полиция —
Как раз наш кружок штудировал
Спенсера.

Книги забрали, и нас забрали.
Но я сбежал и уехал в Нью-Йорк.
Оттуда в Чикаго и после в Спун-Ривер,
Где в тишине я штудировал Канта,
А чтобы прожить, ремонтировал ружья.
Взгляни на мои литейные формы!
Вот для ствола, вот для курка,
Вот для прочих частей оружия —
Какая гармония линий! Теперь
Представь, что все оружейники в мире
Начнут повторять эти формы,
И ружья будут все как одно,
С таким же курком и таким же стволом, —

Каждый работает для себя,
И все работают друг против друга.
Это же будет царство оружия!
И освободит его от оружия
Только Формовщик с другими формами,
Который всё переплавит!

ГЕНРИ ФИППС

Я был директор воскресной школы,
Подставной директор консервной фабрики
И вагонных мастерских,
Служил Томасу Родсу и банковской клике;
Мой сын, кассир банка,
Был женат на дочери Родса.
По будням я делал деньги,
По воскресеньям молился в церкви,
Ничтожный винтик в машине реальности,
То есть власти денег, власти людей над
людьми,
Подкрашенной христианской Верой.
И вдруг банк лопнул.
Я стоял и глядел на сломанную машину:
Сломанные колеса,
Проржавевшие болты, полопавшиеся штоки;
Еще пригодится разве воронка для душ,
Когда газеты, судьи и финансисты оправятся
И снова запустят в ход пожирателя жизней.
Я остался наг, но во Христе,
Став искушеннее, видел насквозь их игры
И знал: «праведные будут жить на земле,
Лета же нечестивых сократятся».
И тут неожиданно доктор Мейерс
Нашел у меня рак печени.

Выходит, Господь не слишком заботился обо
мне!

Почему, когда я прошел сквозь туманы
И вскарабкался на вершину,
Готовый к новой бескрайней жизни,
Вечные силы
Сбросили меня в пропасть?

ГАРРИ УИЛМАНС

Мне только что стукнуло двадцать один,
Генри Фиппс, директор воскресной школы,
Говорил речь в «Опере Биндла»:

— Мы должны встать за честь флага,
Кто бы на нас ни напал, варвары-тагалогии
Или величайшая европейская армия.

— Ура! Ура! — кричали мы речи и флагу,
Которым он размахивал.

Отец не пускал, но я записался в армию
И шел за флагом, пока он не взвился
Над рисовым полем у лагеря под Манилой,
И все мы кричали: — Ура! Ура! —

Там были мухи и ядовитые гады;

И гнилая вода,

И убийственная жара,

И тошнотворная тухлая пища;

И за палатками вонь из ровика,

В который облегчались солдаты;

И всюду шлюхи, и в них сифилис;

И гнусности меж собой или наедине,

И издевательства, злоба, распущенность,

Дни отвращения к жизни и ночи страха —

До броска вслед за флагом

Через курящееся болото,

Пока я не рухнул с пулей в животе.
Ныне в Спун-Ривере надо мною флаг!
Флаг! Флаг!

ДЖОН УОССОН

Росистый луг в Северной Каролине!
Ребекка бежит за мной, плачет, плачет,
Один малыш на руках, трое за ней, плачут,
Не дают побыстрее уйти на войну
с англичанами,
И затем долгие трудные годы до Йорктауна.
И затем я ищу Ребекку
И нахожу ее наконец в Вирджинии,
А двое детишек моих умерли.
Мы отправились на волах в Теннесси,
А через несколько лет в Иллинойс,
И, наконец, Спун-Ривер.
Мы косили бизонову траву,
Валили леса,
Строили школы и мосты,
Прокладывали дороги, возделывали поля
Лицом к лицу с нищетой, болезнями, смертью...
Если Гарри Уилмансу, воевавшему
с филиппинцами,
Нужен флаг на могилу —
Пусть возьмет мой!

БРАТСКАЯ МОГИЛА

Идея вела нас, как флаг;
Звуки военной музыки;
Восторг от ружья на плече;
Успех в мире по возвращеньи домой;

Блеск славы, ненависть к неприятелю;
Мысль о долге перед родиной или Богом.
Все это сверкало в нас и перед нами,
Гнала же вперед нас другая сила,
Рука всемогущей Жизни — она,
Как огонь в центре земли, вздымающий горы,
Или подземный ключ, который их прорезает.
Помните, как кузнец Шэк Дай
Обхватил железным обручем дуб
Возле особняка Беннета,
Чтобы повесить гамак, в котором
Дочь хозяина Дженет
Читала бы после обеда?
И как растущее дерево наконец
Разорвало железный обруч?
При этом ни клеточка в дереве
Не ведала ничего, кроме трепета жизни,
И не встревожилась, что с гамаком вместе
В пыль упал томик Мильтона.

ГОДВИН ДЖЕЙМС

Гарри Уилманс, ты пал в болоте
Возле Манилы, идя за флагом, —
Ты не был ранен величием мечты,
Или погублен тщетой усилий,
Или сведен с ума сатанинскими кознями;
Тебя не терзали больные нервы,
Тебя не мучали застарелые раны,
Ты не голодал, ибо ел на казенный счет.
Ты не страдал, крикнув «вперед!»
Своим солдатам, которых враг
Встречал презрительными усмешками —
Они острее штыков. Тебя не взрывали
Незримые бомбы. Тебя не отвергли

Те, за кого ты погиб,
Ты не ел тот безвкусный хлеб,
Какой алхимия выпекала из идеалов.
Гарри Уилманс, ты уехал в Манилу,
А я записался в нищую армию верующих
Юношей с горящими взорами —
Мы рванулись за флагом царства небесного,
Но получили отпор и пали,
Сломленные, в слезах, без сил и без веры.
Мы погибли с тобой, Гарри Уилманс,
Каждый по-своему, оба не отличая
Добра от зла, поражения от победы,
Не зная, кто это ухмыляется
За дьявольской маской.

ЛАЙМЕН КИНГ

Прохожий, ты можешь считать,
Что Судьба — западня,
И, если имеешь ум и предвиденье,
Можешь ее избежать.
Ты в это поверил, глядя на жизнь других,
Подобно тому, кто, как Бог, склонился над
муравейником
И видит, как преодолеть муравьиные затруднения.
Но вернемся к жизни:
Судьба когда-нибудь подойдет к тебе
В виде твоего отражения в зеркале;
Или ты будешь сидеть один у камина,
И вдруг на соседнем стуле окажется гостья,
И ты узнаешь ее,
И увидишь в ее глазах непреложную весть.

КАРОЛИНА БРЭНСОН

О, если б с сердцами, как два плывущих солнца,
Мы шли и шли, как тогда, по апрельским полям,
Пока звездный свет не набросит незримую дымку
На наше всегдашнее место в лесу под скалой,
У извила ручья! О, если б мы переходили
От согласного пенья признаний ко вдохновенной
Импровизации победоносной любви!

И вновь о былом — когда песнь кончалась
Восторженным исступлением плоти,
Наши души падали, падали
Туда, где время, пространство, мы сами —
Все исчезает в любви!

И это бросить ради комнаты с лампами.
Где наша Тайна невольно себя презирает
У всех на глазах между салатом и кофе
И прячется среди цветочков и мандолин.
И видеть, что он в смятенье, ты же провидишь
Будущее — как человек, выдающий вексель:
Хорошего он не ждет, из розовых ручек
Дары на него не посыплются.

И после ночь, предрешенная и бесстрастная!
Назначена комната, время известно всем,
Победила рутина, и наши чувства угасли.
Назавтра он был рассеянный и почти равнодушный,
Отчужденный, спросил, почему я плачу,—
И вдруг от глухой тоски и помешательства чувств
Мы с ним решили уйти из жизни вдвоем.

Росточек на шаре земном,
Хрупкий, как свет звезды,
Ждущий, что вновь его
Втянут в поток бытия,
Чтобы в другом рожденье
На него мимоходом взглянули

Среди цветущего клевера,
 На поляне, сбегающей к загородке,
 Над которой тенистый дуб,
 И на нем наши качели.
 Но все-таки этот домик — усадьба
 На лужайке, а возле лужайки море.
 В этой комнате маленький Пол
 Задохнулся от дифтерии —
 Но все-таки это совсем не комната,
 А солнечная веранда,
 Притененная тюлем,
 И в кресле мужчина в темном плаще,
 У него лицо Еврипида.
 Он пришел ко мне или я к нему —
 Не могу сказать.
 Шумит прибой, клевер на летнем ветру
 Качает головками, маленький Пол с букетиком
 Подошел к окну, улыбнулся нам.
 Я сказал: — Что такое «божественное отчаянье»,
Альфред?
 — Ты читал «Слезы, напрасные слезы»? —
спросил он.
 — Да, но вы там не выразили божественного
отчаянья.
 — Бедный мой друг, — отвечал он, — это как раз
потому,
 Что отчаянье было божественным.

МЕЙБЛ ОСБОРН

Среди зеленых листьев алые лепестки
 Поникли, родная моя герань!
 Но ты не просишь воды,
 Ты лишена дара речи! Тебе он не нужен:
 Все видят, что ты умираешь от жажды,

Но воды не приносят!
Люди проходят, заметив:
— Герань засыхает.—
И я, имевшая счастье разделить
И жаждавшая разделить твоё счастье,
Любившая тебя, мой Спун-Ривер,
И мечтавшая о твоей любви,
Засохла у тебя на глазах, Спун-Ривер,—
От жажды, от жажды,
Безгласная, ибо стыдилась просить о любви,
Ты же знал и видел, что я погибаю,
Как герань, которую надо мной посадили
И оставили умирать.

УИЛЬЯМ Г. ХЕРНДОН

Здесь у окна в старом доме,
Вскарabкавшемся на утес над долиной,
Кончались мои нелегкие дни,
День за днем я досиживал ослабевавшую жизнь,
И в память глядел, как в волшебный хрустальный
шар,
И видел — фигуры из прошлого вереницей
Шествуют в невероятной сфере времен,
Отразившись в моем ослепительном сне.
Человек восстает из почвы, как сказочный великан,
И вверяет себя бессмертной судьбе,
Полководец великих армий, глава республики;
Он ввел в припев популярной песенки
Эпос народных надежд;
И еще он — Вулкан при священных огнях,
На которых из закаленных на небе духов
Навеки выковывались щиты и мечи.
Вглядитесь в хрусталь! Видите, он спешит
Туда, где его трона подходит к тропе

Созданий Плутарха, Шекспира.

О Линкольн, актер, ты прекрасно сыграл свою роль,

Но в пьесу твою с пантомимой вошел Бут;

Часто, часто я видел тебя,

Когда каркающие вороны летели к лесу,

Над домом, в торжественном свете заката,

Сидя здесь у окна

Один.

РЕБЕККА УОССОН

Весна и Лето, Осень, Зима и Весна —

Чередуются за окном времена года!

А я годами лежу у окна и считаю годы,

Пока мне в сердце не закрадется ужас,

Опасенье, что я бессмертная; и наконец

Мне исполнилось сто! А я все лежу и слушаю

Тиканье ходиков, и мычанье коров,

И крик сойки, летящей сквозь листопад!

День за днем я одна в этой комнате, в доме

Невестки, седая и неподвижная. Ночью

Или днем, только стоит взглянуть в окно,

Мысль возвращается сквозь бесконечное время

В Северную Каролину и годы детства,

И к Джону, который ушел на войну с англичанами,

И ко всем детям, к их смертям и печалям.

И ко временам, по которым, словно по прерии

В Иллинойсе, промчались великие всадники —

Вашингтон, Джефферсон, Джексон, Вебстер, Клей.

О прекрасная молодая республика —

Мы с Джоном отдали ей всю любовь и все силы!

О дорогой мой Джон!

Почему, когда я беспомощная, годами

Молила тебя прийти, ты не приходил?

Ты узнал этот крик восторга, с которым тебя
Я увидела после войны в старой Вирджинии,
Ты снова пришел за мной и стоишь у кровати,
Солнце заходит на западе и тускнеет
В сиянии твоего лица!

РАЗЕРФОРД МАКДАУЭЛЛ

Мне приносили для увеличения
Амбротипы старых пионеров.
Иногда я снимал кого-то из них,
Кто еще был в живых,
Когда гигантские руки из чрева мира
Раздирали республику.
Что было в их глазах?
Я никогда не мог разгадать
Тайну опущенных век
И спокойную грусть во взоре.
Он был, как озеро
В окруженье дубов на опушке леса,
В которое падают листья,
А ты вдруг слышишь крик петуха
На ферме возле холма,
Где сменилось два поколенья; и крепких мужчин
И крепких женщин теперь не найдешь.
Ох эти внуки и правнуки
Пионеров!
Моя камера запечатлела и их лица,
Утратившие былую силу,
И былую веру,
И былую власть над жизнью,
И бывшее мужество —
Оно одно заставляет под солнцем трудиться,
любить, страдать
И распевать песни!

ХАННА АРМСТРОНГ

Я написала ему, чтобы ради прошлого
Он освободил от армии моего хворого мальчика;
Но может, он не сумел разобрать мой почерк.
Тогда я отправилась в Пеорию, где Джеймс Гарбер
Написал мне письмо красивым почерком;
Но может, письмо затерялось на почте.
И тогда я поехала аж в Вашингтон.
Я больше часа разыскивала Белый дом.
А когда нашла, меня оттуда прогнали,
Сдерживая улыбки. И я подумала:
«Значит, он не такой, как когда у меня столовался,
Они с моим мужем долго работали вместе,
И все мы в Менарде звали его просто Эйб».
Как последнее средство, я сказала охраннику:
— Прошу передать, что тетушка Ханна Армстронг
Из Иллинойса приехала поговорить с ним
Насчет ее хворого мальчика в армии. —
И что? Через миг они меня пропустили!
И, увидев меня, он развеселился,
И дела свои президентские бросил,
И своей рукой написал освобождение Дагу,
И вспоминал про прошлые времена,
И рассказывал интересные.

ЛЮСИНДА МЭТЛОК

Я ходила на танцы в Чендлервилль
И играла в подкидного в Уинчестере.
При июньской луне мы собрались ехать домой
И перепутали кавалеров,
Так я познакомилась с Дэвисом.
Мы поженились и прожили вместе семьдесят лет,
Работали, радовались, воспитали двенадцать детей,

Восемь из них умерло
До того, как мне стукнуло шестьдесят.
Я пряла, ткала, вела хозяйство, следила за садом,
Ухаживала за больными, а в праздники
Бродила полями, где пели жаворонки,
И на берегу реки собирала ракушки,
Цветы и целебные травы —
И аукалась с рощами на холмах и пела зеленым
долинам.

В девяносто шесть я насытилась жизнью
И вкусила сладкий покой.
Кто это там толкует о тоске, усталости,
Недовольстве, злобе, разбитых надеждах?
Юные выродки,
Жизнь вам не по плечу —
Надо жить, чтобы любить Жизнь.

ДЭВИС МЭТЛОК

Допустим, это всего лишь улей:
В нем трутни, рабочие пчелы и матка,
И надо всего лишь копить мед
(Материальные блага, культуру и мудрость)
Для следующего поколения, а нынешнее поколение
Не живет, лишь роится под солнышком юности,
Укрепляет крылья цветочной пылью
И на обратном пути с клеверного лужка
Пробует сладкую добычу.
Допустим все это и допустим истину:
Людская природа огромней,
Чем требованья природы в улье;
И ты должен нести бремя жизни
И еще укрощать буйство своего духа —
Так вот, чтобы прожить жизнь,

Надо жить, как Бог, веря в бессмертье,
Даже если ты в нем не уверен.
Если Бог за это не будет гордиться тобой,
Значит, Бог всего лишь земное тяготенье,
А золотая цель жизни — сон.

ГЕРМАН АЛЬТМЕН

Шел я за Истиной, куда она ни вела:
Боролся ли с целым светом во имя принципа,
Защищал ли слабых от сильных?
Если да, то люди меня будут помнить
Таким, какого знали при жизни,
Какого любили и ненавидели,
А поэтому не воздвигайте мне памятник,
Не высекайте портрет,
Полубогом мне все равно не стать,
Не исказилась бы суть моя,
Так что лжецы и воры,
Мои враги, одержавшие верх надо мной,
И дети лжецов и воров
Вдруг объявят меня своим
И станут клясться перед моим портретом,
Что были со мной в дни моего поражения.
Не воздвигайте мне памятник,
Чтобы мысль обо мне не извратили для выгоды
Угнетателей и лжецов.
Любимые мои и их дети обездолены быть
не должны;
Я хочу пребыть незапятнанно-чистым наследьем
Тех, для кого я жил.

ДЖЕННИ МАКГРУ

Нет, не фигура в плаще с закрытым лицом
У темного поворота лестницы!
Не желтые глаза в комнате ночью,
Уставившиеся с серой паутины!
И не хлопанье коршунова крыла,
Когда рев жизни в твоих ушах —
Доселе не слышанный звук!
Но солнечным днем
На сельской дороге,
Где лиловый борщевник тянется вдоль ограды,
И с поля все убрано, и кругом тишина,
Увидеть в лучах солнца нечто черное,
Как пятно с радужными краями —
Вот это признак второго зренья...
И я это видела!

КОЛАМБУС ЧИНИ

Плакучая ива!
Почему бы не посадить несколько ив
Для еще не родившихся миллионов детей
И для нас самих?
Разве детей этих нет в природе,
Разве они не клеточки, спящие без сознания?
Или само рожденье здесь, на земле,
Прерывает их память о прошлом существованье?
Ответьте! Вас ждут неведомые прозренья,
Но, так иль не так, почему бы не посадить ивы для
НИХ
И для нас самих?

УОЛЛЕС ФЕРГЮСОН

Там, в Женеве, где высокий Монблан
Под ветерком с пустынного синего неба
Плывет, как облако, в озере винного цвета,
А под мостом Рона с ревом срывается вниз,
И музыка из кафе сливается с праздником
Пляшущих вод в бурном потоке света;
И чистейшая часть гения Жана Руссо —
Безмолвная музыка виденного и слышанного, —
Что, полнота моей жизни в Женеве уменьшилась
Из-за того, что я не узнавал в себе парня,
Двадцать лет назад бродившего по Спун-Риверу,
И не помнил, каким я был и что ощущал?
Мы живем независимо от минувших времен.
Потому, о душа, если ты забудешься в смерти
И очнешься в некой Женеве с неким Монбланом,
Что тебе, если ты не узнаешь в себе себя,
В минувших веках жившую и любившую
В уголке земли под названьем Спун-Ривер?

МАРИ БЕЙТСОН

Перед вами изваянная рука,
Указательный палец направлен в небо.
Явно указывает направление.
Но как ему следовать?
Полезно воздерживаться от убийства и похоти,
Прощать, делать добро, поклоняться Богу;
А не идолам.
Но все это внешние средства,
С их помощью вы приносите пользу себе.
В основе основ — свобода,
Она свет, чистота:
По вашей подсказке
Я не могу ни найти, ни утратить цель.

Китти — ко-ко! Стыдись, Люшес Атертон,
Из-за тебя с губ Энер Клут
Слетел хрипый крик, который позднее
Миссис Бенджамин Пэнтир поймет как призыв
К женскому равноправью: кудах-тах-тах!
Что вдохновляет тебя, Маргарет Фуллер Слэк?
На что это ты так вытаращился,
Теннесси Клафлин Шоп?
Ты вздумал проникнуть в эзотеричность яйца?
Гортензия Роббинс, сегодня твой голос скрежещет,
Как у цесарки!
Ко! Ты хрипло вздохнул, Исаия Бетховен;
Ты заметил тень ястреба
Или ступил на куриные кости,
Которые утром выбросил повар?
Будь ты героем, рыцарем или мечтателем,
Святошей, мистиком или бунтарем,
Все равно со двора никуда не денешься,
Разве что через забор полетишь
С картофельными очистками и в кормушку!

ИМЭНЬЮЭЛ ЭРЕНХАРДТ

Я начал с лекций сэра Уильяма Гамильтона.
Потом проштудировал Дугалда Стюарта,
Потом Джона Локка о разуме,
Потом Декарта, Фихте и Шеллинга,
Канта и, наконец, Шопенгауэра —
Книги давал мне старый судья Сомерс.
Я читал их восторженно и прилежно,
Мечтая, что именно мне досталось на долю
Схватить за хвост последнюю тайну
И вытащить ее из норы.
Моя душа воспаряла на сто тысяч миль,
Отчего луна казалась чуточку покрупнее.

Я упал — и как же был рад земле!
И все благодаря душе Уильяма Джонса,
Который мне показал письмо Джона Мьюра.

СЭМЬЮЭЛ ГАРДНЕР

Я, хозяин оранжереи,
Любитель цветов и деревьев,
Часто видел этот тенистый ильм,
Мерил глазом его богатые ветви
И слушал, как веселые листья
Любовно оглаживают друг друга,
Овевают эоловыми напевами.
У них есть на то основание:
Их корни так разрослись вширь и вглубь,
Что почва холма не могла утаить ничего
Из своего богатства,
Умноженного дождем и согретого солнцем,
Но отдавала все, и усердные корни
Вбирали все и посылали в ствол
И оттуда в ветви и листья,
В которых рождались поющие ветерки.
И я, скромнейший субарендатор,
Вижу, что ветви дерева распространяются
Не шире, чем его корни.
Да и может ли быть душа человека
Больше, чем жизнь, которую он прожил?

ДОУ КРИТТ

Сэмьюэл даже мертвый твердит о своем ильме —
Но я и при жизни все понял насчет корней:
Я же рыл все канавы в Спун-Ривере.
Взгляни на мой ильм!

Он от такого же доброго семени, что и твой,
И посажен одновременно,
А макушка его умирает:
Это не худосочие, не грибок,
Не вредитель, как думает наш могильщик.
Взгляни, Сэмьюэл, корни уперлись в камень
И не могут расти дальше.
Макушка же изо всех сил
Тянется расти —
И умирает.

УИЛЬЯМ ДЖОНС

Редко-редко странное, не известное мне растение,
И его требуется определить по науке;
Редко-редко письмо от Йоманса.
В ракушках, собранных на берегу,
Вдруг перламутр с отблеском руты:
Тут, может, письмо от самого Тиндалла,
Из Англии, со спунриверским штемпелем.
Любитель Природы, любимый лишь за любовь
к ней,

Я так беседовал издалека с великими,
Знавшими ее лучше, чем я.
Да нет ничего в ней ни малого, ни великого,
Разве что все мы ее возвеличиваем
И получаем в награду великое счастье.
Засыпьте, засыпьте меня речными ракушками!
Я жил, дивясь чудесам земли и небес,
Я вступил на вечный путь бесконечной жизни.

УИЛЬЯМ ГУД

Всем в городе без сомненья казалось,
Что я бесцельно мечусь туда и сюда.
Но в сумерках возле реки летучие мыши

Тоже летают зигзагами, как бы бесцельно —
На деле они добывают себе пропитание.
И если вы хоть раз сбивались с дороги
В глухом лесу над Мельничным бродом
И бросались то туда то сюда,
Чтоб отыскать утраченную дорогу
(А млечный путь светил сквозь листву),
Вы поймете — мои блуждания
Были блужданиями в упорных
Поисках истинного пути.

ДЖ. МИЛЬТОН МАЙЛС

Каждый раз, когда пресвитерианский колокол
Звонил один, я узнавал пресвитерианский колокол.
Но когда его звук смешивался
Со звуками колоколов методистского, баптистского,
Конгрегационалистского и христианской науки,
Я более не различал ни его,
Ни одного из других, ни всех вместе взятых.
Столько же звуков звало меня в жизни.
Так не удивляйтесь, что я не умел отличить
Голоса правды от голоса лжи
И даже в конце не узнал
Голос, который следовало бы узнать.

ФЕЙТ МЭТЕНИ

В начале вы не поймете,
И, может быть, никогда не поймете,
И, может, мы вам не откроем значенье
Этих внезапных вспышек в душе,
Как в полночь при полной луне
Молния в снежных тучах.

Они застигают вас в одиночестве
Или когда вы с другом, внезапно
В разговор вторглось молчанье, и ваши
Глаза, не моргая, встречаются:
Сокровенное вы узрели вдвоем,
Вы в нем, он в вас.
И вот вы трепещете, ибо Тайна
Предстала пред вами и может насмерть
Поразить вас солнечным великолепьем.
Мужайтесь, души, познавшие эти прозренья!
Как плоть моя ныне мертва, так ваша жива
И улавливает дуновенья эфира,
Восходящие к Самому Богу.

СКОЛФИЛД ХАКСЛИ

Боже, не жди, чтобы я славил твои чудеса;
Они есть — и звезды, и солнца,
И бесчисленные миры.
Но я расстоянья меж ними измерил,
И взвесил их, и открыл их состав.
Я создал крылья для воздуха,
И корабли для воды,
И железных коней для суши.
Тобою данные зренье и слух
Я усилил в миллионы раз,
Речью я преодолел пространства
И для освещенья добыл огонь из воздуха.
И построил огромные города, просверлил горы
И перекинул мосты через великие воды.
Я написал «Илиаду» и «Гамлета»;
И я исследовал твои тайны
И непрестанно искал тебя,
Терял тебя в час усталости
И вновь обретал,

И я спрашиваю:
Каково бы было тебе сотворить солнце,
А назавтра чувствовать, как меж твоими
пальцами
Копшатся могильные черви?

УИЛЛИ МЕТКАЛФ

Я был Уилли Меткалф.
Меня звали в глаза «доктор Мейерс»,
Говорили, что я на него похож.
Он мой отец, сказал Джек Макгуайр.
Я жил при конюшне,
Спал на полу
Бок о бок с бульдогом Роджера Баумена,
А иногда в стойлах.
Ни один самый дикий конь ни разу меня
Не ударил — мы понимали друг друга.
По веснам я уходил бродяжить,
Чтобы вконец не лишиться чувства,
Что я с землею одно.
Полузакрыв глаза, я лежал в лесу
И забывался, точно во сне.
Вел беседы с жабами, даже со змеями —
Со всеми, кому ты можешь взглянуть в глаза.
Однажды я видел, как камень на солнцепеке
Пытался растаять.
В апрельские дни на этом кладбище
Мертвецы собирались вокруг меня
И стояли, как прихожане в безмолвной
молитве.
Я так и не понял, ходил ли я по земле
Или сам был землей и растил цветы, —
Теперь я знаю.

УИЛЛИ ПЕННИНГТОН

Во мне видели слабака, простака,
Ибо братья мои были сильные и красивые,
А я, последний сын старых родителей,
Получил в наследство лишь остаток их сил.
Но их, моих братьев,
Хотя они все добились известности и богатства,
Сгубила необузданность воли — ее у меня не было,
Ожесточила неутолимость похоти — ее у меня
не было.
У меня, забившегося в уголок Вселенной,
Слабака, простака,
Было виденье, и через меня у многих было
виденье,
Хоть они и не знали, что через меня.
Так из меня, горчичного зернышка,
Выросло дерево.

ГОРОДСКОЙ АТЕИСТ

Вы, юные ниспровергатели догмата
О бессмертье души,
Знайте, я был городским атеистом,
Говорливым, задорным, набитым доводами
Всех неверующих.
Но за время долгой болезни,
Выхаркивая свои легкие, я прочитал
«Упанишады» и поэзию Иисуса.
Они зажгли факел надежды и убежденности
И устремленья, который Тень,
Гонящая меня по пещерам мрака,
Погасить не властна.
Послушайте меня вы, живущие разумом
И думающие одним разумом:

Бессмертье — это не дар,
Бессмертье — завоеванье,
И лишь тот, кто властно стремится к нему,
Обретет его.

ДЖОН БОЛЛАРД

В упоении юной силой
Я проклинал Бога — Он не замечал меня:
С тем же успехом я мог проклинать звезды.
В муках последней болезни я не сдавался
И проклинал Бога за мои страдания;
Как всегда, Он не замечал меня,
Вел себя, словно меня нет,
С тем же успехом я мог проклинать шпиль
церкви.

Мне становилось все хуже, и я испугался:
А вдруг своими проклятьями я обидел Его?
Тут Лидия Хамфри принесла мне букет цветов,
И мне пришло в голову подружиться с Богом,
И я попробовал с Ним подружиться;
С тем же успехом я мог попробовать подружиться
с букетом.

Эге, да я, кажется, близок к разгадке,
Ибо и правда я мог подружиться с букетом,
Если бы принял в душу любовь к букету,
Так что я подбирался к разгадке, но вдруг...

ДЖУЛИАН СКОТТ

До конца моих дней
Правда других была моя неправда,
Справедливость других — моя несправедливость,
Их стремление к смерти — мое стремление к жизни,

ЗИЛЬФА МАРШ

В конце октября, в четыре часа
Я сидела одна в помещении школы,
Вдали от дороги, среди голых полей,
И вихрь швырял листву о стекло
И выл в дымоходе чугунной печки,
Мерцавшие угли в открытой дверце
Призрачным блеском зыбили тени.
Рассеянно я прикоснулась к планшетке,
Запястье мое внезапно вспотело,
И в пальцах вдруг заплясал карандаш,
И составилось имя «Чарлз Гито»,
И сам он почти материализовался.
Я вскочила и выбежала, не покрывшись,
В туман, страшась моего дарованья.
А после, где бы я ни была,
Духи являлись один за другим —
Чосер, Цезарь, По и Марло,
Клеопатра и миссис Суррат, —
Их сообщения были ничтожны:
С детьми ведь не говорят о серьезном.
Я вижу такое, чего вы не видите,
Не слышите и на словах не поймете,
И я вам должна говорить чепуху
О том, что я вижу!

ДЖЕЙМС ГАРБЕР

Прохожий, ты помнишь тропинку
Через пустырь, где опера? Это я ее
Протоптал за долгие годы, бегая на работу.
Задумайся над моей тропинкой:
Ты тоже идешь, и за Мельничным бродом
Кажется, что холмы не так далеко;

Потом, после долгой ходьбы, они вовсе близко:
Осталось четыре мили лугами;
Потом и женская любовь умолкает
И больше не говорит: — Я спасу тебя. —
А потом лица друзей и родных,
Как выцветшие фотографии, убого молчат,
И на них написано: «Чем мы тебе поможем?»
А потом ты уже не винишь род людской
В сговоре против поднявшей рúки души твоей —
Всем приходится денно и ночью,
Неусыпно следить за своей судьбой;
Потом — ты все уже понял — задумайся обо мне
И моей тропинке: я ходил по ней, сознавая,
Что ни мужчина, ни женщина,
Ни труд, ни долг,
Ни золото и ни власть
Не облегчают страданье души,
Одиночество этой души!

ЛИДИЯ ХАМФРИ

Туда и обратно, туда и обратно, в церковь —
из церкви,
С Библией под мышкой,
Пока я не стала седая и старая,
Старая дева, одна в целом свете,
Сестер и братьев нашла в прихожанах,
Детей своих — тоже в церкви.
Надо мной шутили, считали чудной.
Орлиные души — они устремляются к солнцу
Над церковным шпилем, смеются над церковью,
Меня презирают и не замечают.
Они любят вьсь, я же любила церковь.
В ней прозренье, прозренье, прозренье поэтов
Открыто для всех!

Во всеобщем безмолвии с ним пришедшее
Великолепие было пронизано мыслью,
Отчетливой, как человеческий голос,
Так что я слышал, как этот Некто,
Продвигаясь меж ящиками,
Ощипывая листочки, выискивая жучков
И ставя оценки, глядел
Всевидящим оком и размышлял:
— Гомер — о да! Перикл — хорошо.
Чезаре Борджа — что с ним делать?
Данте — не много ли удобрений?
Наполеон — пока что отставим.
Шелли — добавить почвы.
Шекспира надо опрыскать. —
Облака...

АРЛО УИЛЛ

Вы когда-нибудь видели, как аллигатор
Выползает из тины на воздух,
Ослепленный блеском полной луны?
Вы видали, как ночью лошади в стойлах
Трепещут и вздрагивают от лучей фонаря?
Вы когда-нибудь шли во тьме,
И вдруг распахивалась незнакомая дверь,
И вы стояли в сиянье сотен свечей
Чистейшего воска?
Вы когда-нибудь шли, чтобы ветер свистел в ушах,
А вас обнимал солнечный свет,
И вы неожиданно понимали его
Прирожденное великолепье?
Множество раз выбираясь из тины,
Перед множеством освещенных дверей,
По множеству великолепных пространств, —
И чтобы вокруг вас лежала беззвучная слава,

Как свежавыпавший снег, —
Так вы пройдете землю, сильные духом,
И бесчисленные небеса —
К последнему светочу!

КАПИТАН ОРЛАНДО КИЛЛИОН

О, страха не ведавшие птенцы,
Молодые мечтатели и радикалы,
Вы проходите мимо моей могилы
И смеетесь над камнем с надписью:
«Он был капитаном и верил в Бога!»
Противоречья здесь нет.
Проходите почтительно и читайте внимательно,
Как великий народ с безумными воплями
Оседлал кентавра Революции,
Самозабвенно пришпоривал и хлестал его,
И вздрогнул от ужаса при виде морского тумана
Над открывшейся перед ним пропастью,
И пал наземь в приступе благочестия,
И восславил Верховное Существо.
Движимый тем же острым чувством жизни
и смерти,
Озабоченный, как и они, судьбой народа,
Мог ли я, маленький богохульник,
Попавший в стихию общенародного потопа,
Мог ли я оставаться богохульником
И капитаном?

ДЖЕРЕМИ КАРЛАЙЛ

Прохожий, нет греха больше
Греха слепоты душевной к чужой душе.
И нет радости большей, чем радость сознанья,

Что люди видят добро в тебе, а ты
В этот дивный миг видишь добро в людях!
Каюсь, грешил надменным презреньем
И язвительным скептицизмом.
Ты помнишь, как при нас ПенниUIT
Залил жидкостью ферротип, и он
Заголубел, словно дымок гикори?
Как пластинка начала проявляться,
И вот показалось лицо, точно живое?
Так, шагая по жизни, я видел вас,
Отверженных и врагов,
Ваши лица являлись мне все отчетливей,
Как мое лицо — вам.
И мы уже были готовы идти вместе
И хором воспеть рассвет,
Ибо он и есть жизнь.

ДЖОЗЕФ ДИКСОН

Кто изваял надо мной разбитую арфу?
Конечно, я умер для вас. Но сколько
Арф и роялей настраивал я для вас —
С камертоном и без — и как дивно они звучали!
Вы говорите, что арфа создана ухом —
Но какое ухо укажет длину каждой струны
Согласно магии чисел, влетающих в дверь
сознания,
Она же захлопывается перед твоим изумленьем!
Разве, помимо людского уха, нет Уха,
Которое слышит душу звучанья в струнах
И полосах воздуха между ними?
Страшно назвать камертоном то, что улавливает
Волны света и музыки издалека,
Антенну Мысли, вслушивающейся в космос.

Гармония духа во мне — свидетельство высшего
Уха,
Настроившего меня и способного перестроить
И использовать вновь, если я достоин.

ДЖАДСОН СТОДДАРД

На горной вершине над облаками,
Переливающимися, как море,
Я сказал: — Тот пик — мысль Будды,
А вон тот — молитва Христа,
А этот — мечта Платона,
А тот дальний — песнь Данте,
А этот — Кант, а этот — Ньютон,
А этот — Мильтон, а этот — Шекспир,
А этот — надежда Матери-Церкви,
А этот... да все они стихотворенья,
Стихи и молитвы, пронзающие облака. —
И я сказал: — Зачем Господу горы,
Вздымающиеся почти до небес?

РАССЕЛ КИНКЕЙД

Моей последней весной,
В мои последние дни
Я сидел в пустынном саду
Лицом к зеленым полям, за которыми
Мерцали холмы над Мельничным бродом;
Я размышлял о засохшей яблоне
С сожженными молнией ветками,
И зеленых ростках, и нежных цветках,
Мерцающих на скелете дерева
И обреченных на бесплодь.
Так я сидел, мой дух облекала

Полумертвая плоть с оцепевшими
чувствами,
Но думал о молодости и весне —
Призрачные цветы бледно сияли
На безжизненных ветках Времени.
Земля покидает нас прежде, чем небо
берет нас!

Если бы я был деревом и трепетал
От весенних грез и зеленой юности,
Я рухнул бы в ту грозу, которая
Вынула из меня душу,
Так что я ни на земле, ни на небе.

ААРОН ХЭТФИЛД

Спун-Ривер, мой образ прочней гранита
Врезался в твою память, когда я стоял
Перед толпой пионеров и их жен
У церкви Согласия в день причастия
И сорванным голосом проповедовал
О деревенском юноше из Галилеи,
Которого здесь погубили банкиры и судьи;
Мой голос сливался с июньским ветром,
Летевшим из Эттербери над нивами;
А белые камни на кладбище возле церкви
Тускло светились под летним солнцем.
И хотя мои собственные воспоминания —
Сплошная боль, я смотрел на вас, пионеры,
Вы стояли потупившись, переполнены
скорбью
По сыновьям, павшим в бою, по дочерям
И малым детям, сгинувшим на заре
Или в невыносимый полдень.
В этот миг трагической тишины,
Когда люди вкушали хлеб и вино,

Примирение нисходило на нас,
На нас, пахарей и лесорубов,
Крестьян, братьев крестьян галилейских,
К нам нисходил Утешитель
И успокоительные языки огня!

ИСАИЯ БЕТХОВЕН

Мне сказали, что жить мне осталось три
месяца,

И я переполз к Бернадотту
И часами просиживал возле мельницы,
Где толща воды двигалась в глубине,
А сверху, казалось, не движется:
О мир, это ты!
Ты всего лишь разлив реки,
В который глядится жизнь, и мы радуемся,
Что она отразилась в нас, и мечтаем,
И отворачиваемся; когда же
Мы вновь хотим взглянуть ей в лицо,
То видим низины с высохшими тополями
И уплываем вниз по течению!
Но возле мельницы замки из облаков
Передразнивают себя в кружащейся воде;
В ее агатовой глади ночью
Пламя луны бежит под взглядом,
И лесную тишь нарушает
Флейта в домике на холме.
Когда я окончательно слег,
Обессилен от боли, в бреду,
Душа реки вошла в мою душу
И последние силы души поплыли
Так быстро, словно они не движутся,
Под облачными городами, под сферами

Из серебра и изменчивыми мирами —
Пока я не увидел блеск медных труб
Над зубчатыми стенами Времени.

ЭЛАЙДЖА БРАУНИНГ

Я находился в толпе детей,
Плясавших у подножья горы.
Восточный ветер разметал их, как листья,
Некоторых погнал ввысь... Все переменялось.
Летающие огни, волшебные луны, нездешняя
музыка.
Сквозь нас проплыло облако... Все переменялось.
Я находился в толпе враждующих.
Некто в мерцающем золоте, некто с трубою
И некто со скипетром, надо мною глумясь,
Протанцевали ригодон и исчезли...
Все снова переменялось. В беседке, увитой
маками,
Женщина с обнаженной грудью протянула мне
губы.
Вкус поцелуя был словно соль.
Осталась кровь на губах. Я лишился сил.
Все же побрел в гору, но туман, как от айсберга,
Окутал мне ноги. Было больно и холодно.
Но солнце вновь пролилось на меня,
Внизу же туманы скрывали собою все.
Я стоял, согнувшись над посохом,
И узнал свою тень на снегу. Надо мной
Ледяной пик врезался в беззвучный воздух,
И над ним висела единственная звезда!
Дрожь восторга, дрожь страха
Охватила меня. Я не мог возвратиться
на склоны —
И не хотел возвращаться.

Ибо последние волны свободы
Лизали бесплотные скалы вокруг меня.
Поэтому я взошел на вершину.
Я отбросил посох.
Вытянутой рукой
Я коснулся звезды.
И исчез без следа.
Ибо того, кто коснется звезды,
Гора отправляет к Божественной Истине!

ВЕБСТЕР ФОРД

Ты не забыл, о Дельфийский Аполлон,
Закат у реки, когда Микки Макгру воскликнул:
— Призрак! — А я: — Дельфийский Аполлон! —
А сын банкира нас высмеял: — Недоумки,
Это же ирисы, а на них блики света! —
Потянулись долгие скучные годы, бедный
Микки ухнул в водонапорную башню —
Вниз, вниз, вниз, сквозь гудящий мрак,
С ним вместе наше виденье погибло, погасло.
Точно ракета, упавшая наземь, один
Я таил о нем память, опасаясь, что сын банкира
Призовет на спасение мне Плутоса.
Ты был отомщен за позор пугливого сердца,
Когда я вновь увидел тебя, Аполлон,
Став деревом с цепенеющими ветвями,
На которых лавровые листья все же росли,
Трепетали, дрожали, съеживались, боролись
С холодной бесчувственностью, проникавшей в их
жилы

От умирающего ствола и ветвей.
Юность, не убежишь от Аполлонова зова!
Бросься в огонь, умри с песней весны,
Если судьба умереть весной. Никто

Взглянувший в лицо Аполлона не уцелеет —
Выбирай между смертью в огне и смертью
После долгих лет укорененности в почве,
Когда ужасное оцепененье ползет все выше,
К лавровым листьям, которые не перестанут
Сиять, пока ты живой. О мои листья,
Для венков чересчур сухие, вам место в урнах
Воспоминаний, вы, может быть, пригодитесь
Бесстрашным сердцам, не боящимся петь и
жить, —
О Дельфийский Аполлон!

СПУНИАДА

(Покойный мистер Джонатан Свифт Сомерс, поэт-лауреат Спун-Ривера (см. стр. 90), намеревался создать «Спуниаду» как эпос из двадцати четырех книг, но, к сожалению, не успел завершить даже первую. Предлагаемый отрывок обнаружил в его бумагах Уильям Марион Риди, который и опубликовал его в своей «Ридис Миррор» от 18 декабря 1914 года.)

О муза, ныне пой о гневе Джона
Кабаниса, борьбе враждебных партий
И страшном поражении того,
Кто вел народ на битву за свободу
Спун-Ривера, и о крушенье банка
Томаса Родса, кое причинило
Ущерб несчетный, горькие страданья
И запалило ненависти факел
В руках Анархии, поджегшей зданье
Суда, на чьих руинах новый храм
Восстал во имя торжества Прогресса, —
Пой, муза, озарившая улыбкой

Лицо Слепца-хиосца, что взирал,
Как, муравьям подобно, копошились
Ахейцы и троянцы над Скамандром
И возле стен, как приносили жертвы
И мертвых возлагали на костры —
И все из-за Елены, убежавшей
С Парисом в Трою как подруга сердца;
Взирал на гнев Ахилла, что лишился
Добычи сладкой, милой Хрисеиды.
Всевидящий сын ночи, Мом, и ты,
Улыбчивая Талия, ответьте,
С чего Кабанис Джон пошел войною
На Родса Томаса? Дщерь его Флосси
С бродячей труппой возвращалась в город,
Сверкали перстни, звякали запястья,
Точилась с уст змеиная премудрость,
А из очей лукавство. Томас Родс,
Который правил в церкви, как и в банке,
Публично изъявил неодобренье;
Спун-Ривер зашушукался, а церковь
Нахмурилась, и Флосси стало ясно:
Ее из страха люди осуждают.

Бросая вызов им, она плясала
Под флейты и виолы, что добыты
В самой Пеории, и сонм юнцов,
Почти обретших свет из-за молитв
Усердных пастырей и верных душ,
Плясал за нею, пожирая взглядом
Невиданно глубокий вырез платья,
Где глаз терялся в снежной белизне.

В тот вечер город словно подменили,
Он перешел от мрачности к веселью.
Модистка миссис Уильямс, поставщица
Новейших шляпок, сбилась с ног; усердно

Портних мелькали иглы; по комодам
И сундукам искали кружева,
Бижу являлись из укромных мест,
И юноши преобразились в денди.
Записки замелькали, вечерами
К дверям красавиц сыпались цветы,
И парочки гуляли над рекой.
И так как церковь опустела, некто
Из богоизбранных возвысил голос:
— Меж нами вавилонская блудница,
О верные, гоните ее прочь! —
Тут Джон Кабанис в ярости покинул
Друзей по церкви и правопорядку
И к либералам перешел, за что был
Назначен либеральным кандидатом
На должность мэра в пику Э.-Д. Бладу.

Лишь началась война за голоса,
Как слух пополз о банке и о займах,
Что Родсов сын наделал для покрытия
Убытков на пшенице, и немало
Спунриверцев изъяло сбереженья;
Банк опустел, и тотчас либералы
Поторопились огласить прожект
Об учреждении другого банка.
Увы, пузырь их мыльный лопнул; все же
Они в чертогах Николаса Биндла
Сходились и вели благие речи
И боговдохновенные дебаты.

Над сценой, глядя на ряды сидевших
На стульях бунтарей, висел халтурный
Козлобородый, лысый, лупоглазый
Уильям Шекспир — ни дать ни взять,
работник
Крисчена Доллмена; под ним стоял

Сам Хармон Уитни, равно знаменитый
Как сквернословьем, так и плутовством,
И вот что он мятежникам глаголил:
— Поднять ли лапки и позволить клике
Голодных хладнокровных псалмопевцев
Нас пожирать и разорять наш банк,
И ставить наши кровные гроши
На карту, спекулируя пшеницей,—
Или спастись под церковным шпилем,
Вознесшимся, чтобы плодить лакеев,
И состязающимся с тем же банком
В постыдной алчности,— вот в чем вопрос.
Что лучше, музыка, веселье, танцы
Иль колокольный звон? Должна ли юность
Бродить над Спунем по холмам, цветущим
От слез апреля, или должно ей
Сидеть в домах или играть в крокет,
Заслуживая одобренье Родса?
Кровь младости кипит и рвет оковы —
Позволим ли мы юношей и дев
Клеймить как сластолюбцев и блудниц?
— Нет! — звонко отозвался женский голос.
Загрохотали сдвинутые стулья —
Копытами так громыхают свиньи,—
И каждый оглянулся, точно гусь
Из стаи, что, охотника слышав,
Взлетает, шумно хлопая крылами;
Зал зазвенел неукротимым смехом,
Зане в измятой шляпке набекрень
Задорная явилась Дэйзи Фрейзер.
Ее бы выкинули прочь немедля,
Когда бы не вмешались Уэнделл Блойд,
Защитник женских прав, и зычный Бурхард.
Она прошла на сцену и швырнула
Под гром оваций серебро и золото
На дело доброе.

Меж тем воздвигся
Огромный, бородатый, словно сын
Алкмены, узкогрудый, толстобрюхий
Джим Браун и загремел, как гром:

— Взгляните

На мужа, ради истины с женой
Поспорившего, — не таков ли дух наш? —
А Э.-Д. Блад хотел меня заставить
Возиться с доном Педро... —

Не позволив
Ему закончить, встал Джефферсон Хауард:
— Не время балагурить! Свято ль дело,
Коль началось оно от гнева Джона
Кабаниса — он нашим был врагом
И перешел к нам только ради мщенья.
Вести бы речь не только о победе
Вирджинцев или новоангличан,
И даже не о роме — да, о роме:
Два года, как у нас сухой закон,
И отчисленья, слава богу, помощь
Канализации и тротуарам!
О, если бы подвигла нас идея
Повыше, чем спасенье чести Джона
Кабаниса и дщери его! Разве
Великое движенье никогда
Не возникало от причин достойных?
Но если человек — раб мелочей
И если ром — надежда и спасенье
От унижения и рабства жизни —
Верните ром! —

Восторженные крики.

Джордж Тримбл робость еле превозмог
И начал речь, как, громко стукнув дверью,
Вбежал юродивый наш, Уилли Меткалф,
Без шапки, запыхавшись, бледный,

с криком:

— Идет шериф, он всех вас заберет!
А завтра кто придет, когда б вы знали,—
Я слушал у окна, где освещалась
Другая сторона.— И в комнатунку
За сценой, чтобы выслушать секреты
И обсудить их вышли: Председатель,
Джефферсон Хауард, Бенджамин Пэнтир
И Уэнделл Блойд, Джордж Тримбл,
Адам Вайраух,
Имэньюэл Эренхардт, Сет Комптон,
Годвин Джеймс
И Инок Данлап, Хайрам Скейтс,
Рой Батлер,
Карл Хэмлин, Роджер Хестон, Эрнест Хайд
И Пенниут, художник, Кинси Кин,
И И.-С. Калбертсон, и Франклин Джонс,
Бенджамин Фрейзер, отпрыск
Дэйзи Фрейзер

От Бенджамина Пэнтира, и проч.
Шериф, явившись, обнаружил в зале
Столь явный беспорядок, что забрал
Буянов и увел их под замок.

Тем временем в подвале церкви Блад
Советовался с лучшими умами.
Там был судья, людей познавший Сомерс,
Элиот Хокинс и редактор Уэдон,
Сам Томас Родс и Гаррисон Стэндард,
Предатель дела либералов, губы
Насмешкой искрививший: «Столько шума
Из-за дрянной обиженной девчонки...»
И Крисчен Доллмен, также и другие,
Кто был не против выпивки, но против
Того, что ей разбуженные силы
Разнуздывали волю, жажду жизни —
И приводили к власти демократов.

Лишь утро снежно-белыми перстами
Подкинуло румяное светило,
Как апельсин на ярмарке, проворно
Враждующие силы побросали
Свои постели спешные и тотчас
Спун-Ривер огласили стук колес,
Катавшихся туда-сюда за каждым
Ленивым избирателем, и кличи
Вождей, руководивших ходом битвы.
Но в десять либералы возопили:
— Мошенничество! — Тут же возле урн
Соперничающие кандидаты
Взревели и схватились в рукопашной.
Юродивого сказки воплотились
В действительность ужасную, зане
Спустился в город свиноокий Аллен,
Гроза холмов окрестных. Кто еще
В наш худосочный век поднять сумел бы
Те валуны, какими он кидался?
Когда он говорил, звенели стекла;
Под копнами бровей нависших глазки
Блестели, как у бешеного вепря.
Он шел, и тротуар скрипел, он шел,
И песнь угрозы крепла. Так пришел он
На помощь Э.-Д. Бладу, призван дать
Острастку либералам, и, как куры
От тени ястреба, они бежали.
Минуя избирательный участок,
Шутливою рукою он коснулся
Гиганта Брауна, и тот свалился,
Как маленький младенец, — так могуч
Был свиноокий Аллен. Все же кто-то
Посмеивался, ибо у Суда
Прогуливался сам Бенгальский Майк —
Его туда для встречи с свинооким
Доставил хитроумный Кинси Кин.

Майк был под мышку Аллену, зато он
Гордился сталью рук и сердцем тигра:
Двоих убил он, многих изувечил
И не страшился никого.

Наткнувшись

На Майка, свиноокий почернел,
Над глазками щетина стала дыбом
От ярости, и песнь угрозы стихла.
Перед Судом он стал ходить по кругу,
Бенгальский Майк, глумясь, пошел за ним:
— Эй, свинский слон! Эй, свиноокий заяц!
Мразь, мускулов нажрал, а драться

трусись?

Ну, повернись, ну, стукни, если можешь!
Вынь пушку, оглоушь меня дубиной,
Чтоб было хоть за что тебе, скотине,
По черепу впечатать кирпичом! —
Но свиноокий молча целый день
Водил перед Судом орду мальчишек
И привлекал внимание зевак.
Когда же над холмами Аполлон
Замедлил бег, желая зреть исход
Борьбы, и люди отголосовали,
И урны опечатали, — в дверях
Аптеки Трейнора Бенгальский Майк
На целый город проревел срамное:
— Эй, свиноокий, кто твоя мамаша? —
Как вебрь набрасывается на пса,
Который августовским днем в чащобе
Клыком его язвил, так свиноокий
Ручищами схватил за глотку Майка.
Мальчишки завопили, а зеваки
Рассеялись. Бенгальский Майк вертелся,
Стараясь шею как бы сократить,
Набычиться и хватку разорвать;
В гортанной злобе иссякали силы,

Напрасные стучали кулаки
В неуязвимую грудную клетку.
Когда их стали разнимать, борьба
Распространилась на десятки храбрых,
Отведавших дубья и кирпичей.

О муза, отвечай, кем из богов
Или богинь спасен Бенгальский Майк?
Усилием последним он сорвал
Смертоубийственные руки с горла.
Удар — и, словно молнией задетый,
Лишился мощи свиноокий Аллен,
Упали руки, помертвели щеки,
Пот выступил на лбу, и задрожали
Колени под огромным грузом тела.
Как лев, скакнул вперед Бенгальский Майк
И камнем сокрушил висок врага,
И тот поник, и пред его очами
Тьма поплыла, как туча.

Дровосек

Так валит летним днем огромный дуб,
Кричат певцы лесные, плачет ястреб,
Птенцов своих вскормивший на макушке,
Но ветви прорываются сквозь ветви
Дубов соседних, устремляясь вниз;
Так свиноокий пал под причитанья
Единомышленников Э.-Д. Блада.

И тут четыре здоровенных мужа
В аптеку Трейнора внесли шерифа,
На чье лицо железное ложился
Багровый полог смерти, ибо в сердце
Ему отправил пулю Джек Макгуайр.
И люди закричали: — Линчевать! —
И грохот ног, со всех сторон бегущих,
Заполнил

ЭПИЛОГ

Кладбище в Спун-Ривере. Впереди экран, украшенный дьявольскими и ангельскими фигурами в разнообразных аллегорических сочетаниях. Сквозь него, как сквозь густую листву, пробивается рассеянный свет. Из-за него слышны два голоса.

- Первый голос: — Партию в шахматы?
Второй голос: — Это могу я.
Первый голос: — Первый ход Волей.
Второй голос: — Играешь вслепую?
Первый голос: — Пойду Душой.
Второй голос: — С Волей вдвоем.
Первый голос: — С вечным Добром!
Второй голос: — Или вечным Злом.
Первый голос: — Шах королю!
Второй голос: — Не спеши, задохнешься.
Первый голос: — Я иду Жизнью.
Второй голос: — На Смерти споткнешься.
Первый голос: — Вот Моисей!
Второй голос: — А вот иудей.
Первый голос: — Мой ход Христос.
Второй голос: — Павел верней!
Первый голос: — Петр зато...
Второй голос: — Он всему причина.
Первый голос: — Как, мне шах?
Второй голос: — Да, от Константина!
Первый голос: — Назад в Афины!
Второй голос: — Вот тебе Персия.
Первый голос: — Вот тебе Библия!
Второй голос: — Которая версия?

- Первый голос: — Я беру Будду.
Второй голос: — Пустая штука!
Первый голос: — Хожу Магометом.
Второй голос: — Выставлю турка!
Первый голос: — Какая-то путаница в ходах.
Второй голос: — Ты снова зевнул. Объявляю шах. И даже если я не побегу тебя,
Приятно знать, что я извожу тебя.
- Первый голос: — Устал. Мой Сын за меня доиграет.
Он, конечно, тебя разобьет...
Второй голос: — Кто знает?
Первый голос: — Мне к звездам надо на заседание.
Второй голос: — Хозяин, ты обратил бы внимание,
Что я к игре приложу все старания.
- Первый голос: — Игра твоя вздор! Я в поисках Истины.
Второй голос: — Поди, потягайся с такими речистыми.
А ведь проигрывал мне войну.
Что ж, доску мигом я переверну
И в царстве шахматного катаклизма
Провозглашу день атеизма!

(Грохот падающего столика и рассыпающихся по полу шахматных фигур. Экран исчезает, вперед выступает Вельзевул, наигрывающий на трубе. Тут же из ночных теней появляются Локи и Йогариндра.)

- Вельзевул: — Здравствуй, Локи!
- Локи: — Здравствуй, сосед!
- Вельзевул: — Привет, Йогариндра!
- Йогариндра: — Тебе привет!
- Локи: — Откуда, приятель?
- Вельзевул: — Из-за экрана.
- Йогариндра: — Что делал?
- Вельзевул: — Все развлекал тирана.
- Локи: — Чем?
- Вельзевул: — Да в шахматы крепко его
Прижал, чуть не выиграл.
- Локи: — Ничего!
- Йогариндра: — Я, кажется, слышала звуки
боя.
- Вельзевул: — Еще б! Я покончил
с дурацкой игрою
И сошвырнул деревяшки долой;
Грохоту было — что тебе бой!
- Йогариндра: — А давайте-ка сделаем
человека!
- Локи: — Моя сеть ожидает его от века.
- Йогариндра: — Мое зеркало будет дурачить
его.
- Вельзевул: — Как сказки, вера, обман,
волшебство.
- Локи: — Ты один из нас можешь
слепить его формы.
- Вельзевул: — Чего же мешкали до сих пор
мы?
- Йогариндра: — За работу, пока не зашла
звезда.
- Вельзевул: — Рукава засучены. Глину
сюда!

(Начинает что-то лепить из земли.)

- Вельзевул: — Из всякой всячины,

Скрывал волосами.
Дай подбодрю тебя...

(Разламывает череп и смешивает его с глиной.)

Вельзевул: — В моих руках
Известка, прах.
Я тебя
Создаю снова.

Эхо: — Снова? Снова?

(Вельзевул вылепил несколько человеческих фигур и приставил их к деревьям.)

Локи: — Насколько помню, так оно и
нужно —
Сначала вылепить, потом
расставить,
Потом вдохнуть в них жизнь.

Вельзевул: — Родится воля
Из тяготенья.

Йогариндра: — Родится горе
Из ощущения.
От этого зеркала
Его радость померкла.
Но кто создает
Человека рабом
Колдуньи, мошенника и злодея,
Который знает его идеи
Все наперед, наперечет?
А он не ладит сам с собой,
Разорван меж волею и умом,
Как будто зрячий, а точно
слепой.

Пусть пляшет с нами, ежели зло
Его в наше общество завлекло.

(Все берутся за руки и ведут хоровод.)

Локи: — Страсть, рассудок, закон,
безответственность,

Сила духа, дурная
наследственность,
Вера в церкви, традиция в
школе,
Слабая плоть, не подвластная
воле,
Бедность, богатство, тщеславие
предками,
Жирный смех со слезами
едкими —
Все повторяется. Люди, впредь
Все пожалуйте в эту сеть.

Йогариндра: — Взгляните-ка в зеркало! Что
за искусство:
Вот ваши мысли, вот ваши
чувства.
Вот сверкает сокровище ваше,
А это вино в праздничной чаше.
Вот лилии, превращенные
в плети,
Отжившие губы и ноздри эти
Давно не дышат.

Вельзевул: — Дыханье лжет,
Ибо к смерти оно ведет,
Из праха к смерти и из
гранита —
Гнусно, забавно
и ядовито!
Плоть пресмыкается, дух парит,
Наживка висит, и капкан
открыт.
Мори его голодом, мани
к абсолютности,
К радужным обольщениям
Юности.
Потом посрами его, сбрось сюда,

Вы пока уйдите.

(Фигуры исчезают.)

Йогариндра: — Да-да, сыграем
пьесу. Погодите,
Кто будет публикой?
Я обеспечу
Иллюзию реальности
на сцене.

Локи: — А я покрепче
закручу сюжет
И двигать, декорации
готов.

Вельзевул: — Да будет так!
А публика придет
Из тех могил.

(Дует в трубу погромче. Декорация меняется. Ряды могил. Опущенный занавес скрыл только что сотворенные фигуры. Перед занавесом стоит Вельзевул в призрачном свете.)

Вельзевул *(оглушительно трубит в трубу)*:
— Туру-ру-ру-ру!

(Слышен шорох, как от сухой листвы под ветром; на призыв трубы спешат сотни мертвецов, включая тех, что появлялись в нашей антологии.)

Голос: — Гавриил! Гавриил!

Голоса: — Сегодня Страшный суд!

Вельзевул: — Спокойно, люди,
Пока что светят солнце и луна.

Голоса: — Спаси, спаси нас!

(Вельзевул жестом как бы благословляет публику и устанавливает порядок.)

Вельзевул: — Дамы и господа, прошу
вниманья.

Все хвори и невзгоды перемог.
Все под землей я знаю без изъятья,
Где почва хороша и где плоха,
Я вижу камни, пахаря проклятье,
И злые корни, так сказать, греха.
Я знаю, что проклянутся на волю
Чертополох, сосна или миндаль.
Но человек есть человек, не боле,
И в этом вся бесовская мораль.
И таковы герои нашей драмы,
Все вышли из семян и из земли.
Открыто в свете адской

циклорамы

До чёртиков каких они дошли.
А чтобы вы уверенней постигли
Все, что для вас в запасе у меня,
Я чудо сотворю вот в этом тигле
При помощи живящего огня.

(Взмахивает волшебной палочкой.)

Я душу изготовлю перед вами.

(Снова взмахивает палочкой. Появляются разноцветные огоньки.)

Вот это женщина вам шлет привет.

(Появляется красное пламя.)

А это лихорадочное пламя
Войною устрашало целый свет.
Злодей родил премиленькую

штучку —

Она разврат таила, как могла,
Произвела ему лихую внучку
И в сорок от чахотки умерла.

(Появляется багровое пламя.)

Ого! Французских сюзеренов
замки,
Былая слава и былой разгул.

(Появляется синеватое пламя.)

А это ненависть к постылой лямке,
Которую всю жизнь отец тянул.
Душа его застыла от несчастий,
Он горя дочери не замечал —
Отсюда и ее влеченье к власти,
Какую дарит блещущий металл.
То сердце, что не знало от

рожденья
Любви, сокровищ ищет поглубей.
Так неба не достигшие стремленья
Сплетают джунгли низменных
страстей.

А героиня наша — галльской
крови!

Пылка, надменна, страха лишена,
Коварна, зла, бессовестна в основе,
Изъявлена, но не побеждена!
Она уже с героем изощренным,
Любовь их наподобие войны —
Что ж, сочеталась Борджиа с

Нероном
По тонкому намеку Сатаны!
Увы, не все мое в саду Вселенной,
Я только сею плевелы. Ах, тут,
Не будь колосья неприкосновенны,
И плевелы под солнцем не взойдут.
Да где ж герой наш? До его

рожденья
Я знал, чем будет жизнь его жива.
Подобные духовные прозренья

Не затруднительней, чем дважды
два.

(Появляется желтое пламя.)

Вот пращура в Эдеме злодеянье
По отношению к деве, слитой с
ним.

(Появляется зловещее пламя.)

А вот от вечной муки прозябанья
Ребенок ненавистью одержим.
Кузина Евы — героине бабка,
О чем и мать забыла и отец.
Она ж, мужчин сменивши два

десятка,

За джентльмена вышла наконец.
Герой имел двоякую натуру,
Был как бы полуплох-полухорош.
Тут дьявол выдай всю

номенклатуру,

А точного словца не подберешь.
Когда же наш герой и героиня
Друг друга увидали, в тот же миг,
При явном отвращении, меж ними
Ток страстного влечения возник.
В крови солдата заструился вирус,
Эдема призрак, тайное родство;
В сознание тотчас же вокруг них
вырос

Рой ухажеров матери его.

Любовь, женитьба — это все

знакомо.

Тут мой рассказ становится

мрачней.

Он — нежный муж. Когда его нет
дома,

Третий голос: — Сон, снившийся дважды,
В ужасном сплетенье
Земных оболщений.

Далекий голос: — Это лишь тени
Иных селений.
Мы можем только
Следить за ними.
А то, что скрыто
В вас — вы сами.
Во тьме, в пустыне,
В болотной низине
Будьте огнями!
Стремитесь к небу!
В моем храме
Лишь Жизнь и Пламя.

(Вельзевул, Локи и Йогариндра исчезают. Фантастическая картина меркнет. На местах, где собирались мертвые, видны груды опавших листьев. Занимается рассвет. Раздаются голоса Весны.)

Первый голос: — Зима удалилась, настала
весна,
Воспрянул весь мир,
пробудясь от сна.
Солнце вернулось,
Бури прошли,
Солнце ласкает
Лицо земли.
Солнце — орел,
Земля — птенец.
Ей жизнь и пламя
Дарует творец,
Чтобы цвели
Под его лучами
Пламя — жизнь
И жизнь — пламя.

Второй голос: — Дразню твое зреньё —
Скольжу, исчезаю,
Ныряю, взлетаю,
Меняюсь, порхаю.
Я здесь и не здесь,
Я твой и не твой,
Я добрая весть —
Ах, я под землей!

Третий голос: Ах, ты под землей?
О кто бы помог
Тебя отыскать...

Второй голос: Дитя, я твой Бог.

Четвертый голос:
— Пробуждаются воды, вскипают
в снежных полях под холмом,
Они спали в кристаллах, пока здесь
царили холод и мгла.
Ветерки апреля сквозят в ветвях и твердят
о том,
Что пора проснуться в почве корням,
ибо Весна пришла.

Ликует Солнце, в умиротворенье Луна,
и все бытие
Взывает к цветам, еще спящим среди
серебристых теней.
И томленье, томленье входит в печальное
сердце мое,
Ему весело видеть сверканье ее очей
и сиянье кудрей.

Вечером я часами брожу по петливой
тропе над рекой
И впиваю сумерки, ибо счастьем душа
до предела полна.

Куда ты ведешь меня, дикая, где мне
сулишь покой?
Там, за холмом, за холмом в луговинах
сна.

С о л н ц е: — Сквозь беззвучные глубины
пространства, за сто миллионов миль
Рвется дух мой, с пламенной арфы
слетевший беззвучный гром.
Пред моими глазами кружатся галактики,
звездная пыль,
Я само — пылинка, зажженная
страстным всемирным огнем.

Что за Вселенная мне подвластна, если
некая сила меня
Держит в руках и бесконечной дорогой
гонит вперед?
Дети мои называют меня подателем
жизни и дня,
Я же само, как дитя, о жизни молю и не
знаю, что меня ждет.

Миллион миллионов солнц надо мной, как
если бы полог ночной
Был наброшен на пламя творенья, но
пропустил лучи
Этих солнц с их мирами, мирами, мирами
и вечной тоской
И полетом к свету, как у мотылька
к огоньку свечи.

М л е ч н ы й П у т ь: — Жизнь здесь вечная,
Пути бесконечные,
Мощь бескрайняя.

Г о л о с:

— Хорош или плох,
Будь сам себе Бог.
Умей беречь
Не мир, но меч.
Всем сердцем ввысь
Всегда стремись.
Не сон, но борьба —
Твоя судьба.

Бескрайние глубины:

— Бескрайняя Мудрость,
Бескрайняя Жизнь.

НОВЫЙ
СПУН-РИВЕР

Трагедия, как ее сочиняли в древности, всегда почиталась серьезнейшим, нравственнейшим и полезнейшим родом поэзии: потому-то Аристотель и утверждал, что она имеет власть...очищать ум от многообразных страстей. Равно и Природа не преминула подтвердить справедливость этого положения: так в медицине желчь изгоняется желчью, горечь горьким, соль удаляет соленый гумор.

Мильтон

Ирония, к которой я прибегаю,— не жестокая богиня. Она не глумится ни над любовью, ни над красотой.

Анатоль Франс

ДОЛИНА БЕЗМОЛВИЯ

Где стремление к счастью,
И где доверье к друзьям,
И где ласки любви,
Где несбыточные покой и довольство,
И где страдания, имя которым жизнь,
И непрекращавшаяся борьба,

И смех, превратившийся в слезы,
И слезы, которые осушила смерть? —
Все, все исчезло в Долине Безмолвия
За Холмом!

Их счастье росло в каменистой почве,
И корни его пересохли.
Их вера была, как вода,
И в нее упала звезда полынь.
Любовь их разбилась, точно кувшин,
Нищий сжимал ее, как пустую чашку,
Пока не отнялись его руки.
Покой пришел и ушел, словно лето.
И борьба людей, и веселье переходили
От молчанья к звукам и снова к молчанью:
Голоса ночи рыдают и не рыдают.
Все, все исчезло и унесено
В Долину Безмолвия
За Холмом!

И нет ни победы, ни поражения;
Ни доверия, ни обмана;
Нет дара любить;
Нет ни отверженного,
Ни того, кому рады все.
Ничего здесь больше не ищут,
Ни к чему не стремятся;
Здесь не страдают, не исцеляются,
Не замышляют, не строят,
Не женятся, не рожают в муках,
Не убивают, не охотятся, не вожделеют,
Не завидуют, не жаждут чужого;
Здесь не гадают, есть или поститься,
Отрицать или утверждать,
Действовать или бездействовать,
Удержаться или рискнуть;

Действовать без оглядки
Или с мыслью о выгоде;
Или отстаивать тайную истину духа.
Все сложили земные заботы
У подножья Холма,
За которым Долина Безмолвия!

* * *

Где чистые сердцем,
Дарители радости,
Чьи глаза огуманивало сочувствие,
В чьих глазах искрилась истина,
Чьи руки касаньем дарили жизнь,
Чьи уста не скупались на поцелуи
И не изрыгали зла?
Где влюбленные, мечтатели, певцы,
Знавшие тайны священных садов
И открывшие их в бессмертных словах?
Как белокрылые орлы,
Взлетали они с моря к небу,
Волны морские превращались в орлов
И таяли в свете небесном.
И все, все исчезли в Долине Безмолвия
За Холмом!

Где Бездна, которой судьба сомкнуться?
Где Ключи Смерти, что будут сломаны?
Где Ковчег Завета
И Чаша с молитвами всех святых,
И море стекла, сплавленного с огнем?
Где поиски праведности,
И видения чистых потоков,
И город, которому солнца не нужно,
И вечная жизнь?

Внимайте! Ибо надежда с нами.
В городке возле Холма,
Граничащего с Долиной Безмолвия.

КАПИТАН РОБИНСОН

Если сыгранная неведомым скрипачом
Мелодия «Спун-Ривер», которую я слышал
В юности, по вечерам, в пятьдесят седьмом,
У двери дома на берегу речушки, —
Если она в гениальных руках Перси Грейнджера
Стала симфонией, извлекаемой палочкой
Великого дирижера из скрипок, альтов,
Флейт, духовой меди, арфовых переборов,
Грохота барабана и грома органных труб, —
Неужели ж моя мечта шестидесятых
Не процветет песнью, великой Республикой?
Так что дым очага, запах меда и хлеба,
Дни трудов, вечера соседских бесед
И ночи крепкого сна под мирными звездами,
И мужество, пение нервов, высокая вера
В свободу жить достойною жизнью всем людям,
И вся радость и сладость, струившиеся со скрипки,
Станут симфонией, мощной и звучной, как море.

МАРКС, ВЫВЕСОЧНЫЙ ЖИВОПИСЕЦ

Когда чудовищный мозг Чикаго
Объял своей мыслью Спун-Ривер,
Я расписывал вывески, объявлявшие,
Что именно управляет Америкой:
«Голосуйте за Патрика Келли и против налогов»;
«Я для мужчин, они курят эту сигару»;
«Нынешнее поколение не увидит смерти,

Внимайте пастору Валентайну»;
«Ешьте ЗДОРОВЬЕ и будьте здоровы»;
«Жуйте резинку Флосса и сохраните зубы»;
«Полные похороны за двадцать пять долларов»;
«Страхуйте свою жизнь»;
«Три процента на ваш капитал»;
«Зайдите в наш автомат».
И если есть данные
О более развитой цивилизации —
Покажите ее вывески.

МАКДАУЭЛЛ ЯНГ

То ли потому, что шестнадцатисвечовая
Лампочка Спун-Ривера подключилась
К чикагскому Фаросу
И консервную фабрику стал контролировать
трест;

То ли потому, что сорняки всех народов
Произрастали в сени американского цветка
И неожиданно вырвались на простор,—
Порой, просматривая свои снимки,
Я замечал, как менялись фамилии в городе:
Вместо Черчилля, Спирса и Ратледжа —
Появлялись Шенвальд и Стефаник,
Берковиц и Гарнаделло,
Рубель, Свайр и Лукашевский,
Дестинн, Гайслер и Де Розе.
И, падая духом, я говорил себе:
— Прощай, старушка республика!

ЭДИТ БЕЛЛ

Мисс Миддлтон держала дверь приоткрытой,
Чтобы слышать тайны идущих мимо.
А миссис Кесслер, прачка, читала

Надписи на подушечках и салфетках.
Но я с наушниками на голове
В задней комнатке над аптекой Трейнора,
Соединяя и разъединяя звонящих,
Узнала все тайны Спун-Ривера:
Кто счастлив и кто несчастен;
Кто любит, а кто разлюбил;
Кто женится, кто ожидает ребенка;
Кто встречается с кем в Чикаго;
Кто добрый, кто злой;
Кто друг и кто враг;
Кто хитрит, скрывается, лжет,
Делает деньги или вылетает в трубу.
Я заявляю вам, телефон
Отменил заповедь: не судите!

ТОМАС ДЕГГЕС

Мы с помощником долгие годы орудовали
Лопатами, и я сам открывал ворота.
А с улицы люди боялись войти,
Самые нищие, самые бездомные,
Больные, сломленные, изверившиеся —
Люди боялись войти в мирную эту обитель.
У ворот ныне контора,
Шумная от машинисток, стенографисток,
Арифмометров, гула диктовки,
Захлопывающихся томов и шкафов
И стальных сейфов;
Обеденный перерыв, конец перерыва,
Но, как прежде, люди боятся войти
В мирную эту обитель.
Но если прежде всем заправляла лопата,
То теперь картотека и «ремингтон».

БРУНО БИН

С появлением автомобиля
Я перестроил конюшню в гараж
И иногда подрабатывал как шофер.
Но в играх людей перемен я не видел,
Быстротой колес ничего они не добились:
Полицейский верхом гнался за кабриолетом;
Теперь мотоцикл гонится за машиной;
Вы торóпитесь скрыться, торопятся и другие;
Прокол в баллоне — тот же задохшийся конь;
А вместо сена, овса и стойла —
Резина, бензин, масло и навесной замок;
И ежели нет кнута, чтоб придать коню
Второе дыхание, есть скорости и тормоза,
И в далеко отступившую за город рощу
Попадаешь в машине за то же время!
Но если прежде всем заправляла лопата,
То теперь картотека и «ремингтон»!

УИЛЛИС БЕГГС

Друзья Спун-Ривера,
Достиг я вершины успеха?
Бережливость, труд, смелость, честность,
Направленные на расширение консервной
фабрики, —
Преобразились ли во что-то иное,
Нежели бережливость, труд, смелость, честность
По отношению к консервной фабрике?
Являются ли механизмы цивилизации
Самой цивилизацией?
Или они лишь орудья, и ими возводят фабрики
Или Парфеноны?
Друзья Спун-Ривера, я построил себе тюрьму,

Поставил стены между собой и полнотой жизни,
Между собой и счастьем,
И знал лишь счастье трудиться.
И все время я видел в окно,
Как погибает Америка, стремясь к жизни,
Которой нельзя добиться
Бережливостью, трудом, смелостью
Во имя консервной фабрики!

ЭЗРА ФИНК

Я старался быть, как некогда Элиот Хокинс,
Из батраков выбился в учителя,
Стал адвокатом, потом занялся политикой,
Знаю полезных людей,
И в церкви заметен...
(Вспомните мою речь о паденье Афин
Из-за безнравственной нехристианской жизни.)
Наконец, был избран судьей в городской суд.
Затем стал партнером чикагского адвоката,
Боролся против восьмичасового рабочего дня,
Объединял промышленников.
Всегда деловит — дальше, дальше и вверх, вверх.
Умерен, верен жене — и никаких глупостей!
Наконец, назначен председателем треста.
Теперь я хозяин десятков тысяч рабочих
И сотен миллионов долларов.
Купил консервную фабрику в Спун-Ривере;
Построил церковь в Спун-Ривере;
Я попечитель библиотеки в Спун-Ривере,
Наблюдаю за выбором книг для библиотеки.
Построил себе гробницу в Спун-Ривере,
На которой велел начертать слова:
«Блаженны мертвые, умирающие в Господе».

ГЕНРИ БРЕКЕНРИДЖ

Как письмоводитель судьи Арнетта
Я регулярно вносил записи в тот реестр,
Который пробил ему голову и убил,
Ибо был сброшен с полки взрывной волной,
Когда на консервной фабрике бак с бензином
Вспыхнул и опалил «Громилу» Уэлди.
Перемены настали в жизни Спун-Ривера:
Вместо былых судов теперь учрежден
Городской суд, и я в нем снова письмоводитель.
И вместо судьи, толстого и добродушного,
Выбранного горсткой своих из своих же,
Мы имеем судейских в черных шелковых мантиях,
А ими издалека командует Эзра Финк.
И вместо речей, веселья и остроумья
И присяжных, которые то кричат, то хохочут
(Красноречье тогда считалось великим даром),
Тяжущиеся теперь входят, как свиньи на бойню,
И вылетают с суда копчеными окороками;
Присяжные с лицами каменными, как у индейцев,
Подпишут любой вердикт по приказу суда.
И если б ученый судья вдруг лишился места
Или удар реестра бы вывел его из строя,
Это случилось бы от дыхания Эзры Финка,
Шепнувшего слово из своего Нью-Йорка
По радио!

МАЙКЛ ГАЛЛАХЕР

Сходит ли имя мое с уст
Редактора Уэдона, сторонника сухого закона,
Редактора Вуда, игрушки в руках бизнеса,
Редактора Линдблума, скользкого труса:
Кто привечает воров и бездельников

Чей ресторанчик ограбили, кто заподозрен;
Кого осудили, кого линчевали;
Кого приговорили к повешенью;
Какого чиновника или губернатора
Обвиняют во взятках, подкупе или растрате.
Кто развелся, какую пару застигли...
(Было же в них хоть что-то чистое, честное —
К чему пропечатывать их фотографии?)
Сообщенья о ненависти, погоне, борьбе,
Краже, обмане, похоти, порче,
И кто был убит, и кого повесили.
Скажите мне, если жизнь полна красоты,
Полна творчества и благородства,
Почему об этом не пишут?

ДЖЕРЕМИ ХАУЭЛЛ

В былом Спун-Ривере мы с коней
Стреляли уток возле реки;
Теперешние по горам, по долам
Гоняются за мешком с анисом.
Мы ходили пешком, мы любили работать,
Ныне же загородный клуб
И не скачки, а пони для поло и гольф.
Здесь были простые радости: чтение
Старых книг, и вечерние толки,
И катание за город на коляске.
Теперь у нас журналы, кино.
И машин не меньше, чем мух летом.
За детьми присматривала девчонка,
А сейчас гувернантка! Чтобы мадам
Лишний раз пропечатали в «Дейли Леджере»
Как главу театральной комиссии!
Свинья в шелках, с миллионом долларов —
Зачем голубая лента премии

Рылу, разъевшемуся в клубе?
Гусей закармливают для паштета.
И не по воле ль богов глаза
Народа выпучиваются от жира
Накануне закланья и Пира Судьбы?

ВОДОПРОВОДЧИК ИББЕТСОН

Мне не дали живописать холмы и долины
Вокруг Спун-Ривера:
Искусство они ненавидели и поклонялись труду;
Красоту они ненавидели и превозносили пользу;
Они никогда бы не помогли несчастному,
Зато всегда травили счастливого.
Я был близок к тому, чтобы сдохнуть с голоду.
И я взялся за труд очистить Спун-Ривер
От его смертоносной грязи
С помощью труб, коллекторов и фарфоровых ванн
И спасительного водопровода.
Но какой водопроводчик, о Спун-Ривер,
Очистит тебя от скверны невежества,
Жестокости и корысти, которая
Золотит твои гнойники,
В то время как проповедник блюет моралью?
И кто промочит коллекторы ненависти,
Которой ты болен, Спун-Ривер?

ЛУЛУ КЕЙ

Я записала очень понятно:
Расшифрует любая стенографистка.
Вот что было: бизнес потребовал
Дом и участок Дэйзи Фрейзер,
И Дэйзи Фрейзер пришлось уехать.

А зачем еще где-то селиться? Послушайте:
Равноправье мужчин и женщин
И их отношения друг к другу
Сделали Дэйзи ненужным лицом
В изменившейся жизни Спун-Ривера!

ГОВАРД ЛЭМСОН

Лед не дрожит от холода,
Камни не усыхают от жара.
Зажмуренные глаза не льют слез;
Зажатые уши не слышат дурного;
Заболоченные сердца не знают боли;
Онемевшие языки молчат об утратах;
Одеревеневшие руки бездействуют;
Ни жалобы из бездыханной груди.
Закрытым глазам не видать, как вянет юность;
Зажатым ушам не слышать, как стонет горе;
Сложенным рукам не нужна работа;
Немым языкам сказать нечего.
Кружащаяся земля кружится, кружится,
Вместе с деревьями, горами и реками —
Мне снится то же, что снится Холму!

ОЛАФ ЛИНДБЛУМ

Вот я, редактор нового Спун-Ривера,
Мой отец приехал в Америку
Ради свободы и равных возможностей —
Я обдумываю каждый свой шаг.
Понятыми всем популистскими лозунгами
Я поднял тираж газеты
И по причине возросшего тиража
Взвинтил тариф на рекламу.

Защищал двусмысленные законы,
Вроде справедливого налогообложения, —
А сам уклонялся от уплаты налогов.
Боролся с преступностью и преступниками,
А сам подворовывал землю,
И искажал историю, и торговал лживыми
новостями

Из-за монополии на телеграф.
Свободу печати — лишь мне и таким, как я.
Я вождь объединенных капиталов,
Враг объединенных рабочих,
Обрекаю их на тюрьму и гибель.
Защитник двуличных законов.
Враг азартных игр и салунов,
Но друг личного погребка и дальней комнаты банка.
Неизвестный и неуловимый,
Ненасытно жадный до денег,
Христианин и джентльмен,
Редактор новой эпохи!

МЭР МАРСТОН

До меня каждого мэра, насколько можно упомнить,
Поносили как мечтателя и демагога
Или как вора и проходимца —
И все же я вступил в должность с надеждой
Облагодать ее, отблагодарить избирателей,
Не давать рвачам преступать законы.
Когда по старинке «Леджер» собрался продать
Свою землю под парк, я наложил запрет.
Я отогнал от кормушки самых гнусных свиней.
И что получилось? Волна злодеяний
Захлестнула — по крайней мере, полосы
«Леджера»!
Везде ограбленья, азартные игры, бутлегерство,

Гнезда порока!
Пошли разговоры в церквах,
Суды тоже подняли голос против меня.
Очернили мое имя и имя города —
Убили меня, чтоб никто не мешал.
Друзья мои, эту мерзкую уголовщину
Смеют звать демократией!

ДЖОРДЖ МЕСТЕРМЕН

Прохожий! Потом в Спун-Ривере провели
электричество,
И никто не был против.
Но когда я развесил на улицах керосиновые
фонари,
Вы набросились на меня,
Заявляя, что это вмешательство в божественный
промысел,
Согласно которому ночью должно быть темно;
Что из-за освещения улиц люди будут
Приходить домой поздно
И процветут ревматизм и безнравственность;
Что жулики осмелеют,
А лошади испугаются.
Во всем-то вы ошибались,
Но вам не дано поумнеть.
Своими словами о божественном промысле,
Своими словами о чистоте нравов
Вы до сих пор мешаете
Освещенью улиц мысли и жизни!

ОТЕЦ ДЖОН ОНСТОТТ

Разве он не сказал: «Вот я с вами, во все дни
До скончания века?»
Разве он не сказал: «Я пошлю вам Утёшителя?»

Разве не исполнились его обещания?
Что вы скажете о страстях Спинозы,
Если они не от его духа?
И разве не он вдохновлял
Творчество Рафаэля?
Что вы скажете о храмах
Святого Марка и Мадлен,
Святого Петра и Миланском?
Разве они не в честь него
И не проявления его сущности?
Что вы скажете о Бетховене, Генделе, Бахе,
И о затмевающей звезды поэме Данте,
И о Шекспировой нежности, проницающей
жесткую простоту,
О картинах и строгих строках Эхила?
Что вы скажете о Вольтере,
Бичевавшем зло, которое он бичевал?
И о Лютере, начавшем новую эру во имя его?
И обо мне, убогом вестнике его мощи,
Здесь, в глуши, приоткрывающем его тайны?
Обо мне, проповедующем, что когда
От силы его пламени все тела, вещества, эпохи,
Состояния жизни, системы и области деятельности
Века сего и грядущих веков истощатся,
Станут ничтожными, хрупкими, станут прахом —
Некая эволюция его духа снова возвысит жизнь?

РОДА ПИТКИН

Сет Комптон умер, и лишь потому
Мы изгнали Вольнея, Геккеля, Дарвина;
Карнеги подарил нам здание,
А Эзра Финк подарил нам книги!
А в школе ведь я обучала Эзру,
Помогла ему стать тем, чем он стал.

Как гордилась я званьем библиотекаря!
А Эзра своей заботой и властью
Назначил закупочную комиссию.
Верой, историей и беллетристической
Мы стали воспитывать из детей
Друзей закона и патриотов.
Мужчин, настоящих американцев!
Чем кормишь людей, тем они становятся:
Мясо для мускулов, дух для мыслей.
Кто знает, какого сорта юноша
Выбьется в президенты Штатов
И будет править ими, храня
Их процветанье и чистоту, —
Прочтя те книги, что Эзра Финк
Одобрил и подарил Спун-Риверу?

ЛУИ РАГУЗЕ

Здесь покоится прах Луи Рагузе,
Адвоката по уголовным делам;
Беспокойный бунтарь,
Выпуклым лбом, полным доводов,
Он бился в оконце спунриверских представлений
о жизни.

Он произносил остроумные речи,
Выпустил море брошюр,
Отразивших смену его воззрений,
От Христа до Пейна и далее к Ницше.
Он называл себя пессимистом,
Но пускался на все ради влиянья и денег.
Бунтарем он был осмотрительным,
Ибо имел много жилищ по соседству с маммоной.
Нравственно был толстокож:
Натер мозоли, считая купюры.
Атеизмом боролся с мыслью о смерти,

Ненавидя ее как выдумку христианского Бога.
Партнеры по закулисным сделкам его обожали:
Совсем, как Христосик, простой, неприбранный,
жалкий.

При этом его сейф переполняли акции.
Он понимал ход мысли уголовного.
Он знал глубину ненависти бедняков,
Но терпеть не мог благотворительность:
Пусть бедные объединяются против богатых.
Он не был ни мерзавцем, ни мучеником,
Скорей — многоопытным Калибаном.
Мечтал о славе, имел известность.
Он перестал жужжать у окошка,
Адвокат по уголовным делам!

ЭМЕРСОН РАШ

Вот он я, после стольких скитаний
Почтивший Спун-Ривер и почитаемый им!
Как я помню те сорок долларов,
Что заработал на сборе смородины, —
И день, когда наконец-то уехал в Нью-Йорк
Издавать журнал.
Я взял с собой больше чем сорок долларов:
Знание, какой народу Америки
Нужен журнал,
И идею, что народ всей Америки —
Это народ Спун-Ривера.
Мой журнал расхватывают миллионы.
И все без помощи Эзры Финка —
К чему она? Мы равные и друзья!
«Паук лапками цепляется,
Но бывает в царских чертогах!»

ДИК СЭППЕР

Власти Спун-Ривера разрешили
Армии спасения и фундаменталистам
Проповедовать ученье Христа на улицах,
И однажды я вышел на площадь с Библией
И воскликнул: «Горе вам, законники,
Строящие гробницы пророкам».
Я был известен как социалист,
И меня посадили за пропаганду
Социализма в общественном месте.
Настала война, и Эзра Финк
Призвал горожан покупать облигации
Военного займа, и все разорились.
Я протестовал против облигаций,
Я протестовал против незаконного
Призыва юношей во имя Христа.
И меня засадили на двадцать лет,
И в тюрьме сломили тело и дух,
И даже в помилованье отказали.
Я бранился и кашлял до той минуты,
Когда кровь моя хлынула горлом.
И некоторые считают это республикой!
Так будьте прокляты вы, некоторые,
И ты, Бог!

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Путник! Скажи спунриверцам, что, во-первых,
Мы лежим здесь, послушные их словам;
И во-вторых, знай мы, чего слова эти стоят,
Мы бы здесь не лежали!

НАСТ УИЛЕНД

У Уэдона над «колонкой редактора»
Обычно стояло подобье девиза:
«Долой салун, да здравствует дом!»
И всю жизнь он не оставлял их в покое
И стравливал дом и салун друг с другом,
И они бранились, почти воевали,
Хотя в душе оставались друзьями.
Когда война между ними кончилась
И гнусный салун был ниспровергнут,
А дом победил — то что получилось?
Дом покори́л себе гнусный салун,
И заставил зализывать себе раны,
И служить себе с чердака до подвала,
В котором домашнее пиво, домашние вина
И самогон из зерна и картошки
подавались так же свободно, как прежде
В шумном трактире Бурхарда!

Е СИН ЛО

И Бо был убит сыном пастора Уайли;
Косичку ему уложили вокруг головы
И зарыли возле «Стаканчика» Генри.
У меня не какая-нибудь прачечная,
У меня «Золотой фазан»,
Где я подаю бифштексы и отбивные.
Я отрезал косичку, и надел их костюм,
И читаю газеты, и читаю журналы,
Не какой-нибудь там китаец-язычник.
Но забыл ли я Город Цветов? О нет!
Ибо трубку раскуривал и мечтал:
И струйки воды у «Оперы Биндла» —
Словно дельфины на крыше храма;

Мусорные урны в аллее —
Будды из бронзы на фоне плюща;
Водонапорная башня — пагода
В Та Лифу, а ветви сирени
Пышным цветеньем заполнили дворики.
Бум! — барабан, динь! — колокольчик:
Армия спасения напоминает
О крови Агнца... Мне же слышались
Гонги и колокольчики Будды
Вдали, где цветок луны над холмами
Желтыми, словно пыльца мотылька,
Под небом белым, как алтари
Или сверкающие потоки
В Долине Благоуханных Ручьев!

РОЛАНД АБОРОВИЧ

Жизнь моя, не была ли ты сном, в котором
Сначала я был непонятен, в конце же слишком
Понятен и видел себя глазами людей,
Которые думали, будто себя я не вижу?
Не из праха ли я возник, чтоб вернуться в прах?
Не старался ли освободиться от косности праха,
Чтобы моя голова, грудь, руки и ноги
Стали плотью и духом, вольные и крылатые?
Но не подняться из праха, не бегать, не танцевать!
Я обречен отчаянно выкарабкиваться
Из праха — на миг он сделался плотью и вновь
Превращается в прах, и руки мои увязают
В земле, с которой тщетно пытались бороться:
Художник в душе, я был душой несвободен,
Неспособен преодолеть злую волю материи,
Не дающей душе воспарить!

ЗОРБО ЦВЕНЕН

Тысяча девятьсот восемнадцатый, второй год
войны!

Я стоял в толпе и глядел на шествие
Пехоты, конницы, и оркестров, и реющих флагов,
И снял шляпу перед знаменем,
И не снял перед флажками на пушках.
Гроув Трамбулл разыгрывал патриота,
Чтобы скрыть, что сочувствует немцам;
Он бросился на меня: — Сними шляпу! —
И ударил!
И вмиг меня линчевали!
Во время войны не нужны законы
Против свободы слова —
Толпа сама с ней покончит!

ЭЛЛА СНУК, НАЧАЛЬНИЦА ПОЧТЫ

Я могла судить о людях в Спун-Ривере
По тому, как они относятся к письмам.
Одни ни за что не заглянут на почту,
Пока я сама не скажу им, что есть письмо.
Им вроде бы безразлично, пишут им или не пишут.
Другие все время заглядывают: нет ли письма;
Обычно письма нет.
Есть два рода людей:
Одни сами живут по себе,
Другие зависят от внешнего мира
И досаждают почте.

ЛАЙЛА ВУД

Когда «Леджер» стал ежедневным,
Мистер Вуд, владелец его и редактор,
Отметил свое шестидесятилетие,

Известив весь мир в «Колонке редактора»
О женитьбе на мне, девятнадцатилетней.
И сначала все было достаточно счастливо,
Все было достойно и мирно,
Но потом я узнала суть житейской игры.
Ибо когда я стала растирать ему поясницу,
И готовить любимые пунши,
И лежать рядом с ним, когда он лежал усталый,
Он шепотом выдал мне тайны своей силы
И тайны своей слабости.
Он говорил, что над всем два монстра —
Рекламодатель и бумажная фабрика;
Может, их было четыре —
Еще телеграф и банк.
И они им почти владели, они им распоряжались.
Что ж, судьба у нас с ним была общая:
Разве он не владел мной?

ЕВРИПИД АЛЕКСОПУЛОС

И у меня было видение:
Дивный юноша с лирой возле аптеки Трейнора.
Люди слушали, проходили, ворчали,
Возвращались и требовали, чтоб он работал
Или убирался из города.
Он стал развозить уголь и продавать газеты,
А вечерами играл на лире.
Соседи бранились: он учит мечтам и безделью.
А он опять заиграл на улицах.
Его ругали, освистывали, похваливали,
А он нуждался в деньгах, нуждался.
И он отложил свою лиру — на музыку
не проживешь!
Когда он взял ее вновь, то увидел, что струны
ослабли.

Он настроил и заиграл — как никогда!
И тут уплыли его последние деньги.
Сгущались тени, молодость уходила.
Подрастали дети и требовали расходов,
Так что же, играть на лире или работать?
Все говорили: работать, ради детей.
Их надо кормить и обучать,
А лира — кому эта лира нужна?
И его убедили работать, тяжело работать.
У него отросла седая длинная борода,
Он сгорбился, а глаза ввалились,
И пальцы стали толстыми, грубыми.
Теперь он не мог ни играть, ни работать.
Он сидел на скамейке в парке;
Внезапно на нем лохмотья растаяли,
Как тучки на солнце,
И он встал на церковный шпиль
И плюнул на город —
Он был Аполлон!

ЧОКЛИ КАМЕРОН

Если Декларация Независимости —
Это душа конституции,
Почему никогда не заставишь суд
Поверить законы и постановления
Неотъемлемым правом на поиски счастья?
Молодой адвокат, на первом своем процессе
Я оспорил право властей Спун-Ривера
Запретить балет.
Ибо это противоречит конституционному
Праву на поиски счастья.
И что же? Суд надо мной посмеялся,
А толпа меня освистала.

На моей стороне был лишь мой клиент
И несколько балерин.
И я сгорел со стыда.

ЭРАСТУС УИЛСОН

На рассвете
Нашему негритянскому полку приказали:
в атаку!

Я не испугался, я растерялся.
Я выпрыгнул из окопа и побежал,
Думая только о том, что пуля
Попадет прямо в сердце или еще куда;
И будет ли миг осознать это
И помолиться или еще что-нибудь.
Удар! Моя грудь превратилась в камень...
— Доброе утро, Господи!

ОСИЯ ЧЕЙМБЕРС

Живущие, не сомневайтесь,
Что каждая ложь в ваших словах и делах,
Даже самая мелкая, —
Как перекошенная доска или кирпич
В доме вашего существования;
И что каждая ложь в ваших словах и делах
Порождает новую ложь, продолжая старую
ложь,
Так что ваш покосившийся дом будет виден
В сером небе,
В безлунную полночь,
Даже когда Полярной звезды не видно!

МИССИС ГАРД УЭЙФУЛ

Моя бабушка смотрела за домом и садом,
И при этом сама ткала и стряпала
И вырастила десятерых.
За маминим домом смотрели слуги,
Она воспитала нас троих.
Я умею руководить клубом,
Проводить выборы приемной комиссии
И произносить речи на завтраке
В честь именитого гостя.
А вот моя дочь Мэрилин,
Ей десять лет, о ней пишут газеты,
Она должна стать знаменитой артисткой —
Не забудь об этом, новый Спун-Ривер!

ДИАМАНДИ ВИКТОРИА

Предки приехали в США,
Чтобы жить в стране свободы.
Я сам вырос в США,
В разросшемся Спун-Ривере,
И знаю, что главное — деньги, деньги,
И не свобода, а ловкость речей...
Меня выбрали казначеем округа,
И я отхватил солидный куш.
Можно обманывать всех какое-то время —
Разве этого мало?

МЭРИ ХОУ

Друзья! Место, где я лежу,
Выбрал отец Джуда Титтл
В уверенности, что именно тут

Меня погубил Люшес Атертон.
Так принято думать в Спун-Ривере.
Увы! Это ложь!
Я видела Люшеса Атертона раз в жизни;
Он стоял на сцене «Оперы Биндла»
И произносил монолог Гамлета,
Но в середине его подавился
Выпавшей верхней челюстью!

ЯНК СОРД

За жизнь ты так привыкаешь твердить:
«Пожалуйста», «Сделаем покороче»,
«Минутку», «Стрижка по-министерски»,
«Не рекомендую», «Следующий»,—
Что под конец ты уже не знаешь —
А надо бы знать,— это ты сказал
Или тебе сказал чей-то голос.
Я, постригавший и бривший всех,
От Э.-Д. Блада до Люшеса Атертона,
Рассказывавший им всем анекдоты
И хохотавший на их анекдоты,
И после бривший их всех в гробу,—
Я красил волосы Генри Беннету
И вдруг решил, что я в парикмахерской,
И чей-то голос сказал: «Следующий»,—
И кажется, это был мой голос!

БЕРТА ДЬЮБ

Я хотела возобновить школьную дружбу —
Ничего более —
И позвонила Пейну Хауарду,
А он пригласил меня в ресторан.

«Йеллоустонский национальный парк» —
Почти толпа: в кино в тот день был ремонт.
Тогда мы с отцом Альтхофом Билджем
Устроили праздник в «Пекинских чайных
садах».

Молодым разрешили бальные танцы под джаз,
В буфете был лимонад!
Не прошло: все учуяли фальшь.
Мы не были конкурентами сынам тьмы.
Я оставил церковь и взялся за лекции:
Я человек нуждающийся.

ЛУИС ФЕЙ

Нет справедливости без подавления чувств;
Нет закона без жажды возмездия;
Нет милосердия без приязни;
Нет веры без слепоты;
Нет прощения без воздаяния;
Нет службы без вознаграждения;
Нет работы без увлеченности;
Нет жертвы без неба.
Солнце и тень, действительность и подобие,
И я сам измучен пустыми словами,
Делами, мечтами, надеждами,
Избегаю бесов, ищу настоящих богов!

ГОРДОН ХАЛИЧКА

Я глядел, как поверхность реки
Рябится под ветерком;
И я видел в глубинах реки
Могущественное течение.

Два образа из реки,
Из ветерка и течения
Возникли: девичье лицо
И напуганные камыши.
Ибо поверхность играла,
То хмурилась, то улыбалась;
А камыши хлестали
Друг друга, и их ломало
Могущественное течение.
И даже дуб у реки
Свалило это течение.

УОТСОН СТЕЛИНДЖЕР

Если бы в гаражах нанимали
В шоферы подонков и хулиганов
И машины бы изничтожали прохожих,
Как колесницы, снабженные косами,—
Вы стали бы это терпеть, сограждане?
Если б мальчишки на аэропланах
Летали по крышам и сеяли ужас,
А их тайные боссы про каждую жертву,
Хихикая, говорили б: «судьба»,
Ты бы и это стерпел, Спун-Ривер,
Или взялся б за факел, топор и веревку?
А редакторы твои, Вуд и Линдблум,
Вручили печатный станок и бумагу
Невежественным писакам и губят
Судьбу и спокойствие беззащитных людей;
И вы взяли в критики книг и искусств
Завистников и злоязычных женщин,
Терзающих истину и красоту
В угождение себе и вам!

БАРТОН ХОЛСИ

Опасайтесь слабых друзей
И торных дорог:
На склоне лет
Они будут вашим
Единственным утешением,
Единственной поддержкой убывающим
силам.

САЙЛАС ДЖЕННИНГС

Демократ!
Сторонник народовластия!
Борец за законы, созданные народом
Для контроля над алчностью, несправедливостью;
Потом борец за законы, созданные народом
Для контроля над вкусами, мыслями и
высказываниями.

Демократ отныне тиран,
Отрицает равноправие душ перед законом души
И нарушает ту внутреннюю демократию,
Благодаря которой все души равны
Во всем, что касается верований, вкусов,
Высказываний, увлечений, взглядов на мир.
Демократ ныне фанатик и демагог,
Взбесившаяся цепная собака,
Иуда, уговоривший апостолов
Голосовать против свободы духа.
Лжепророк, выдающий молчанье за речь,
Слепоту за зренье, расслабленность за здоровье,
Семь бесов за одного! Надо мной
Изваяйте тельца с ослиною головою,
Орлиными крыльями,
Драконьими лапами
И единственным глазом циклопа!

НИКОЛАС КОЗЛОВСКИЙ

Из моих скульптур сохраните хотя бы одну:
Иллайны на горной вершине,
Погибающие от голода.
В ледяную военную зиму
Вы давали уголь и хлеб
Матерям и отцам солдат.
Вы не видели ничего, кроме военной славы, —
Но ни угля, ни хлеба мне,
Который своим ваяньем вас делал свободней,
А демократию шире и привлекательней,
Чем все солдаты на свете!

ЛЕВИ СИЛВЕР

Зачем я продавал вам посеребренную утварь,
Искусственные рубины, фальшивые бриллианты?
Зачем продавал позолоченные портсигары?
Вопрос в том, зачем вы их покупали.
Я не мог продать их как настоящие и нажиться.
У вас же хватало духа выдавать их за настоящие
И пускать пыль в глаза друг другу, ведя обычные
игры
В поддельную добродетель, пустые традиции
И законы, основанные на бессовестной лжи.
Мои товары были сродни вашей внутренней сути:
Ибо души у многих из вас были посеребренные,
А многие из всех сил тщились изобразить
Драгоценные добродетели самой чистой воды;
Многие же из вас были сплошной медяшкой
Под тонюсенькой пленкой золота!
Спун-Ривер, из мудрости жизни

Я вывел для тебя новые заповеди:
Сотвори себе кумиров из всего прекрасного;
Произноси имя Бога твоего всуе,
Ибо неслышанные молитвы возвысят тебя;
Трудись каждый день недели,
Ибо сердце не знает отдыха;
Порождай жизнь;
Если женщина дарит тебе любовь, люби ее,
А не любишь — отвергни ее;
Помогай умножению общественных благ;
Говори правду и о своем ближнем,
И о враге.
Будь веселым, свободным, терпимым,
деятельным.
Ты доверился своему рождению и радовался —
Доверься и смерти!

СУДЬЯ ДОНАЛЬД ШУМЕН

Я получил урок смирения,
Поняв, что никакие формальности
Ничего не меняют в смерти.
Я принес венок на могилу судьи Леффлера;
Причетник направил меня в контору,
Где шустрая стенографистка отобрала венок
И сказала: судья до сих пор в склепе,
А номер ей неизвестен.
Я вспомнил ужасное сообщение о его гибели.
Его положили в гроб — это был не конец.
Друзья окружили его — и это еще не конец.
Он лежал в здании суда — это еще не конец.
Его отвезли в церковь, где молились и пели, —

И это еще не конец.

Прочли молитву и в склепе — и это еще не конец.

Он до сих пор в склепе — это еще не конец.

Его следует похоронить. А это будет концом?

Все это лишь продолжение несчастного случая,

Который кончился, когда он умер.

КЭТРИН ОГГ

Возглавлявший школьный совет «Гроб» Джонсон

Стыдился, что происходит от яйцеклетки

И вертлявого сперматозоида,

Но гордился, что человек был создан из праха,

Хотя прах не чище, чем яйцеклетка.

Так вот, он уволил меня из школы

За то, что я показала ученикам на схеме,

Как зародыш развивается из яйцеклетки,

И рассказала им о красоте и чуде

Эволюции, произведшей разум

Из яйцеклетки и сперматозоида.

Я лишилась работы и бедствовала,

Немного поголодала и много поразмышляла,

Пока не кончился весь этот фарс!

ПОСЛАННИК СОЛ

Мой отец был мясник Джейк Сол,

Он примкнул к тресту, и перебрался в Чикаго,

И сделался миллионером,

И оставил мне миллионы,

А я женился на миллионах.

Положение наше в обществе было двусмысленное

(За спиной говорили: он сын старого Джейка

Сола) —

Так что жена нашептала мне напроситься
Посланником в Голландию
(По-голландски я говорю, как по-английски).
Тут миллионы пришли кстати,
И я был назначен послом и отбыл в Европу.
В лондонских газетах мы видели свои лица
Рядом с лицами королей:
Я был посланник Сол!

ФРЭНК ТРЕДУЭЙ

Здесь покоится Фрэнк Тредуэй,
Погубивший надежды отца, Уильяма Тредуэя.
Сын вверил душу свою Христу,
А тот послал меч и разделенье в наш дом,
Дотоле бывший приютом мирного счастья,
И поссорил его с матерью,
Братьями, сестрами
И отцом, высекающим эту скорбную надпись.

ДЖОЗЕФ УОЛШ

Сокрывшие свои имена,
Безмолвные голоса из анналов Спун-Ривера,
Мы воздвигли этот камень как дань уважения
Жизни Джозефа Уолша,
Чье здорovie было подорвано страшным
несчастьем,
Но он жил до конца благородно и мудро;
Так сосуд из золота, даже измятый,
Все равно золото!

УИЛЬЯМ ОЛСТОН

Друзья, как могли вы думать,
Что я на такое способен —
Что я своих собственных пчел
Мог выманивать фонарями
На поле искусственного клевера,
На голодную смерть?
Род человеческий! Толпы людские!
Клевер в поле такой настоящий,
Как и голод, который гонит к нему.

ГЕНРИ ЮДОЛЛ

Я был репортером «Леджера»,
Где постепенно меня научили сообщать о событиях
Не так, как я их видел в действительности,
Но так, как они хотели их видеть в печати.
Если б они хоть раз сказали, что я написал
неправду!
Но они говорили, что мой отчет не обрадует
публику;
Что он не о том, что должно бы случиться,
И он не о том, чего случиться не может;
Что он должен возвысить или принизить факт —
Чтобы вырос тираж газеты!

И. СТАРТ

Как часто, друзья Спун-Ривера,
Отец Эбнер Пит разоблачал
Людское упрямство и маловерье,
Прибегая к цитате
Из Евангелия от Луки:

«Если Моисея и пророков не слушают,
То, если бы кто и из мертвых воскрес,
Не поверят».
Но правда ли это? Друзья, это ложь!
Выпустите меня отсюда, и я обращу весь мир!

ХИКС БОСКОУЭН

Вас, живущих,
Мучит вопрос выбора —
Ступайте куда хотите,
И вы обнаружите, что безразлично,
Заблудиться в песках пресыщения
Или разбиться о скалу недовольства
И неосуществленных надежд.
Есть ли третий путь?
Стать на якорь у берега и задремать!

МЕЛЬНИК ГЕНРИ ЗОЛЛ

Вы видали, как мельничная заводь в жару
Порождает кишашую ядовитую жизнь,
И она вскипает, пенится, лопается
И затихает ослепшей гадюкой?
Может ли мельничный пруд знать себя,
Когда в нем только пена да черви?
Может ли он знать землю и небо,
Когда он не зеркало и не вберет их?
Река у излучины много умнее:
Быстрая, чистая и прохладная,
Вода в ней всегда обновленная, свежая,
С рябью, воронками и волнами,
Она отражает тысячи звезд
И тысячи обликов солнца и облаков

В мелькающих кинокадрах откосов и леса!
А в полных жизни глубинах щучки
Носятся, как серебристые тени;
И мальки стремятся против течения.
Такова и душа человека, друг мой:
Остановится, пенится от досады,
Запекается в злобе и никнет в тоске;
Или борется, чтобы быть на плаву,
Забывается, тонет, учится и всплывает,
Полная блеском и звезд.
А в глубине ослепительный смех
Стремится против течения.

ЛЮСИЛЬ ЛАКС

Больше всего мне жаль мужчин
За их отношение к девственности:
Как они ее ценят, как оплакивают,
Как мстят за нее.
Меня лишил девственности Люшес Атертон.
И что я потеряла, и что он приобрел?
Я вышла за другого мужчину.
И была с ним почти счастлива.
И на этом кладбище я назову вам десятка два
Набожных старых дев и чопорных аристократок,
Которые тайно, без ведома окружного судьи
Расстались с девственностью,
Словно с молочными зубами,
И не на много лет позже.

ДЖЕЙКОБ БРЭАМ

Разве в земные дни свои вы не видели,
Что человек связан со всем живущим
Родством физических форм и веществ,

ЭРНЕСТ ФИДАСКО

Я сбежал из Праги от правосудия
И приехал в Спун-Ривер.
Обвенчался с сестрою Огаста Форчуна,
И он принял меня в компаньоны.
Но тут о прошлом моем узнали.
Жена моя тотчас всему поверила,
А Огаст берег свое доброе имя
И перестал подавать мне руку.
А все вокруг распускали слухи,
И в отместку я сам распускал слухи
Обо всех, об Огасте и о жене.
Слепая злоба меня довела
До подкопов под фирму Огаста.
Погибая, я погубил и его.
Скверно? Такая судьба!

ОГАСТ ФОРЧУН

Эрнст Фидаско родился в Праге,
А я в Спун-Ривере.
Он был он, а я был я,
Далекие, как Изер и Биг-Крик.
Слепой, как фортуна, слепой, как торпеда,
Он выплеснулся в океанские воды
И нам на погибель прибыл в Спун-Ривер,
Не зная ни города, ни меня,
Ни моей сестры, на которой женился.
И всю свою алчность, ложь и коварство
Он устремил на мою фирму
И взорвал ее, как плавучая мина
Взрывает царственный корабль.
И он погубил мое доброе имя.
Где мудрость, чтоб охранить свою жизнь
От плавучих мин и торпед?

ХАРВИ УИЛЬЯМС

Вначале я был не хуже нее;
Потом она выскочила в модистки,
Важная, с разноцветным зонтиком,
Прямо скажем, ходячий цветок.
Хотя я, как прежде, ковал коней,
Добывала деньги она.
Я косил лужайку, ходил за садом
И бегал по ее поручениям,
Чтобы ее удержать.
А потом она зачастила в Чикаго,
За покупками, как она говорила;
А Бенджамин Пэнтир и Джонатан Сомерс
Стали ко мне приставать с расспросами:
— Слушай, Харви, а где твоя женка? —
И я что-то понял и крепко задумался.
Я подковывал этого чертова мула
И вдруг, уставившись на подкову,
Медленно так сказал себе:
— Она меня любит? Да нет, не любит.—
И тотчас меня взметнуло, как перышко,
И бросило в море мрака.

РИТА МЭТЛОК ГРЮНБЕРГ

Ты пела зеленым долинам, бабушка,
И вкусила сладкий покой в девяносто шесть,
Вот твоя маленькая Рита,
Старуха в свои сорок девять, лежу
Под зимними звездами на твоей могиле,
И над головой звенят дубовые листья;
Готовлюсь к последнему делу,
Собираюсь с последними мыслями;
Спрашиваю себя, как я здесь очутилась!

Объездила целый свет, видала столицы,
Выходила замуж, рожала детей...
(Все дочери замужем, я же одна и бездомная.)
Бабушка! Мне достало и сил,
И воли, и смелости, я была
Достойна тебя и твоей крови.
Но из ловушки я попадала в ловушку.
Наконец, ужаснейшая ловушка.
Как я расшатывала решетку, приподнимала дверь,
Ползла под ней — а она вдруг защелкнулась
И раздавила меня в тот момент,
Когда я, помня твою смелость, пыталась
Освободиться!
Прижми меня снова к груди, бабушка!
Я хочу быть землей, как и ты, для весенних
всходов,
Бабушка!

ТЕРЕЗА ПАШКОВСКАЯ

Откуда взялся японский мак,
Цветущий один посреди поля,
В окружении трав и желтых лютиков,
Возносящий алое великолепие,
Яркий, как пламя, как огненная луна,
Как факел в руках погребенной Персефоны? —
Из прекрасного сада ветер пронес семечко
Над теплой рекой, ночью, когда звезды
Опускали или приподнимали веки
Сонного света перед сентябрьским днем.
Но как могла ты, Тереза Пашковская,
От криков, задворок, аптек и кинотеатриков
Возвыситься к пенью, к душам Лючии, Таис
И к мировой славе?

БЕРТРАНД ХЬЮМ

В мыслях видеть опять голубое небо;
Вообразать летние облачка;
Вспоминать горы и склоны, поросшие лесом,
И синеву воды в октябре;
Выходить к серому, как акула, прибою;
Слушать во сне поющие голоса,
Голоса отзвучавшие, но не забытые;
Впивать поцелуи давно исчезнувших губ,
И видеть восторг в глазах,
И слышать священный полночный шепот...
Снова переживать все богатство жизни,
Полноты которой я не знавал;
Видеть это, словно в окне, за которым
Цветущий сад и холмистая даль —
Туда тебя не пускает бессильное тело...
О жизнь! Несказанная красота,
Уйти, сознавая, что я тебя недолюбил,
Желая прожить тебя снова,
Уже с умудренной душой!

ЛИНКОЛЬН РИС

О, маленький город над речкой,
Маленький город маленьких устремлений,
Я твой сын, хотя я не твой по сути
И ничем не связан с тобой.
Но ты — моя слава;
Мемориальная доска
На доме, где я родился, в Спун-Ривере,
Привлекает паломников отовсюду;
Моя же могила возле могилы Эмерсона
(Ибо я жил и похоронен в Бостоне)

Вызовет у прохожего восклицание
Вроде: — Линкольн Рис! Линкольн Рис —
Да кто это, черт побери?

КЛОД ЭНТЛ

Все мы посланы в дебри жизни,
Одни как охотники, другие как жертвы.
Что навело на мой след, и послало в погоню,
И сплотило Судьбу и Природу против меня?
В школе меня дразнили и избивали;
Собаки кусали, лошади норовили лягнуть;
Я сломал себе руку и отморозил ухо;
Чуть было не утонул, чуть не умер, наевшись
поганок.
В бизнесе все меня предавали и грабили.
Дарованье и внешность ничуть мне не помогли.
Я был оленем, живущим среди гончих!

ГРОБНИЦЫ ГУБЕРНАТОРОВ

ЗАБЫТЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Мы — забытые губернаторы.
Мы не написали историю жизни
Могущественных друзей, устроивших нам эту
должность
И неизменно стоявших за нашими спинами.
Кто-то из нас разжигал страсти и был избран;
Кто-то из нас был избран,
Потому что его отец разжигал кровавые страсти.
Все мы корыстолюбцы,
Малoverы и пустословы,
Нарушители клятвенных обещаний,

Мы ничто, и наше наследие — ничто.
Память о нас умерла вместе с нашими
Покровителями, протеже и теми,
Кто встречал Новый год в губернаторском доме.

АВРААМ ЛИНКОЛЬН ПАГСЛИ

Я окончил коммерческий колледж
Со степенью кандидата —
Кандидат в бухгалтеры.
Учительствовал, по ночам изучал право.
Попал в избирательную комиссию,
Стал начальником полицейского округа,
Возглавил фракцию в собрании штата,
Был боссом и не оставлял адвокатской практики.
Настоял на своем выдвижении в прокуроры
И был избран с помощью реформистских газет.
Я не брал взяток с салунов и казино,
Как мои предшественники, —
Я преследовал их, я подверг их таким гонениям,
Что они взмолились и стали платить отступные,
На отступных я и разбогател.
Я был в силе, меня выдвинули в губернаторы.
В должность вступил я без мыслей, зато
с поддержкой
Сил, выступавших против салунов, и казино,
И профсоюзов.
Я презирал свободы, традиции, убеждения.
Попытался пройти в третий раз,
Но увидел, что тучи сгущаются, и ускользнул
В частную жизнь.
Вокруг меня могилы солдат,
Погибших при подавлении стачки,
Которую я подавил —
Таким я был губернатором штата!

ЭЛИОТ ХОКИНС ХЭММОНД

Не пионер, не сын пионера —
Сын адвоката, окончивший колледж,
В делах искусенный с первого шага,
Продукт двадцатого века.
Я перенял дело у Лемберта Хатчинса —
Он продал свой депутатский голос
Железной дороге, желавшей оттяпать
Набережную в Чикаго.
Но он был телега, я — «паккард»:
Я возглавил комиссию по изучению
Первоначального права на землю,
Отрезанную на набережной.
И вместо того чтобы взять кошелек
В обмен за поданный голос,
Я продвигался вперед и вглубь
И подрывал великую Кражу,
Пока она чуть не рухнула.
Кто мог поддержать ее, кроме меня?
И я поддержал ее — не бесплатно.
Тут десять тысяч, там десять тысяч.
И вдруг разразилась война! Добровольцем
Я ушел на святое дело
Спасения демократии в мире.
После войны благодарный народ
Выбрал меня в губернаторы!

УОЛТЕР ЭЛЕ

Прохожий! Я был идеалист,
Бессловесный певец идеала;
Предупреждаю тебя: идеалы и заповеди —
Всего лишь цитаты в рамочках,
По которым жизнь не прожить

И которые Жизнь, наконец осердясь,
Срывает со стен и выбрасывает.
Сам отрекись от них и живи
По неписаному закону текущего часа.
В сердце моем была любовь;
Однажды, смерив взглядом «Любовь» в рамочке,
Она стала меня осуждать и язвить:
Любовь питала ее тщеславие и самонадеянность.
И она сбежала в Европу, оставив меня
Одного управляться с судьбой, которую
Она уготовила мне.
С каким звоном стекла и хрустом багета
«Любовь» рухнула со стены
Номера в нью-йоркской гостинице,
Когда я увидал, как ее обнимает служащий
Океанского лайнера!

ЭДВАРД ХИЛЛ

Где любовь к искусству, там и любовь к человеку;
А где любовь к человеку, там и любовь к искусству.
Насколько творческий смысл моих слов глубже,
чем слов:
«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»!
Я был сыном хорошего и безотказного доктора,
А сам писал пейзажи окрестностей
На радость Спун-Риверу!

УЧАСТОК СЕМЕЙСТВА СИС

ФЕРДИНАНД СИС

Я был младшим из двенадцати отпрысков
Престарелых Джейкоба и Сюзанны Сис,
Хилый телом и слабый духом.

Мной овладел демон самоуничтоженья
И губил мне здоровье, губил мне жизнь,
Я карал себя тюремными сроками,
Утешал себя и убивал себя кокаином.
Налетели птицы и поклевали меня —
Почему сеятель сеял меня при дороге?

ЧАРЛЗ СИС

Я был одиннадцатым из двенадцати отпрысков
Престарелых Джейкоба и Сюзанны Сис,
Я был добрым зерном, но нуждался в земле и дожде,
Чтобы произрасти.
Я хотел преуспеть в Спун-Ривере,
Прильнуть к нему душой и телом.
Но почему-то сердца горожан
Оказались точно кремень,
И корни мои засохли.
Почему сеятель сеял меня на местах каменистых?

УИЛЬЯМ СИС

Я был третьим из двенадцати отпрысков
Джейкоба и Сюзанны Сис.
Я ждал, что буду богат и известен.
Весною жизни я не замечал,
Что вокруг меня в земле сорняки
И голые прутья безлистных кустов —
Все они вырастали вместе со мной.
Я мечтал о цветенье, и места бы мне хватило —
Так казалось вначале.
Но я был я, а отец мой —
Он ввел меня в дело и заставил жениться
На дочери своего компаньона.

Многодетность меня обессилила,
Я думал лишь о деньгах на воспитанье детей;
И плевелы скорби произрастали
Среди тяжких забот и частых несчастий
И заглушили меня —
Почему сеятель сеял меня среди терний?

РОБЕРТ СИС

Я был седьмым из двенадцати отпрысков
Джейкоба и Сюзанны Сис,
Унаследовал здоровое тело и дух,
И волю к борьбе, и веру в победу,
И уважение к дару жизни.
Сердца горожан постепенно смягчались —
Так вика готовит почву пшенице;
Я начал там, где кончил отец,
Расширил и обогатил наше дело;
Опасаясь участи брата Уильяма,
Я завел не десяток детей, а троих;
И всегда умел предвидеть угрозу,
Ибо добрый Господь посеял меня
На добрую землю. Я сделал, что мог,
И принес плоды во сто крат.

ХОФФЛУНД, САПОЖНИК

Генри Беннет носил кремовые,
Дэйзи Фрейзер — красные, грубые,
Элиот Хокинс — воздушно-легкие,
Эбнер Пит — почитай что детские,
А Флосси Кабанис — огромные, толстые.
Каждый, по своему разумению,
Что-то скрывал, а что-то выказывал.

Поэт Петит любил каблуки,
Миссис Уильямс — позолоту,
Маргарет Слэк — что попросторней,
Люшес Атертон — что пофорсистей,
Джефферсон Хауард — что попроще,
А Пенниуит — острые носы.
Но кто (я уже разглашаю тайну)
Ногу имел, как бог Аполлон?
Не кто иной, как Гаррисон Стэнфорд —
Лицом он был настоящий Марат!

ГЭБРИЕЛ КВИЛИЧИ

Мальчишкой я услышал рассказ
Про Иду Фрики и Гарри Макнили,
Как она себе на живот подложила
Подушку и вытребовала с него деньги.
Но что суть деньги в сравненье с утратой
Мечты и цельности духа?
Что золото для планеты, сошедшей
С орбиты в стремленье к мирам иным,
Привольней, возвышенней, вдохновенней, —
Когда она, утратив законы,
Несется во тьме, без дороги, к смерти,
Лишенная воли и света жизни?
Вечно сирены сидят на скалах
И ждут проплывающих мимо поэтов.
Поющая плоть им желанная пища,
Песню ж они ненавидят, ибо
Поэт неприступен, пока поет.
Бабочки, не обольщайтесь красками!
Пчелы, набравшись меда мудрости,
Не попадитесь хищной росянке!
Лилии, вам грозит паутина!
Оборви с цветка лепестки чистоты
И храни их благоухание в песне!

ТОМАС ПЕЙН ХАУАРД

Мой отец — либерал Джефферсон Хауард;
Как и он, я родился для радостей жизни,
Ненавидел церковь за то, что отца
Доконали отцы Уайли и Пит;
Ненавидел ее и за Флосси Кабанис —
Она с «Ист Линном» сбежала из города
И из-за сплетен боялась вернуться.
И я начал борьбу при помощи логики:
Эмерсона, и Дэвида Юма,
И науки, взятой у Спенсера с Дарвином.
В конце с отвращением я их оставил
Ради денег и дела, открыл кинотеатр.
Показал спунриверцам новости дня,
Горы, джунгли и водопады,
А также «Шейлока» и «Робин Гуда»,
Деление клеток и рост эмбриона.
И что же? Все сбежались ко мне,
Позабыли гимны и нудные проповеди —
Так я погубил церкви!

ГЕНРИ РАБЕНО

Быть вольным, веселым, уметь пожить,
Видеть насквозь лицемерие церкви,
Неустанно освистывать моралистов,
Знать, что жизнь — шутка,
А человек — среднее между крошкой и
крышей.
Хохотать громогласно, как великан,
Сбрасывающий тенета карликов,
Рвущий цепи царства небесного.

Смеяться над философиями и религиями,
Как над блужданиями несытого разума.
Быть жирным, полным сил сорняком,
Нахально помахивать листьями —
И вдруг позволить карликам
Опутать себя мыслями о бесчестии,
Так что от безмерного отвращения
Вы на корню засохнете и сгниете,
И мороз вас побьет, и пыль покроет.
Таким был я, о сограждане,
И лишь перед самой смертью,
На миг снова став собой, вольным,
веселым,
Я нахально расхохотался!

ДЖОРДЖ КРАМЕР

Когда-то Рой Батлер был осужден
По лживым наветам миссис Бэндл.
Уже в мое время Руб Смайли сел
За ребенка, который был не его
(Папашей, кстати, тогда был я).
Хоть они сами не голосуют,
Зато всегда имеют поддержку
Черни, диктующей нам законы;
И сами читают мораль всему миру,
И детей воспитывают, как желают,
И владеют своим, и командуют нашим,
И если кого прикончат, то судьи
Любвеобильные их оправдают.
Моя жена за моей спиной
Так повысила мне алименты,
Что я не сдюжил и сел в тюрьму.
Не болтайте при мне о правах женщин —
Поговорим о бесправье мужчин!

ГЕЙНЕ ЛАССАЛЬ

О вы, богословы, и проповедники, и ересиархи,
О создатели новых исповеданий и обрядов;
Вы все упустили из виду историю Иисуса
И оставили ее нам, художникам, детям скорби.
Ибо «Илиада» всего лишь история гнева Ахилла,
А «Одиссея» всего лишь история странствий
Улисса...

Но история Иисуса — провидение и символ,
Краткий конспект и эпос
Каждой души, особенно гениальной.
Во-первых, низкое происхождение, затем
В двенадцать лет он, как Моцарт, на равных с
учителями.

Затем осознание судьбы, исчезновение и
приготовление.

Возвращение учителем и восторг молодежи.
И рядом сомнение отца, матери, братьев, соседей,
Знающих о его происхождении.

Затем гонения, ибо общество
Всегда опасается гения.

И сладкая песнь горчит, и любовь переходит в
ненависть.

И предатель среди своих! Вечно предатель!

И свои уснули, пока ты бодрствовал,
И находился в бреду, и тосковал, и молился,
Чтобы чаша тебя миновала.

Мрак души в полночь сомнений
И смерть.

Затем Чудо, создатель мифов;
И Посредник, посмертная слава;
И поклонение, дело житейское.

РОККО ПАПИНИ

Убили Цезаря за тиранство
Или за то, что правил разумно?
Бардов и мудрецов побивали
За то, что носили шелка и пурпур,
Или за то, что их мысли могли
Править Вселенной?
Освистывали меня,
Окорачивали и травили меня,
Ни мэра города, ни олдермена,—
За присвоенье скипетра власти?
Или за то, что я
Почти убедил спунриверцев
Устроить парк с духовым оркестром
И танцевальной площадкой?
И что же? Я вас испугался?
Нет, души вы убить не могли!
И с Цезарем мы проходили сквозь стены,
Проходили сквозь замкнутые двери,
И с вами идем по пути в Эммаус,
Жжем ваши сердца, покоряем души,
Несмотря на кинжалы и гвозди.

ИВЛИ ЛООС

В миг, когда вы стоите возле моей могилы,
Звезды меняют расположение,
Солнце выбрасывает протуберанцы,
Земля достигла знака Стрельца.
В море рыщут свирепые рыбы, раскрываются
жадные пасти.

В Африке сквозь тропический лес ковыляет
горилла.

А в Южной Америке анаконда
Только что плюхнулась с ветви.
Мусульманин начал молитву в Египте.
Каннибал Южных Морей свежует собрата,
Собираясь готовить обед.
В Париже министры о чем-то сговариваются.
В этот миг люди встречаются и расстаются,
Клятвы даются и нарушаются.
Великий муж только что умер в Бомбее,
А миссис Сис разродилась новым младенцем
У нас, в Спун-Ривере.
Я мертва, а вы возле моей могилы —
И все в этот миг!

ТОМАС УЭНТВОРТ АРЛИНГТОН

Когда ты женился и породил сына,
И сын подрос, и в его глазах
И поступках ты видишь то криводушие,
Которое подозревал и почти ненавидел
В отце той, на которой женился, —
Вот оно! Ясно, отчетливо, неоспоримо.
Вот судьба того, кто женился на дочери
Томаса Родса, банкира и лицемера.
Что мне осталось? Замер, охваченный ужасом,
Как курица, высидевшая змееныша.

ЭДУАРД РЕДИНГТОН

Что лучше, радость выращивать дивные яблоки
Или радость выращивать яблоки в обмен на
лучшие яблоки?

В жизни я был милосердным, согласно учению
церкви, —

Прощал, чтобы меня прощали,
Был добр, ибо верил в ответную доброту,
Дарил в надежде, что мне воздастся тою же мерой.
И что получила душа в вознаграждение?
Лишь обещание вознаграждения!
И так как меня не прощали,
И я не встречал ответную доброту,
И никто меня не дарил,
То плод усилий моих завял
И сгнил в закромах души,
Не оцененный людьми, для которых его я взрастил.
И я говорю вам: заботьтесь лишь о Себе,
Чтоб, несмотря на других, вы Сами
Вознаграждали Себя прощением ради прощения,
Добротой ради самой доброты,
Щедростью, мужеством, стойкостью,
Отсутствием зависти и гордыни
Ради них самих и Себя Самого!

ЕЗЕКИЯ ПЕЙНТЕР

Спаситель, думая о твоей наследственности,
И о том, что праотец твой Ровоам был скверен
И родил Авию, скверного сына,
И что этот Авия, скверный отец,
Родил Асу, доброго сына,
И что Аса, добрый отец,
Родил Иосафата, доброго сына,
А этот Иосафат родил Иорама,
О котором ничего не известно,
Который, в свою очередь, родил Озию,
О котором ничего не известно,

МАРТИН ВЕНАБЛ

Вы когда-нибудь разоряли птичье гнездо,
Чтоб от него на дереве не оставалось следа?
А после смотрели, как птица, вернувшись,
Кружит, кружит над местом, где было гнездо,
Не понимая, что с ним случилось,
Или не понимая, то ли это самое дерево?
Именно так было со мной и Спун-Ривером:
Я вернулся в родной город
И не нашел его;
И бродил по улицам, не понимая,
Был ли Спун-Ривер моим домом,
И если да, то что с ним случилось!

МАРК ПААС

Зачарованный с юности звучными строфами
Мильтона,
Поющим пламенем Шелли и песнями, что озаряли
Трагические тучи Шекспирова зренья,—
Я сказал себе: смерть вас не заставит умолкнуть,
Ваши души ей не запятнать, не опозлить
Вечной тьмой, пустотой и безмолвьем.
Но в последние дни апреля (и моей жизни)
Услышать трель малиновки на закате,
Услышать дрозда и благоухание луга,
Донесшиеся до меня, больного, в окошко,—
Значит казнитья при мысли: как много весен,
Как много дроздов и малиновок и поэтов,
Которых я боготворил,— утонуло в безмолвье!
Малиновка усугубила черные мысли.

ГЕРБЕРТ НИТЦЕ

Вы задумывались, что вышло бы, если
Все рожденные за последние четыре тысячи лет
Были бы живы?
Моисей вещал бы на древнем наречье,
Аристотель твердил бы свое, слишком старый, чтоб
измениться
(Мы знаем, как это бывает с почтенным старцем
за восемьдесят),
Короли в кафе-автоматах старались бы
Сбагрить старые медяки,
Крестоносцы в аптеках бы толковали о мертвых
веках,
А Понсе де Леон, посаженный за биржевые аферы,
Вздыхал бы о юности и просил нас взять его на
поруки,
А Роджер Бэкон пытался бы делать золото,
Не говоря уже о кроманьонцах —
Эти бы осуждали искусство и рвались бы
выставляться.
Ужас! А нам, молодым и старым, пришлось бы
Приспосабливать к тысячелетним и старше
Пищу, идеи, деньги, забавы, жилища.
О Смерть, сжигатель опавших листьев,
Осенний садовник, готовящий сад к весне,
Ты мудрая, ты — Природа!

ДЖЕЙБЕЗ АРНОЛЬД

О живые,
Вы знаете, что вы такое
И что вами делают?
Вы листья на ветках жизни,
А ветки жизни и корни жизни

С вашей помощью извлекают из Бесконечности
То, что потом возвращается в Бесконечность —
Отмиранье и вечное обновление.
Эту тайну вашим глазам открывают
Листья деревьев,
Они извлекают из солнца и воздуха
Благоуханье и краски
И передают их веткам
И дальше корням деревьев,
Покуда не отдадут все,
И не покроются тенью
И румянцем изнеможенья
От последних усилий!

КЛАРА ВАЙОЛ

Не сей зерно,
Держи его в житнице;
Преврати его желание стать золотым полем
В самородный жар, нагревающий житницу
(И может быть, даже сжигающий).
Пусть желудь лежит на камнях;
Прикажи ему бело-желтым ростком
Лизнуть холодящий сланец
И успокоиться.
Прикажи мужчинам и женщинам претворять
Страсть в службу, жизнь в исполнение долга,
Чтобы жертвенные улыбки подогрели
окрестность.
Осуществляй садистские идеалы,
Пусть твои войны перебивают кости распятым
На кресте незадавшейся жизни.
Мне бы памятник: горящая житница,
И из нее стрелой вылетает ласточка
В бездымные небеса!

ФРЭНК БОЛТ

Здесь я, сгнивший, лежу, двести фунтов моей
плоти

Сделались фунтом грязи.
Я съел четыре сотни телят,
И две тысячи бушелей кукурузы,
И десять тысяч буханок хлеба,
И выпил пять тысяч галлонов виски —
Зачем? Чтобы были силы болтать
И вновь покупать себе мясо, и хлеб, и виски,
Чтобы болтать!

МИССИС ФРЭНК БОЛТ

Где бы похоронили мою мать и сестер,
Не говоря обо мне самой,
Если бы я не вышла за Фрэнка Болта,
Я, стенографистка, толстая и не первой молодости?
За чьим столом бы питались мать и сестры,
Если б я его не зацапала и он не взял их к себе,
В дом с набитой кладовкой
И прозаложенной крышей?
И вот мы лежим вокруг Фрэнка Болта,
Мы, Болты и Уоллапы, — мать и сестры.
Мы в пути от кукурузы и мяса
К хлебу, который кто ест, живет вечно!

МИСТРАЛЬ ВИСИАНА

Одна печаль,
О мои дорогие цветы:
Я не посадила вас
В лучшую почву.

ЭМИ БАРДУЭЛЛ

Он ворвался в дом моей жизни,
Где хватало и горя, и радости,
И нарушил покой мой рассказом
О том, как несчастлив с женой.
Я любила мужа, но все забыла
И бежала с пришельцем к новой жизни,
Одурачена блеском любви!
Но что есть любовь? Желанье сказать
«Люблю» и губами прижаться к губам?
Или жизнь, при которой каждая лампа,
Зеркало, книжная полка, гардина
Входят в душу и к ней прикипают?
Когда я бежала, за мной потянулась
Скатерть и сбросила и разбила
Кувшин и чаши с Праздника Жизни.
Но как вернуться в разрушенный дом?
Новых чаш и кувшинов не будет.
И я одна глядела в окно,
Как он проходил, улыбаясь жене,
К которой вернулся, оставив меня
Складывать эти осколки!

ЛИНФОРД НЬЮМЕН

Блестает над множеством сфер судьбы —
Над сферами алчности, ненависти и борьбы —
Сфера мудрости и справедливости.
Она, как слава в сиянье славы,
К которой мы тянемся за поддержкой,
Словно росток из жестоких объятий бури —
К свежести и росе небесной!
Сфера прозренья! Сфера истины! Сфера любви!
Открытые нам в часы сомнений и мук,

Когда мы в ловушке и близок конец.
Это и есть добрая вера в стойкость святых,
Вознесшаяся до небес Красоты!
О, вечно живые великие мертвые
И те из живущих ныне,
Что никогда не умрут,
Не захлопывают за собою светлого рая,
Чтобы можно было общаться с вами
И тянуться из скудной повседневности
За поддержкой мудрости и мечты!

ФЕЛИКС БИМ

Житейские треволенья связаны с хлебом и славой
Или вызваны хлебом и славой?
А мои скитанья по земле,
Дни сомнений, бессонные ночи
Объяснялись заботой
О хлебе и славе?
Друзья, не обманывайте себя:
Водоворот в центре мальмстрема души
Вечен и превращается в вакуум изумленья
И вопрошанья:
— Как тебе имя?

ПОРТНОЙ МЕЛТОН

Я подложил плечи Генри Беннету,
Чтобы он понравился Розе Дженни;
Я сузил брюки Люшесу Атертону,
Чтобы в сорок пять он выглядел стройным.
И я шил визитки и сюртуки,
И скромные серые пары для джентльменов,
И фраки для молодых бездельников,

Когда город стал пригородом Чикаго.
Но даже лучший пошив перекраивают:
Одевать кого-то в последний раз —
Что укладывать листья на клумбу с фиалками;
И ты разрезаешь пиджак вдоль спины,
А брючины сзади и сверху кладешь их,
Чтобы люди были одеты для неба!

МОД ШУК

Живи я в прежние времена,
Когда не было телефона,
Даже и телеграфа,
И поезда еле тащились,
И доставляли почту по вторникам,
Я могла бы поверить, что он написал мне,
А письмо затерялось.
Но так как почта и телеграф
Уменьшили эту возможность,
Я, пожалуй, не верю тебе.
Чем больше машин, тем меньше души,
И, может быть, надо душу подстроить
Под усложнившееся исчисление.
И я пришла к мысли, что лучше бы я
Написала второе письмо. О, Спун-Ривер,
Вера в любимую душу важнее
Уязвленного самолюбия!

ДЖЕРРИ БЕНСОН

Хоть одна твоя газета, Спун-Ривер,
Хоть один болтавший про святость законов,
Хоть один проповедник и моралист
Хоть слово сказал против нашего рабства

И угнетенья? — Оно нас душит,
А наши заработки и рабочий день —
Они лишают нас дара жизни,
Они омрачают наши жилища,
Они убивают наших жен и детей!
Но в миг, когда на консервной фабрике
Подорвалось сколько-то человек,
На нас, точно тысячу кирпичей,
Вы обрушили всю мораль и законы;
Вы превратили в страшного разрушителя
Суверенного государства.
Но никто из вас не осмелился бы
Вместе со мной подсчитать погибших!

МАРДЖОРИ ХАНГЕРФОРД

Пожалейте гранит и плодородную землю!
Бронзовую табличку повесьте на доме.
Напишите, что я любила свой дом как счастье.
Напишите, что на буйном весеннем рассвете
У окна я мечтала, слушая пенью малиновки.
Что друзья мои здесь пировали и веселились.
Что здесь я ждала единственного друга.
Напишите, что он пришел и узнал мой дом,
И полюбил его, и коснулся губами
Двери, ибо я до нее дотрагивалась,
И крыльца, ибо я по нему ступала.
Напишите, что жизнь моя превратилась в рай.
Но как осень уводит лето, а лето весну,
И как год, закончившись, тает при свете времени,
Так не стало его, и я бродила по комнатам
И глядела в окно, узнавая далекие звезды.
Потом напишите, что я заперла свой дом,
И он стал Храмом Воспоминаний о Счастье.
О мир! Если дом мой погубит огонь или тленье,

Не сразу бросайте эту табличку — пусть ее
Подержат в руках невежда или насмешник, —
Я исполнила долг перед утраченным Счастьем.

МАРШАЛЛ КАРПЕНТЕР

Не помните о вашей Судьбе
В дни вашей юности —
О вашей Юности помните в дни вашей
судьбы:
Помните чувства, стремленья, любовь,
Воззренья и озаренья
И веру в себя и других.
Помните, к кому вы тянулись,
Кого отвергали и почему.
Помните, как оглядывались на других
И кем вас считали другие.
Помните дом, деревья,
Весь город.
Помните, как ветерок
Раздвигал невидимые занавески
И показывал невыразимое словом.
Держитесь же за свое
И мужайте, как дуб,
Не будьте осиной
Или травой на песке!

ДИДИМУС ХАПП

Если Бог — всё и всему сердцевина,
То Бог заключен и в облатке хинина,
Его содержат и виски, и вина;
Бог — и телятина, и свинина,
Равно как йод, молоко и малина,

Добра половина и зла половина.
В Его винограднике ты — лозина,
И что бы с тобой ни творила судьбина,
Ты вкусишь с избытком Его, властелина,—
Сытый по горло, лежу здесь чинно.

ГЕНРИ КОГДАЛ

Привезите валун с Биг-Крика,
Положите его в головах
И прикрепите к нему
Бронзовую табличку:
Здесь покоится Генри Когдал,
Рядовой, погибший в войне за Мудрость,
И Красоту, и Истину.
Он поддерживал творческий дух
И стоял за певцов и рассказчиков,
Которые помогают народу
Осознавать реальности жизни.
В самый разгар успеха
Он лишился места и средств к существованью,
Ибо богатый промышленник перекупил газету,
И сделал ее популярной,
И довел в ней критику
До уровня рекламодателей и оптимистов:
Когда-нибудь преступления против культуры
Будут преследоваться, как убийство!

РИЗОН РОББ

Вы бы сказали, что это ее катастрофа,
Вы б не сказали, что это моя катастрофа,—
Что ее застали с Люшесом Атертоном.
И я дал ей развод, и все было разглашено

В газете редактора Уэдона!
И я жил дома, спокойный и сильный,
А она взяла и уехала,
Тихая, радостная и мудрая,
И вернулась руководить театром,
И ее портреты висели на каждом углу,
И ее принимал Ваш Макнили
И все именитые горожане!
Что значили мои добродетели, гордость и
воля?
И в чем я восторжествовал?
Моя душа была сталь — ну и что?
Ее душа электролитической силой
Расщепила мою на кристаллики!

САРА ДЬЮИТТ

Считая, что он послан мне Богом,
Считая, что Бог его наделил
Честью, верностью и правдолюбьем,
Я верила в Бога и чтילה Бога.
Но когда я узнала, что он — негодяй,
Готовый обманывать и предавать
Из тщеславья и ради наживы, —
Гибель его была гибелью Бога,
И я лишилась чувств среди обломков
Гипса и проволоки и безмолвья,
Наставшего после крушения Бога.
Друзья, это безумие — заключать Бога,
Заклучать в рукотворный дом,
В мужчину, женщину или надежду,
В любовь к Истине или Христу.
Ибо все рухнет в тот миг, как вы
Решите, что уловили Бога.
Бог многолик и носится вольно

На небо с земли, от надежды к надежде.
Его не поймать, и вот почему:
Задача души — отнюдь не владеть,
Задача души — внимать!

ДЖОН ФИСК РОБЕРТС

Это я, атеист, изгнал из Вселенной Бога?
Не Христос ли изгнал Его из Вселенной, сказав:
«Ибо земля сама собою производит»?
Возросло ль человечество из первозданной жизни,
Как человек — из одной-единственной клетки?
«Сперва зелень, потом колос,
Потом полное зерно в колосе».
Что нашло на тебя, Спун-Ривер,
Если после Великой войны за Свободу
Ты мараешь мудрость и истину
Глубоководной слизью мертвых моллюсков,
Дремучим средневековым невежеством —
Гонишь меня с работы, чуть не линчуешь
За урок об учении Дарвина!

МОРГАН ОУКЛИ

Есть время для миртового венка
И есть для тернового венца.
Жизнь приносит и горе, и радость,
Природа родит и шипы, и листья.
В начале я знал любовь и победы,
В конце — одиночество и болезни.
Жизнь не одни сплошные листья
Или шипы, но и то и другое.
Я дошел до мудрости голых веток
И заброшенности чертополоха,
Который помнит о листьях!

БЛИНКО БЛАЙТ

Спун-Ривер, ты поклоняешься Христу,
Его именем ты лицемерно закрыл салуны, —
А не Христос ли во всеуслышание сказал,
Что все, входящее в уста, проходит
В чрево и извергается вон;
А исходящее из уст —
Из сердца исходит?
И вот злые слова, лжесвидетельства,
Обман, подхалимство и взяточничество,
Смертоубийственная фальшь,
Клевета на закон и законодателей —
Исходят из уст этих людей,
Вы же слепы, точно ужи,
И проглотили верблюда, чтоб зло утвердилось
В сердце людей,
И комара оцедили, чтоб не допустить
Каплю вина в их чрево.
И я проклял вас за то, что ослепли,
И я проклял вас, умирая!

ЭДМУНД ПАТ

Прохожие! Если у вас горе,
Хорошо, если вы среди старых друзей,
Знающих ваше горе и знающих вас.
Ибо их знание вас и вашего горя
Поможет вам его вынести.
Они ласково вас поддержат
Или откажутся быть вам опорой,
Чтобы вы увидали: ваше горе, как горе.
Но вот судьбина моя, дожившего
До поры, когда мало кто знал меня

И никто не знал и не помнил мое горе.
Вот ужас души больной, одинокой
В сгущающихся сумерках!

АЙК СЭСС

Здесь, на новом участке, но рядом
С Гарри Уилмансом, павшим за честь флага,
В броске через курящееся болото
Близ далекой Манилы;
Рядом и с капитаном Киллионом,
Которого насмерть замучили раны,
Полученные в войне за Союз,
Покоюсь и я, погибший
За права малых народов,
За демократию и свободу морей!
Но Гарри Уилманс умер за сахар,
А капитан Киллион — за железо,
Я же отдал жизнь за империю
Искрометного золота.
Из могилы я обращаюсь
К парням будущих дней:
Когда услышите трубы и проповеди
О любви к Богу и о презрении к Смерти,
Не дайте себя обмануть, ибо весь этот
шум —
Урчание ненасытных утроб!

УОТСОН УОТТ

Зачем я пытался восстановить
Пошатнувшуюся репутацию,
Если среди кровожадной толпы,
Как и все, призывал к убийству

В Великой войне?
Я вновь приобрел власть и почет,
Всех обольстил красноречием,
Хотя знал, что клеветцу на правду,
И сердце мое, меня презирая,
Твердило: «Я знаю, чего ты хочешь».
А после войны и разгрома врага
Где я оказался?
В толпе спунриверских каннибалов,
В скучной провинции из провинций,
С репутацией, как у всех людей,
Принятый всеми не лучше других;
Богатый деньгами и бедный душой,
Ибо плясал и выл вместе с чернью
Из карьерных соображений!

МЭРИ БОРДЕН

Он всегда покупал сырые дрова,
И они шипели, с них капало,
Когда я старалась разжечь плиту;
Так же огонь его любви
Обжигал мое сердце до слез.
После долгой сердечной боли
Его и моей
Как не вспомнить:
Кто тебя любит, заставит заплакаться!

ЭРНЕСТ ТАЙРОН

Я проповедовал пессимизм.
Знаете, в чем тут дело?
Любовь к жизни и ужас смерти,
Кончающей и позорящей жизнь,

Вынудили меня кричать,
Что жить вообще не стоит.
Но если вы любите что-то, вы боретесь
За обладание этим, любимым.
И если вы любите что-то, вы думаете,
Что это зачем-то вам нужно.
Поэтому, разорившись в сорок,
Я снова принялся за труды,
Чтоб не подохнуть с голоду в старости;
И я вернул состоянье прежде,
Чем мне стукнуло шестьдесят.

ЛЕОНАРД ФЕЙЛС

Зачем вы зарыли меня рядом с Эрнестом Тайроном,
Пессимистом в теории?
Я был пессимист на деле.
Прогорев с моей прачечной в сорок, я больше
Пальцем не ударил о палец —
Какой в этом смысл? Никакого!
С этой мыслью я дожил до восьмидесяти,
И меня кормили жена и дети.

ЭВЕЛИНА ФЕЙНЕР

Каждую ночь целый год
Глаза раскрывались в трепещущем мраке —
И часы били два!
И метанье до света под пытками воспоминаний
Об утраченном счастье.
Мою плоть и кровь цепенит усталость —
И сон бы не спас от нее, даже если б вернулся.
И страх, как нависшие крылья стервятника:
Страх стен и высоких зданий! Страх толпы!

Страх нищеты! Страх неожиданной смерти!
Измучена, перепугана каждой мелочью.
Нет покоя! Брожу, брожу, словно
Хочу от чего-то уйти! От чего?
Прочь, бегом в приветные дали,
К старым друзьям. Нет! Невыносимо.
Вдруг я оказываюсь в кабинете врача,
Вздрогнула, когда ветер захлопнул дверь;
Где-то рядом шопеновская колыбельная.
Прочь отсюда. Скорее! Окно раскрыто.
Я на подоконнике. Жуткий прыжок!
Удар! Шарики движущихся огней,
Звездный дождь! Чернота.

СЕЛДЕН СНАЙВЛИ

Мой блудный сын! Я простил тебя,
Когда ты вернулся из Монте-Карло,
Я принял тебя, покормил и одел,
Я почтил тебя, как никогда не чтил
Эрнеста, не покидавшего дом.
Но я осознал, что мое прощенье
Проистекло от склонности сердца,
Усилившейся в преклонные годы,
Ибо всегда ты был мой любимец.
Но было ль мое прощенье благом,
Благом для истины и для тебя?
Не обидел ли я твоего брата?
Одежда ведь предназначалась Долгу,
Перстень предназначался Верности,
А пиршество, музыка и вино
Предназначались тому, кто заслужит.
Простит ли небо, которое видит
Добрый росток среди тысяч недобрых?

И кто бы спасся в единственной жизни,
Прожитой для прощенья, если нет
Ни сил, ни времени жить для правды!

ГОВАРД СНАЙВЛИ

Отец мне дал мою часть имения,
И я уехал пожить красиво,
Пить вино и любить женщин,
Сперва в Нью-Йорк, потом в Париж,
Буэнос-Айрес и Монте-Карло.
Все промотав, я вернулся домой,
Чтоб отец накормил меня и поддержал.
И что я был должен сказать? Что я прав
Или что согрешил перед ним и небом,
Бродяга в лохмотьях, которому было
Нечего есть и негде жить?
Да, он был счастлив, что я вернулся,
Я ведь любимчик со дня рожденья,
И он принял меня, накормил и одел,
Ликовал, что потерянный отыскался,
Что мертвый снова вкушает жизнь.
Но все не так: я устал от жизни,
Ослаб от излишеств, был болен, издерган
Видениями былого разгула,
Тоской по потраченным зря годам.
И все ли дело в отцовом прощенье?
Спасся ли этим прощеньем я,
Пользовавшийся его богатством,
То есть и долей старшего брата,
Я, ухоженный и заласканный?
Позор прощенья сгноил мне душу,
Доброта отца убила меня!

ЭРНЕСТ СНАЙВЛИ

Я жил дома и помогал отцу
Собирать, умножать и хранить именье.
Мой брат получил свою часть деньгами
И уехал, и всю ее растранирил.
Отец мой сказал мне в утешенье,
Что я был все время с ним — еще бы!
Я жил только дома и не собирался
Бросать отца даже ради разгула.
Зачем же отец дурачил меня
И твердил: «Все мое будет твое»?
На мою часть он кормил брата,
Не мне одежда, перстень и пир,
Не мне почет, не мне музыканты,
Не мне поцелуй и бессильные слезы.
Не мне наследство. Смерть забрала
Первым меня, и мой младший брат
Унаследовал все состоянье!

ДЖУЛИУС БРИНК

Большинство горожан осуждало друг друга,
Я осуждал самое жизнь.
Вы были верующие оптимисты,
Я же — скептик и пессимист!
Но вот как я верю в жизнь и смерть:
За множество миллионов лет
Мир из туманности стал землей.
Еще за полмиллиона лет
Антропоид стал древним греком.
Так страшно ли, что не видно прогресса
За обозримый период истории?
Чтоб человек стал человеком
И выпрямил душу так же, как тело,

ТЕОДОР ХЕЛПГОД

Незнакомец! Я умер от водобоязни,
Искусан собакой, которую думал спасти,
И той, от которой я думал ее спасти.

ПОЛКОВНИК ДЖОН КЛЕРИ

Я жертвовал жизнью в войне за Союз —
И после такого дожить до Великой войны!
Днями лежать в забвении, без мысли, страдать.
И видеть, как чудовище опустошает страну;
В пасть огромную, точно Большой каньон,
Погружает церкви и университеты,
Дворцы — равно как и тонны газет,
Тонны книг.
И слышать, как он ревет, точно буря,
И втоптывает Свободу в грязь;
И провозглашает мораль и патриотизм
Колоколами, органами, пушечным громом.
И вы называете это Республикой?
А счастье освистано, радость растоптана,
Мысль измордована, слово удушено;
А Великий Зверь поощряет и насаждает
Коварство, ложь, воровство, лицемерие.
А евнух Тупости восседает на троне
И, забавляясь, бьет мух
Свинцовым скипетром!

ПЕРРИ РАУТСОН

О детях Руссо давно позабыли,
И о нем самом бы забыли давно,
Если бы он не сдал их в приют,

Чтоб в свободное время писать книги.
Но каково, когда тебя помнят
За то, что ты бросил детей,
Чтоб выучиться играть на скрипке —
Да так и не выучился!

ДЖОНАТАН СОМЕРС НЭПП

Меня сочли безумным,
Ибо я, надев полицейский мундир,
Разогнал обед Ротари-клуба,
Где пели «Старый дубовый бочонок»,
Обсуждали дела, собирали деньги
На американских бойскаутов,
И дурачились, и дурачили
Во имя леденцовой Республики!
А нас не раз разгоняли, когда мы
Говорили о Свободе и Справедливости.
И я был заодно с Иисусом Христом —
Как считали в Иерусалиме, безумным,
Каковым я не был в Спун-Ривере!

АЛЬБЕРТ ХАСБЕНД

Со времен Афин, с тех пор как любовь
Превращена в милосердье и многоголовая
Полузмея-полуголубь взяли власть в этом мире,
Не процветала дружба мужчины с женщиной:
Виденье и пламя, союз умов и сердец,
Любованье душой и возделыванье души.
Меня посетило виденье, я выбрал друга.
Сначала люди смеялись, потом до меня
Долетел перегар отвратительных подозрений.
Я бежал далеко на Запад и скрыл свое имя,

Я обратился за мудростью к Библии
И пошел к конкурентам Мозеса Шримского,
Преемника Томаса Родса, —
Я кое-что спер на жизнь у Мозеса.
Я открыл конкурентам все его тайны,
Я скостил конкурентам часть их долгов,
Как управитель неверный в притче.
Когда же Шримский меня уволил,
Я нанялся приказчиком в лавочку —
Хозяин ее ненавидел Шримского.
Да, нету книги полезней, чем Библия,
Для тех, кто, как я, в беде.

БАРБАРА КАПРИЛЕ

Вечно две пары глаз в поединке двух человек:
Глаза дающего и глаза берущего,
Глаза покупателя и глаза продавца.
Какова цена, какова от продажи выгода?
Любимая видит всегда спокойно и ясно,
Что влюбленный, точно сомнамбула, видит звезду,
Чудо, цветок, свет.
Так ты видел меня, и я знала, что ты ослеп
От света, из-за меня вспыхнувшего в тебе.
Ты считал меня музыкой, пел меня,
Отдал мне свою душу.
Я продавалась и знала свою выгоду:
Что буду приказывать и помыкать тобой,
Носить цветок твоей любви, как трофей,
Жить твоей жертвенностью и силой —
Так я принимала твои дары,
Пока Фурии не добрались до меня
И в мертвом твоём лице я не увидела
Ничего из того, что ты мне давал
И что я в гордыне хранила.

УСЫПАЛЬНИЦА СЕМЕЙСТВА ДЕСТИНН

ОТЕЦ

Ты неприкаян
В жизни своей —
Будь ей хозяин.
Врагов на тебя
Насыляет судьба.
В сопротивленьи
Лишь приближеньи
К доле раба.

МАТЬ

Дело твое
В отказе от дела.
Уже воронье
К тебе прилетело,
На грань бытия.
Кто вызвал дрожь,
Того и возьмешь
Навеки в друзья.

МЭРИ

Твоя кровь — твоя,
Но принадлежит
И тому, кто избрал
Ее для питья
И для смешенья
С кровью своей.
Отдохни от обид,

Наркотического
Вкуси забытья.
И увидишь ту,
Не давшуюся тебе красоту!

ДЖОЗЕФ РУЭ

Движимый сознанием того,
Что мертвые хотят говорить с живыми
Больше, чем живые с мертвыми,
И имеют больше сказать живым,
Чем живые мертвым,
Я работал над психорадиографом,
Несмотря на насмешки Спун-Ривера.
И теперь отсюда я вам открою
Тайну любви и музыки
И грусть холмов и угасших дней
И скажу вам, что разбивает сердца
Музыкой и любовью,
Заставляя вас петь и любить!

ГЕККЕЛЬ ШМИДТ

О, слепые гадюки Спун-Ривера,
Которое утверждение научнее —
Что Природа беспечно транжирит жизни,
Обеспечивая выживание приспособленных,
Или что Бог предназначил для вечной жизни
Избранных и никого более?
Кто сотворил меня разумным и сильным,
Бог или Природа?
Кто сотворил Фердинанда Сиса безвольным и
слабым,
Бог или Природа?

Кто predeterminedил ему бесславье и смерть,
А мне почет и долгую жизнь?
Кто сотворил вас пресвитерианцами,
А меня сторонником Христианской науки,
Так что одну доктрину мы называем по-разному?

МОРТИМЕР КОВИЧИ

От доски до доски просмотри всю Библию
И не найдешь стиха грандиознее, чем:
«Мужчину и женщину сотворил их»!

ПРОФЕССОР ДЖОН СКОТТ

Не стыдно ли было смеяться, Спун-Ривер,
Над тем, что я любовь и надежды
Отдал недостойному сыну?
Смейтесь над тем, что достойно смеха.
Иисус заповедал ученикам:
«На путь к язычникам не ходите
И в город Самарянский не входите,
А идите наипаче к погибшим овцам дома
Израилева».
И все-таки что превратило христианство
В самое прекрасное и поэтическое учение?
Да осужденный Христом дух козлоногой Эллады!

ВИКТОР БРАЗЕРС

Многие на дороге тебе улыбнутся
И накормят тебя.
Сотни подымутся, чтоб защитить твое имя,
Кто-то одолжит денег.

Но блажен ты превыше миллионов людей,
Если в трагический час паденья,
В слепоте и муке души, неспособный думать
И даже просить о защите, когда ты мечешься
Между запертой дверью и ложной дверью, —
Чья-то рука укажет тебе выход.
Ты блажен, если мудрый и добрый друг
Придет и подумает за тебя,
Покуда ты собираешься с мыслями,
Чтоб решать за себя!

КЕЙ РАТЛЕДЖ

Я любила выпить стаканчик с друзьями,
Ты счел это за грех, Спун-Ривер.
Я любила коней и скачки
В яркий июньский день,
Ты сказал, что я играю на деньги, Спун-Ривер.
Я заступалась за всех блудниц,
Салуновладельцев и неудачников,
Ставших ворами или убийцами,
Ты назвал меня подругой порока.
Я тратила и раздавала деньги,
Ты породил почтенных прихожан
И высокомерных землевладельцев, Спун-Ривер.
Я любила говорунов, скрипачей, плясунов,
Ты решил, что я прожигаю жизнь.
Я опустилась до нищеты,
Беспомощности, слепоты, одиночества
(Все скрипачи и дружки сбежали) —
Ты сказал: вот жертва несправедной жизни —
И прошел мимо меня.
Я умерла.
Из нас кто кого ведет
В царство небесное?

КИТ КОБЕСТИЧ

Что бы с вами ни сделало большинство
Или от имени большинства,
Как бы подло ни было причиненное зло,
Как бы ни взывало оно к небесам,
Требуя загладить его и забыть,
Оно все равно триумф большинства,
И низость этого зла не приведет
Его к позору, а вас к победе.
Было ли обелено мое имя?
Был ли оправдан мой жизненный путь
И мудрость признана мудростью? Когда?
Когда я умер и время прошло!
Когда мой труд оказался полезен миру!

РИЧАРД ХАРНЕД

Золотые пчелы в сердцах фиалок,
Опьяненные звездным вином цветка,
Мелькает ящерица — мимикрия
Сотворила ее зеленой, как листья.
Изумрудный шершень глядит на миски,
Наполненные дарами июня;
Пчела флорентийского золота
В эфемерном лазурном шарфе
Жаждет плодов твоего труда,
Чтобы насытить свое потомство.
Серые мухи с акульими пастями
Толпятся за шершнями и за пчелами.
Вокруг великое пищеварение.
Природа нас превращает в сплошной
Желудок, пока человеческий дух
Не восстанет на всепожирающий дух.
Золотые пчелы! Я умер, веря,

Что все восходит к возвышенной жизни,
Что все — любовь или смерть любви;
И что если есть жизнь превыше Искусства,
То это мир, сияющий в Боге!

ЭНДРЮ УИНСЛОУ

Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.
Должны быть другие боги!

А как же Троица?

Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно.
Как? Не надо молиться?

Помни день субботний. Прекрасно, забудь
Константина.

Почитай отца твоего и мать твою! А кто мне отец и
мать?

Не убивай — разве что на войне и еще на виселице
или камнями.

Не прелюбодействуй. Прекрасно!

Хватит священного многоженства времен
моисеевых.

Не кради — разве что у филистимлян

Или беря в кабалу и наживая себе состояние.

Не лжесвидетельствуй. Так, Иегова,

Превосходило ли когда твое слово столп облачный
и столп огненный,

Твой град, твою тьму египетскую?

И в какую ловушку ты превратил море!

Не желай ничего, что у ближнего твоего, —

А как же участь народа, и громы на горе Синай,

И трубы, приведшие к завоеванью?

Я дал вам новую заповедь: возлюбите самих себя.

Добился ль я славы? Стала ль моя могила
святыней?

Поглядите на сорные травы!

УИЛЬЯМ СИМЕН

Поскольку в Библии сказано: не убивай,
Меня посадили за лекцию об абортах.
Но если течение жизни неприкосновенно
И если дать ему волю и окоротить — преступно,
То не давать ему воли — совсем преступно.
Не посадить ли парочку скучных холостяков?

ПЕРСИ КАУХЕРД

Кто трудится ранним утром?
Кто спит допоздна?
Кто выливает скисшее молоко?
Кто варит сыр?
Кто рыскал по моим хлевам
И чуть не сглазил меня?
Кто заставил меня вступить в трест
И тем самым спас меня?
Что создало Чикаго?
Удар коровьего копыта!
Все крупные молокооторговцы
Там теперь в небоскребе.
Джентльмены, я все познал
С помощью молока.
Не сравнивайте его с людской добротой!
Оно ведь жидкое, кислое или содержит
Бактерии. Гляньте на ту могилу —
Это Роско Перкапайл!

РОЛАНД ФАРЛИ

Нависший свет и не видит, и видит,
Что не видят глаза в отсутствие света.
И мысль — тоже глаза — создает из жизни

Звук, а из света души — мысль и песню.
Зренье в несправедливой тьме; она, словно урна,
Защищает от ветров мрака свечу души,
Спрятанную, как звезда, в чаше ночи.
Кто в Спун-Ривере мне хоть раз посочувствовал,
Не радовался, что я лишен дара света,
Не считал моим небом закатное море,
Не знал, что небо и море мои слились
В единый блеск, в одну далекую тайну?
Что свет, и мысль, и звук — в той сфере,
Где глаз нет и нужды в них нет!

РОБЕРТ ЧЭПИН

Вы видели, как из железной клетки
Лев смотрит куда-то над вами вдаль?
Он видит пальму, и видит львицу,
И пространство рыжей пустыни!
Вас трогает музыка или созвучье
Напевных слов?
Но если отвлечься от жизни, которая
Создала ваш характер, — трогают вас
Звуки и образы некогда виденных мест
Или, может, иных сфер?
Жизнь — клетка! Красота — виденье
Некогда пережитой воли.

ИМЭНЬЮЭЛ ТРОЙ

Я понял, что изменился сам,
Когда все изменили ко мне отношенья
И я всех утратил.
Ибо что ты есть зависит от отношенья к тебе.
Душа — это лужа, она

Отражает синее небо и белые облака
Или в ночной темноте
Сливается с лугом.
Я изменился и не узнавал себя,
И не мог возвратить себе синее небо
И белые облака ушедших друзей,
И тем самым вернуть самого себя.
И бродил по стране безвестный и одинокий,
Пока меня не вернули в Спун-Ривер,
В яму под этим деревом!

ЭЛИАС КАН

Вырежьте на надгробье связку ключей,
Кольцо, на котором ключи ко многим дверям.
Прохожий! Твои карманы полны ключей,
Которыми пользоваться запрещено.
Ты также носишь ключи ко многим дверям,
Давно для тебя закрытым.
Ты тоже хранишь ключи к запертым на засов
Домам и садам.
Ты тоже скитался с места на место,
От города к городу,
Сохраняя на память или забывая вернуть
Ключи от былых пристанищ.

РАЙТЕР СЕЛДЕН

Какой смысл дойти до грани
Постижения мудрости через страдание
И вдруг утратить мудрость
И остроту зрения
Из-за обезболивающего лекарства,
Алкоголя или Христианской науки?

Ради признания и для очистки совести,
Для спокойствия в смертный час:
Срывай листья, чтобы дойти до сути даренья,
Для обретения и обработки души.
Любовь: тусклый пыльный листок секса,
Любовь к семье: львица со львятами,
Любовь к ближнему: поиск любви к себе —
Все сорви до кристалла-монады, себя самого...
Любовь обжигает во имя истин любви,
Любовь — звезда, не луна!

ГЭБРИЕЛ БУИССОНО

Из полночи шахты с туманными фонарями
Я поднимался к черному небу со звездами,
Пока неукрепленный потолок не обрушился
И не похоронил меня под тоннами сланца
В шахте «Эквити Майнинг Компани»
Возле Спун-Ривера
(Ею владели Родсы, Фиппсы и им подобные) —
И что имеем мы в результате?
Я погиб, но я все равно бы когда-нибудь умер,
Они меня пережили, но в конце концов умерли.
И теперь они призрачными кайлами
Рубают бескрайнюю пустоту,
И ничто на них не обрушится,
И ничего они не добудут!

ГЕРМАН СЕНСЕЙЛ

Отчего, Спун-Ривер,
Ты даешь свободу печатать,
Бесконечно, всегда и везде печатать
В брошюрах, газетах, книгах, журналах,

Правительственных отчетах
Об экономике, гигиене, диете,
Обо всем, относящемся к желаньям желудка,
Будь это просто еда или жилище
И все, относящееся к желаньям желудка, —
И ты запрещаешь печатать свободно и честно,
И сам скрываешь, темнишь и лжешь,
Когда речь идет о желанье могущественней,
Чем желанье желудка, —
О желанье пола,
О тайных восторгах или несчастьях?
Союзах или разлуках?
Ты хочешь и процветанья и счастья?
Свободно печатай об экономике пола,
Равно как об экономике хлеба!

ПРОТОПАПАС ДЕМАС

Я держал фруктовую лавку в Спун-Ривере.
Я видел в конце улицы прерию,
А не Гимет.
Я выходил к местной речушке
И не видал Фалерон под Олимпом.
Я натурализовался в Спун-Ривере.
Мною правили турки и персы,
Проповедники, моралисты и торгаши.
Я с ними не спорил ради коммерции.
Но вам я скажу: сколько бы ни разжижалась
Кровь в жилах детей Гомера,
Она все равно ярко-красная, по сравненью
С кровью детей Э.-Д. Блада!

ЭМБРОУЗ САЙФФЕРТ

Мы губим годы, мы губим души,
Чтоб осознать нечто простое —
А этому нас нелегко научить!
До того как она приехала
В Буэнос-Айрес, оставив детей,
Оставив детей, чтоб оставить мужа —
Только из преданности мне;
До того как она возвратилась
К дверям позора, под крышу раскаянья, —
Ее преданность мне смотрела слепыми
Глазами друга, но я оценил
Ее преданность мне, лишь утратив ее.
Оценил ее преданность! Как оценивший свет,
Когда света нет, и он спотыкается,
И падает, непоправимо калечась,
И оплакивает утраченный свет!

ГЕНРИ ХЕД

Знаете, почему я в компании
Всегда сидел и молчал, и поглядывал,
И редко-редко ронял слово?
Я всегда помнил о том,
Что отбывал срок в Нью-Гемпшире
И что вы можете это почувствовать.
Я был словно два человека:
Один — еще заключенный,
Со всеми тюремными тайнами,
Другой — призрак, пришедший к вам
Из тюремной смерти.

СЕЛЬМА ЛАНСТРУМ

Я работала официанткой в «Фултоне»,
Он — кондуктором электрички
На линии Чикаго — Спун-Ривер.
Я ездила часто, и мы познакомились.
Он был такой добрый и понимающий,
Он обращался со мной, как с дамой,
И глядел на меня так ясно и чисто,
И ступал по вагону так твердо и прямо.
Казалось, он был настоящий джентльмен,
Только что не на своем месте.
И я полюбила его на всю жизнь.
Когда он исчез, я лишилась сна.
Через много лет, увидев портрет
В журнале, я вскрикнула так громко,
Что муж встряхнул меня и подозрительно
Спросил: — Кто это? — Кто? — сказала я. —
Это Кнут Гамсун, известный писатель.

ЛЕЙТЕНАНТ МАКГРУ

Искалеченного орла изваяйте,
С простреленной грудью, на горной вершине!
В тот июньский день, рассекая наплывы тумана,
Я скользил по льдинкам клубящейся пены
Высоко, в выгоревшем на солнце небе,
А поля и луга вокруг Спун-Ривера стлались,
Как лоскутное желто-зеленое одеяло,
А река казалась полоской фольги —
Вдруг замерло сердце: замер мотор!
Тишина! И машина моя оседает,
Как скакун, готовящийся к прыжку,
И входит в штопор!

И неуправляемой массой стали
Крушит деревья в роще Сивера!
А после могила рядом с отцовской —
Он бултыхнулся вниз, вниз,
В гудящий мрак водонапорной башни,—
Надо мной изваяйте орла!

ЛУИЗА ХИДИН

А мне херувима! Я вся — голова и крылья,
Обнимавшие меня, словно руки.
Что было сердцем моим? Голова.
А порывы мои — разве не беспокойные крылья,
Раскрытые в ожиданье полета
На голос любви, на страстный призыв апреля?
Я искала весну, мою весну,
И нашла, и в то же мгновенье вспорхнула
С цветов, ибо мне было виденье:
Листья неба между листьев сирени,
Небо под крыльями, в небе вверху поцелуи
С закрытыми от страсти глазами.
Я воспарила к губам неба,
Но сломала крыло о веточку, и упала
В гнездо из корней и трав, и лелеяла боль,
И скорбела о недостижимой любви.

ЭММЕТ БЕРНС

Прохожий! Знаешь, кто самые ловкие проходимцы
И самые совершенные деспоты?
Те, кто определяют: «Это добро, это зло» —
И восходят к престолу того, что зовут добром,

И затем ограждают добро законом.
Как победить эти пустые душонки?
Прими мой совет, прохожий:
Будь молодым и мудрым,
И безразличным к добру и злу...
И творимым людьми законам —
Ищи истину
И умри!

РОЛЛО СИМОНЕ

Ты думаешь, тайные беды твоей души,
Грехи, совершенные против природы, —
Скрытая ненависть, зависть, ложь, недоверье,
Страх, леность, презренье к борьбе,
Признание слабости и поражения, —
Что все это неизвестно?
Ты думаешь, эти грехи, столь ужасные,
Что ты стыдишься признаться в них,
А раненый слишком слаб, чтоб сказать о них, —
Что все, тобой совершенное против друга
Или любимой,
Останется неизвестным?
Каждый грех станет известен!
Ибо каждым грехом
И каждым раскаяньем в грехе
Ты испещряешь свое лицо,
Так что все видно тем,
Кто грешил, как ты, и читает следы греха!
И чтобы выгородить себя,
Они тебя разоблачат:
О том, что творилось в тайне,
Будут кричать с кровель!

МАЙНЕТТ ГЕНДЕРСОН

Я пошла за него, зачарована его славой,
Не зная, что слава его тускнеет.
Я пошла за него, хотя он был седой,
За зрелость его, хотя он был бедный.
И его друзья приглашали нас в гости,
И ведьма-прелестница нас пригласила
В свой раззолоченный особняк —
Она ведь была из его друзей!
Но я поняла: его лучшие годы
И слава лучших его лет
Были отданы этой женщине;
И я поняла: она все получила
И велела ему жениться на мне.
И вот я — гостя в ее доме!
Я пошла в ее спальню, и разрыдалась,
И выплакала свое сердце!

КРИСТОФЕР МЕРРИАМ

Вы осуждали меня, друзья Спун-Ривера,
За то, что я оставил отца, мать и братьев,
И позднее жену,
Обвиняли меня в небреженье родной плотью и
кровью.
Но это была оценка и порицание
Той нижней ступенью родства,
Которую видит глаз
И не видит дух.
Разве Христос не сказал: «Кто мать моя
И кто братья мои?»
И ответил: «Кто волю его исполняет,
Ему мать и брат...»
То есть те, кто жил, как он,
И понимал жизнь, как он!

БЕНЕДИКТ ПИРБОЛТ

Можете не собирать плодов терна —
Но разве терн бесполезен?
Не терновые ли венцы на искупителях,
Освящающих и спасающих мир?
Можете не собирать плодов репейника —
Но я видел, как пух его пролетал
Над садом, в котором плоды опавшие
Тупо гнили в тающей сахаристости.
О легкокрылые мысли, вы сеетесь
Над землею для повсеместного урожая —
Буду ль я судить о растении по плодам,
По плодам, каких я хочу?

ЭМЕРСОН КЛИНГМЕН

Вы, ищущие друзей или друга,
Уверены вы, что сами годитесь в друзья?
Вот я стремился заполучить в друзья
Человека, которым давно восхищался.
Я подобрался к нему и взял его за руку,
И он меня не отверг.
Оказалось, что он нуждался во мне
И ждал меня.
Но я предал его —
То ли душой был зыбок,
То ли утратил к нему интерес,
Ибо встречал ежедневно, и он лишился очарованья.
Я не имел права искать его дружбы,
Если не мог быть другом ему до конца!

УЭЙЛЕНД РИД

Каким путем идти в лесу нашей жизни?
Я заблудился в поисках Эльдорадо
И Красоты, и брел глубоко в дебрях,
И вышел к тропинке. Но что такое тропинка?
Полоска земли, утоптанная другими.
Душа и мечтала вести себя, как вели
Другие души, утратив путь жизни в лесу.
Что осталось? Долг. Безлюбый, бесплодный и
тяжкий;
Ибо сама Красота превращается в долг,
Если ты обладаешь и Красотой и мужеством.
Долг — тропинка! В ложных мечтах, в час слабости
Ты идешь к подражанию, идешь к чужому пути.
Не лучше ль сквозь тернии, во мраке судьбы
Пробиться к пути, предназначенному для тебя,
Чем по чьим-то стопам выйти к болоту, —
Ибо кто повторит свой путь?

ОТЕЦ УИЛЬЯМ ШИПЛИ

Вы знаете, кто я был, о юные бунтари?
Ваши чувства и мысли утратили благообразие
И, словно осколки зеркала на шатком полу,
Не отражают ни неба, ни здешней жизни.
Вспоминали вы обо мне, усталом вестнике мира,
Служителе дома Господня,
Растворившемся в Господней любви?
Вы знаете, как я жил на подачки друзей,
Посещал больных, утешал угнетенных,
Проповедовал милосердие, всепрощенье, любовь,
Как я вел паству в приют небесный?
И меня зарыли в жалкой могиле и позабыли,

За пятьдесят лет земля осела и поросла
сорняками —
Так знаете вы, кто я был?

ДЖОН БАССИ

Роберт Фултон Тэннер!
Тебя укусила крыса, когда ты
Демонстрировал новую крысоловку,
И для тебя крыса в ловушке
Стала символом жизни твоей
И жизни всего человечества.
Встань из могилы, взгляни на мой камень
И на сочиненную мной метафору:
Жизнь не ловушка, а колесо,
И ты в ней не крыса, а белка.
Ибо крыса в ловушке только дрожит
В ожидании кошки или помойной бадьи,
А белка счастливая бегаёт в колесе,
Которое помогает ей бегать!

ЭДМОНД ДАНТИНО

Смотрите, как муравьи, и птицы,
И белки, и чудища моря и суши
Калечатся, и попадают в ловушки,
И губят друг друга в вечном процессе
Добычания и накопления пищи.
Но человек! Ты же губишь душу
За скромный прокорм, как Лайла Прентис,—
Она вышла за старика ради денег
И потом тосковала всю жизнь о любви;

Как Джон Оделл, который способность мыслить
Променил на способность делать деньги.
Как я, который почти достиг
Голубого неба и звездных высот,
Но вынужден был спуститься в долину,
Чтоб не умереть в пустынных снегах,—
Ибо мой рацион иссяк!

У.-О. МОРРИС

В начале Бог сотворил небо
И землю;
А я родился, когда я родился,
И умер, когда умер,—
Оба сообщения стоят друг друга!

РЕДЖИНАЛЬД ПЕЙН

Ты бессмертна, Амеба,
Не глядишь ни назад, ни вперед,
Скупое довольство в лучах солнца!
Но если б ты каждый день проживала все дни
прошлого
И носила б его, как котомку, тянущую назад:
Страданье по Красоте утраченной или
ненайденной.
И если б ты каждый день проживала дни будущего,
Тщетно стараясь из завтрашнего эфира
Изваять фигуры победы или восторга,—
И если б жила ты и сегодня, и завтра,
Переживая текущий день,
Была бы ты бессмертной, Амеба,
Ты не устала бы жить?

УОРРЕН СУИНБЕРН

Одни плывут по теченью
И выходят в камыш или болото
Или, с тем же успехом, в рай пурпурных флагов.
Другие стремятся против течения,
Но выходят на берег у быстрины поворота.
Лишь немногие заплывают за мыс
К верховьям реки.
В следующем воплощенье, Судьба,
Дай мне мудрость плыть по теченью
Или, может быть, через реку
К желанному приюту.

РОБЕРТ КАРПЕНТЕР

Ты была доброй почвой, мама моя,
Мэри Вулридж, —
Зачем же ты разрешила худому отцовскому семени
Прорасти в такой почве?

КЕННЕТ ХЕЛЛХЕЙК

Прохожий, ты до конца своего не знаешь,
Чему в тебе суждено распуститься,
Чем ты станешь: красным цветком или желтым,
Ядовитой колючкой, ядом или благоуханной розой.
Посмотри на меня: в сорок — друг бедняков,
Защитник слабых, сторонник непротивленья,
Я жил жизнью простой и щедрой,
И даже не знал, что так люблю похвалы,
И даже не знал, что так люблю деньги.
Обстоятельства переменились. А я разучился
Жить без похвал, и я изменил убеждениям.

Разорен неудачным вложением капитала,
Я грызся за деньги и, надо думать, казался
Не простым, светлым, возвышенным, благородным,
Не огненным столпом для народа,
А вывескою ломбарда или цирюльника;
Бродяга-душа в драном линялом пальто
С заплатами преданных чувств и убеждений,
Зато облигации и акции в сейфе
Покоятся до времени, до которых в юности
Я мечтал не дожить!

МИННИ ЛИ

Чем я отличалась от вас,
Женщины Спун-Ривера?
Не все ли вы отвлекали вниманье одной рукой,
А другой вытаскивали из кармана деньги?
И правая рука не знала, что делала левая,
И общество ничего не знало,
И даже жертва...
Допустим, вы проделывали это дома,
А я в салунах.
Допустим, вы проделывали это с мужьями,
А я с деревенщиной,
Которая, распродавши скот, толчется по городу,
И карманы набиты двадцатками.
Чем моя нравственность отличалась от вашей?
Я пользовалась дарами животного магнетизма,
Как и вы.

ЭММА СЕРВИСС

Канадский чертополох — это Ненависть,
А пустырь в сорняках — это Алчность,
А вьюнок, удушающий дуб, — это Зависть,

А ползучий пырей — Себялюбие.
Зато старомодный розовый куст
Благоухает в дождливый день —
На радость себе и соседям,
Он — открытый дом, и открытое сердце,
И рука, что готова ссужать и служить.
Приятно в смертном сне увидеть,
Что надо мной начертали соседи:
«Она была добрым другом».

БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН ХЭЗАРД

Ты выстроил новое зданье суда, Спун-Ривер,
Ты клал камни на камни —
Что скрепляло их между собой? Только известь?
Ты вывел арки и крестовые своды —
Что держало их? Строительные матерьялы
Или расположение матерьялов согласно законам?
Кто создал законы, кто заставил тебя,
Даже если ты не желал ни света, ни воздуха,
Не делать комнат каменными мешками?
О чем я, некогда проповедник всего американского?
Я бью по американскому, по законам и конститу-
циям.

Можно ли создавать законы и конституции,
Не учитывая притяжения душ?
(Это то же, что арка без ключевого камня,
Комната без окна.)
Не должно ли их создавать согласно законам души?
Что есть Закон, конституция или закон души?
Что значит быть американцем?
Это быть афинянином, атлантом:
Гармоничным, свободным, веселым,
Простым, справедливым, мудрым
Поклонником мира и красоты,

Врагом предрассудков и любителем знаний,
Другом природы и счастья, дарованного
добродетелью,
И творцом новых богов в образе совершенной
мечты
И любви!

ЭМИ УЭДОН

Наши цветы побил мороз,
Черное тленье свело их в землю.
Остался лишь дух гниющих стеблей
И запах жирной земли,
В которую мы сажали цветы:
Нашу любовь и верность друг другу,
Наши надежды и наши труды.
Мы тщетно возвращали цветок жизни.
Любимый, как мы продлевали жизнь нашей любви!

ГЕНРИ БЕРМАН

Голоса мне шептали:
Не отступись, будь богом!
Праведным среди неправедных,
Честным среди бесчестных,
Милосердным среди жестоких,
Искателем красоты среди
Поножовщины, ненависти и помоек;
Видящим ясно среди бельм
В слизи и грязи.
И еще, Спун-Ривер, слегка бесполезным,
Чтоб стать богом среди дикарей...
Слегка бесполезным, слегка!

ФЛОЙД ХЕЙВУД

Над капитанами и командирами,
Над героями с пушками и винтовками —
Статуи и раззолоченные гробницы.
А воевали они со Страхом,
Отвращеньем, Ненавистью, Самоуничиженьем,
Разочарованьем и Всеобщим Пренебреженьем
к миру —
Как мы, безвестные и ненагражденные,
Чьи тела лежат под скромными плитами?
О тех трубят на сотнях страниц,
То же, что мы завещаем, написано
На таком языке, что прочтет лишь мудрый.

СТИВЕН СПОЛДИНГ

Ты задумывался, прохожий,
Что все законы, все заповеди
Основаны на запретах
И служат для усиления
Отвратительной лжи в судах,
Клеветы, отлучений, изгнаний —
И стараются сокрушить,
Подчинить себе и уничтожить
Многообразье живой жизни?
А если какие-то из запретов
Предназначались в поддержку
Великого повеленья «Люби ближнего»,
То они остались благими намереньями
Из-за ненависти и борьбы запретителей.
«Не сотвори себе кумира»
Залило мир кровью.
«Люби ближнего» не омрачило
Ни единого взора печалью!

РОБЕРТ СИНСИР

Я построил дом своей жизни
На камне несокрушимой воли,
Чтобы его не смыло дождем
Сожалений о загубленных днях
И разливом рек неправедности,
Но меня погубило землетрясение:
Нельзя целиком полагаться
На людскую силу и волю
И на Господни заповеди.
Надо было строить дом на песке
Избирательного здравомыслия.

ДЖОЗЕФ УИЛОК

Вы не знаете, судьи, или вам все равно,
Что я, Джозеф Уилок, вагонный вор,
Делал то же, что делают капиталисты,
Что я действовал по наущению,
В подражание и согласно воображению.
Разве банкир, которого я убил и ограбил,
Не ограбил весь город на выдаче ссуд?
Разве об этом не голосили газеты?
Вы же его оправдали.
А как вы старались меня повесить:
Обещали соседу по камере освобождение,
Чтоб он втерся ко мне в доверие
И выпросил все подробности!
Ваш закон — это ваша воля,
Она гнет и ломает настоящий закон.

ОТЕЦ ЛЕОНАРД ХЭШ

Вы, проповедники, методисты, баптисты,
Кемпбеллиты, пресвитериане и прочие,—
Вы понимаете, кто вы такие?
Вы траченное червями семя Исайи,
Гейне, Шелли и Браунинга;
Вы чахлая поросль прекраснейшего цветка.
Вы выродки наизнатнейших родов.
Вы мелкие души, кряхтящие под непосильной
Ношей великих деяний, видений, мечтаний;
Вы превращаете их в прописи,
Утаивая и искажая их неподдельность.
Вы не великие души,
Вы не утверждаете веру
В жизнь и ее проявления,
Не претворяете их в Красоту...
Я понял это, когда изменил жене,
А потом вышел на проповедь!

ПИТЕР РАЙАН

Что навлекает последствия, сам поступок
Или ненависть, вложенная в поступок?
Я процветал, я был власть имущий
И верил, что за причиненное мне зло
Могу наказать партнеров, уйдя из фирмы,
И я ушел.
Я ушел, и дела запутались.
Но как же несправедлива судьба!
Подали в суд на всех нас,
На меня же особо восстали враги,
Как друзья моих бывших партнеров...
И наконец, одиночество и нищета,
Я рассказывал всем, что из фирмы меня выжили.

Но как бы ты ни твердил, что тебя заставили,
То, что вложил ты в поступок,
Дает результат, и ты делишь со всеми —
Нет, берешь на себя все худшее!

УИЛЬЯМ МЕРРИЭМ

Мы приносили друг другу любые жертвы,
Мы друг за друга сносили любые раны.
Мы укрепляли нашу любовь разлукой,
Мечтами, разочарованиями, встречами,
Воспоминаниями о днях и ночах,
Воспоминаниями о взглядах, улыбках, слезах —
Любви мы отдали все.
Мы щедро удобрили почву жизни
Для цветенья любви,
Но были уже не в силах взрастить цветок
И наслаждаться цветеньем.
Какие приготовленья! Какой жалкий конец!
Если только нельзя готовый цветок
Пересадить на небо!

МИРТЛ РЕКЕР

Для чего брак — ради детей?
Так она же была бесплодная.
Для чего брак — ради восторга страсти?
Но он ее ненавидел.
Для чего брак — ради уютного дома?
Она такая неряха и соня.
И годами он находил у меня
И страстный восторг, и домашний уют,
И я рожала ему прелестных детей.
А потом наш секрет раскрылся,

И наши снимки попали в газеты.
Восстало Человеколюбивое общество.
И по суду отобрало моих детей,
И заперло их в сиротский приют.
Его по доносу арестовали,
И вернули домой, и заставили жить с ней.
В знак протеста против растленного мира
Я приняла яд.

МИССИС СИНДИ ЛЕЙН

Унизительно в церкви среди прихожан
И во всей нашей милой округе
Слыть нелюбимой женой.
И если бы он продолжал по-прежнему,
Бросил работу, и жил на свои сбережения,
И содержал эту девку, Миртл Реккер,
Мог бы настать день,
Когда бы мне не хватило на хлеб
И никто обо мне бы не позаботился.
И вообще он был мой, мой!
И я знала, что если его арестуют,
То разорят любовное гнездышко
И заставят его вернуться домой.
Что незаконные дети — это грех.
И мне наплевать, что эта бесстыдница
Приняла яд.

ПРАЙАМ ФИНИШ

Я лежу, надо мной змея,
Свастика и треугольник —
Искатель мудрости и борец за братство
Всего человечества,

Один из сынов Божьих.
Разве Иисус был единственным сыном Божьим?
Если да, почему не сказал ничего своего?
Почему всегда цитировал книгу Отца,
Который сам цитировал Хаммурапи,
И повторял Конфуция, Мэн-цзы и Будду?
Если Иисус был сын Божий, почему он не написал
книгу получше,
Чем Ветхий завет или Книги Апостолов?
А поэтому можно ль меня осуждать
За подбор и соединенье цитат
Под символом змеи, свастики и треугольника?

ДЖОН МИСДЖА

Столько путей, но какой из них лучший:
Обрести весь мир и потерять свою душу,
Обрести часть мира и сохранить часть души —
Непременно ту часть, которая мучится совестью,
И назидает, и мучит.
Но потерять весь мир и обрести свою душу,
Вольную, чистую, устремленную
К высоким истинам и свободе,
И заплатить одиночеством и нищетой —
Вот что значит жить правдой
И окончить жизнь в богадельне, как я
И как все, обретающие свою душу!

ЭНДЖЕЛА СЭНДЖЕР

В марте искрится снег на карнизах,
Острия сосулк горят алым пламенем
И гремят хризолитовой барабанной дробью;
Сугроб белого облачка над деревьями,

Сгибающимися под ветром из желтой лощины, —
И снова ко мне приходит мечта о саде.
Я брожу среди ржавых стеблей подсолнуха,
И что прошлогодние заморозки и отравы!
Я бы вновь посадила все ради счастья выращивать:
Зерна ли жизни или цветки красоты,
Каждой весной неутомимым сердцем
Мечтать о цветенье любви, быть свободной
От забот, измен и сомнений, которые губят
Листву, потянувшуюся к румяному солнцу!
О сад, я живу тобою! О почва сердца,
Ты стала богаче от палой листвы надежд!
А мне достает только сил бороться по веснам
С голубой небесной дрожью мечты!

ДЖЕЙКОБ МОРДАНТ

Я с затаенным восторгом грезил
О богатстве и особняке,
И себя не жалел, и на всем экономил.
В пятьдесят у меня были полные сейфы
И новенький особняк,
И я сказал: — Душа, отдохни,
Тебе хватит пищи на много дней. —
И в этот миг я хватился души:
Я не радовался ни богатству, ни дому
С той душой, что осталась,
Когда я их раздобыл,
И без той души, которую потерял!

ДЕТИ ЧЕТЫ ПОНСИ

Здесь мы впятером,
Дети Уильяма и Джейнис Понси.
Все без имен: никто не прожил и дня —

Трое умерли через час,
Один через два, еще один через пять.
И все надгробья одинаковы —
Дата и имена родителей,
И в круге над ними
Страстоцвет, поникший на сломанном стебле.
Почему старая дева Зетта Таккер
Так часто становится здесь на колени
И смотрит на нас, и смотрит?

ЛАУРА САНТИНИ

Ему было лет тридцать пять,
А мне пятнадцать —
И он не сводил с меня глаз
При каждой случайной встрече.
Однажды в глазах его я распознала
Виденье небеснейшей красоты.
Поняв, что он так зачарован
Простою смертной, как я,
И вспомнив о дырке в чулке,
Я ему улыбнулась.
В этот миг я поняла, почему
Беатриче тогда улыбнулась Данте!

РОБЕРТ ЧЕЙН

Есть два способа жить,
И я испробовал оба:
Первый — жить как живется,
Жить, словно чайка, и не мечтать,
И, словно чайка, летать над волнами,
Вылавливать рыбу и вить гнездо!
Второй — я стал в себе взращивать

Новые мысли и выплыл на берег,
И плавники обменял на ноги,
Но почувствовал, что впереди неуютно,
И, проклиная свою усталость,
Вновь изменился, чтоб обновиться,
И потерялся!

ХЭГАРД ПИЛЬБЛАД

Внимите, безбожники, и пантеисты,
И бедняги сентименталисты,
Рассуждающие о Боге любви:
Де как бы ни был плох человек,
Он не сотворил бы вечного ада,
А сотворил его Бог любви
И обрек на вечное наказание
Несчастных детей людских!
Безмозглые! Разве Бог любви
Не создал Жизнь и Вселенную?

ДЬЮЛЕНИ ЛЕВЕРИНГ

Что бы ты обо мне ни думал,
Спун-Ривер,
Никто не может вслух заявить,
Что я не прожил свою жизнь
С безропотным долготерпением,
А вы помогали друг другу?
Несли ли вы крест Христов?
Не жаловались ли на свой крест?
Это ведь он сказал:
— И кто не несет креста своего,
Не может быть моим учеником.

ФРИМОНТ ФЛЭК

Вырежьте веретено,
Чтоб наматывать на него мои кишки,
Как это делали в дни инквизиции.
Кто вращает веретено?
Вы не знаете? Отпустите!

ИГНАЦИУС МАРЛО

Бросьте орла к воронам в тюрьму —
Им неведомо то, что известно ему;
Он поклекчет от тесноты темницы,
Он посвищет, когда его дух омрачится.
Отпустите его на волю к орлам —
Как он крылья расправит в полете орлином,
Когда молния твердь рассечет пополам,
И вершины гор воззовут к вершинам!

ВИКТОР ЧЕЙМБЕРС

Когда твой план спасенья отвергнут
И сам ты отвергнут его отверженьем,
Можно пойти по двум дорогам:
Первая — пить и залить горе,
Вредя лишь себе, если это еще ты.
Другая — позволить горечи отверженья
Вооружить твою душу злобой
И подстегнуть тебя на утвержденье
Новых законов, мер, наказаний
Для отмщенья отвергшему тебя миру.
Спун-Ривер, я был таким
И маской борьбы за общее благо
Прикрывал кипучую ненависть.

ЧЕНДЛЕР НИКОЛАС

Каждое утро я принимал ванну, и брился,
И наряжался.
Но никто из ближних не радовался
Моей чистоплотности.
Каждый день я гулял и дышал свежим воздухом
Ради здоровья,
Но что мне с ним было делать?
Каждый день я развивал свой ум
Размышленьями и чтением,
Но с кем мне было делиться премудростью?
Ни народного собрания, ни биржи идей
В Спун-Ривере.
Я искал человека, меня никто не искал.
Полезный познаниями, но бесполезный,
Я был прикован к Спун-Риверу,
И орел клевал мою печень,
И сам я съедал себя!

НАСТ НИКОЛАС

И правда, которую я открывал,
Оказалась неправдой.
Все мои пророчества бедствий и горя
Не исполнялись,
Все, кого я разоблачал,
Устояли и сегодня сияют
Незапятнанной белизной.
Так ли плохо быть позабытым?
Мир помнил бы обо мне, что я
Все видел криво и нес чепуху.
А так оно лучше... лучше.
Забвение — верный и добрый друг.

АЛЬБЕРТ ТЕРСТОН

Кто живет, где живет орел?
Ящерица!
Ящерица скользит у орлиных лап.
Кто живет, где живет орел?
Змея!
Змея свернулась кольцом у гнезда!
Кто парит, где парит орел?
Стервятник!
Коршун!
Но кто увенчан планетой рассвета
И обнимает горные пики
Золотыми от солнца крылами?
Орел!

ЛОТТИ ЧИПП

Одна я такая рабыня, чье платье забрали
В доме позора?
А мать, убивающая за хлеб?
А бедный священник, предавший веру
Ради семьи?
А автор передовиц, привыкший лгать
И слишком старый, чтобы сменить профессию?
А некоторые из ваших великих писателей,
Неспособные бросить привычный комфорт?
А издательницы, блестящие эксплуататорши,
Владелицы прав на книги и платье нищих
писателей?
Все или живут или правят в доме позора —
У всех отбирают платье!

КОВИНГТОН ЧАНС

Убийца! Безжалостный Дьявол!
Он разыщет вас и убьет,
Где бы вы ни были, что бы ни делали!
Я бежал от него, устал и уснул,
И он застиг меня сонного,
Явился, как тать в ночи.
Внезапно открыв глаза, я увидел,
Как кто-то вошел, повернулся спиной,
И тихонько припер дверь,
И сунул ключ себе в плащ.
На нем было трико в обтяжку,
Все в черных и красных ромбах.
А плащ, свисавший с плеча,
Был усеян знаками зодиака,
Скарабейми, агнцами и крестами,
Факелами и амарантами.
А на глазах черная полумаска,
Точно у палача.
От внезапного страха я сел в постели,
Готовый сопротивляться.
Но он пал на меня, как облако дыма.
Мрак и серебряный блеск кинжала!
Краткая боль — и все!

УИЛБЕР НОБЛ

Если друзья и супруги ссорятся
И вновь любят друг друга
В изменившихся до основания обстоятельствах,
Неужели вы не поймете, как я,
Простреленный многими пулями в битве при Шайло
И умиравший в плену,

Испытал порыв высочайшей любви
К вражескому солдату,
Который перевязал меня и утешил?

ВИРДЖИЛ ЧАББ

Было ли мне легко сочинять стихи
Согласно моим воззрениям
И несмотря на волю жены, навязывавшей
Свои убеждения и предрассудки,
Так, чтоб ее влияние не сказывалось
На результатах моих трудов?
Было ли мне легко терпеть врага,
Которого я был должен кормить?
Если все это лишь испытанье характера,
Которое надо сносить с гордой улыбкой,
То каково для взысканья с меня алиментов
Лишиться в суде всех гонораров?
Мало? Добавить еще? Пожалуйста!
Хотели бы вы, чтоб жена вас пережила
И издала собрание ваших стихотворений,
В котором нет ничего,
Что выражало бы воззрения,
И в котором есть только то, что она
Заставила вас написать?
Вы перевернетесь в могиле
Или презрительно улыбнетесь?

МАЙЛО ФОРНШЕЛЛ

Я выступал за доктрину, которая
Обеспечила бы прогресс и свободу
Городу, штату и всей нации:
Управление большинства

С наибольшим знанием и пониманием.
Но вас утомил гром сковородок
И прельстили возвышенные посулы —
И вот управление меньшинства
С наименьшим знанием и пониманием.
Ваши чиновники и нотариусы
За ниточки дергают марионеток,
Заседающих в вашингтонской конторе,
И мэры пляшут на Филиппинах,
И губернаторы — в Техасе.

ДЖОЗЕФ НАЙТИНГЕЙЛ

В годы юности я штудировал
Статистику, политэкономия, управление
Железными дорогами и коммунальным хозяйством.
Мое преклонение вызывали
Маркс, Энгельс, Лассаль, Альтгельд,
Реформатор Шелли, мученик Джон Браун —
Равно как и авторы ходких брошюр о налогах,
Запрете спиртного и радикальных реформах.
Я помыслить не смел, что фанатики
Царства Божия на земле
Отстаивают не свободу,
Но идею, которая ими владеет.
Прошло двадцать лет, и все изменилось:
Статистика оказалась неверной,
Политэкономия с годами поблекла,
Вскрытое ими зло постепенно исчезло —
И я увидел, что истина — это Искусство,
А не факт, аргумент, цифра,
Не борьба с богачами, не законодательство.
Одно Искусство могло бы меня утешить,
Если бы я достаточно разбирался в Искусстве!

МЕРРИТ ЛАРКИН

На портрете в Публичной библиотеке
Я мудрый и сильный,
Удачливый и счастливый,
Словно живу цельной и гармоничной жизнью.
Но если вы различите в лице самого Бетховена
Пустячное раздраженье и мелочные заботы,
Ежедневную пытку, которую избобличают
Божественный лоб и властительные глаза,—
Тогда вы легко поймете, что мой портрет
Скрывает множество неудач
И возрастающую ничтожность моей жизни!

ЛЕО ГОЛЛИЕН

— Я росла без матери, и я пала,—
Подвела итог Альта Данс.
— Я рос без матери и возвысился,—
Подвел я итог моей жизни.
Ибо родные — цепкие корни
Растенья, живущего собственной жизнью.
А мать — это жизнь, отжившая срок
И вливающая в тебя свою кровь.
И я перерезал свою пуповину,
И бежал, и пал, как и Альта Данс,
И возвысился после паденья,
Обрел себя и восторжествовал!

МЭРИ НОУЛЕН

Дети на школьном дворе начинают
Говорить и тревожить друг друга этим.
Девочку или мальчика ежедневно терзают,

Тыкая пальцем и хихикая над этим,
До самой кончины тянется это.
Ничто не способно так оскорбить
И так повредить, как рассказ об этом.
Женщины дарят это, над ними глумятся
Получившие это — и заодно весь город.
Платят деньги, чтоб не болтали об этом.
Дерутся и убивают из-за этого.
Завещания составляют и отменяют из-за этого.
Пожимают плечами, смеются, судятся из-за этого.
Доброе имя и состояние гибнут из-за этого.
Половина всех бед человечества из-за этого.
Что же такое это, если оно порождает
Стыд, страх, насилие, погибель, смертоубийство
По всей Америке?

РАФАЭЛЬ ЧЕРНЕТТИ

Я вымыл полы доктору Пепперу,
А он не хотел мне платить,
И, не зная, что это подсудно,
Я послал ему на почтовой открытке
Требованье об уплате.
Что ж, меня осудили и посадили,
Но я апеллировал и победил,
Потому что судья ошибочно
Сформулировал мое обвиненье,
Тем не менее я разорился и умер.
Незнание законов не спасает
Никого, кроме судей.

ОСКАР ФЕЛЛОННО

Совершенство Творения! Глаз не слишком зорок.
Червеобразный аппендикс излишен, опасен!
Секс! Женщина — пламя
Из вулканических жерл природы;
Мужчина — лучинка, вспыхивает и сгорает,
Миллион миллионов трагедий!
А я одряхлел плотью,
Но сила страсти меня сотрясала,
Пока я не спятил, пока в отместку
Природе и моей собственной немощи
Меня не застигли за стыдным делом.
Ты совершенна, Природа,—
Если считать, что трагедия человека
Не вредит твоему совершенству!

ДЖЕЙКОБ ФАРМЕР

Барри Холден! Первая жертва
Спунриверской виселицы!
Мог я, мальчишка, подумать, слушая
Рассказ отца о тебе, убийце,
Что я пойму тебя, что петля
Завязана для таких, как ты и я.
Медленного убийства не замечают,
За быстрое убийство карают.
Медленное убийство вне поля
Зренья суда, глядящего через трубку закона
Прямо в лицо убийце.
Негодяй, которого я прикончил,
Выжидал, следил, оговаривал и ловчил
И, наконец, заграбастал мою ферму

Согласно закону и вопреки справедливости.
Я же, как загнанный волк,
Растерзал охотника!

ОГАСТ МЭТСОН

Я был шерифом Спун-Ривера,
При мне повесили Джейкоба Фармера.
Я наблюдал, как люди загодя
Жадно ждали ужасного часа,
А газеты, как тигры, жаждали крови.
В тот день у тюрьмы собрались толпы,
Жаждавшие взглянуть на повешенного.
Джейкоб Фармер в могиле,
Убийство в сердце его угасло;
А вы, спунриверцы, вы звереете,
Прячась за масками Справедливости и Закона,
С холодной, расчетливой злостью вы требуете
Новых повешенных.
Из-за Джейкоба Фармера вы озверели
И напрашиваетесь в убийцы
Убийц, еще никого не убивших!

ЛИ ДИКИНСОН

Внемлите, дети мечты и нужды,
Внемлите, услышьте о счастье хранить,
О горе утратить мечту и нужду.
Ибо я предал честь писателя:
Комбинезон обменял на визитку,
Сменил знакомых, забросил рассказы,
Из бедности бросился за богатством,
Развлекал на приемах банкиров
И пил их вино как вино жизни.
Лишь нажив буржуазную роскошь,

В зеркало я увидал у себя
Ослиные длинные уши Мидаса.
И за огнями большого города
Пропала, почти позабыта звезда,
Взошедшая над моими яслями!

ИЗАБЕЛ, УИЛЬЯМ И АЛЬБЕРТ

Душа Вселенной, Немеркнущая Любовь!
Ты несешь перемены и смерть — но и жизнь.
Многообразна, бессмертна и непостижима,
Не ты ли наш дух слила воедино —
Дала нам связь во плоти на земле
И в мире ином союз трех огней,
Двух мужчин и одной женщины.
Во-первых, я — эта женщина.
Я была женой Уильяма, и любила его,
И не разлюбила, когда он умер
И даже когда я стала женой твоей,
Мой обожаемый Альберт.
Затем я, первый муж, Уильям,
Я любил тебя, Альберт, при жизни
И после смерти любил,
Ибо ты любил мою Изабел.
И наконец, я, Альберт, любил
Тебя, Уильям, ведь ты любил
Ее, а она любила тебя.
Я, ее муж до конца своих дней,
Вместе с ней хранил о тебе память —
И был ей тем же, что ты,
Но и чем-то еще — о счастливое приумноженье
любови!
Это таинство и утверждение брака,
Озарение страсти, явление вечного света
От земной любви мужчины и женщины!

ДЖЕК КЕЛЬСО

Взрачивать, хранить и терять,
Жить, как жена моряка, ожиданием.
Быть рабочим с фуганком и топором,
Спускать на воду корабль, смотреть,
Как он уплывает, и после слышать,
В каких штормах и портах он побывал.
Прожить дома до самой смерти
Со всем нашим общим добром:
Скрипкой, полянками над рекой,
Удочкой и ружьем
И Шекспиром под деревом.
А он командовал армиями,
Вырывал законы у гор, расколотых
Молниями и землетрясениями.
Я же остался удильщиком и скрипачом,
И лишь размышлял с изумленьем
О громко прославленном друге,
И не очень верил, что знал его
И что я — это я!

СТИВЕН А. ДУГЛАС

Что мы делали в мои времена,
Строили храм или вели корабль?
А потому, что нам было законом,
Полярная звезда или маяк?
Мы водружали на место огромные камни
Или вбивали колышки для палатки?
Моей мечтою была Свобода

Великой нации, даже если она
Попирает права другого народа.
Я расширял республику до океана,
Либералы мешкали, чтобы спрямить пути
Для усталых ног слабаков.
Вот он, второй океан и незнакомые волны!
Но я уже перерос законы земли
И неба, завесившего путеводные звезды
От Титана, который постиг законы серьезней,
Чем закон ручейка, вращающего колесо.
Придет ведь эра ясного неба,
И выйдет Полярная звезда —
Озарит ли она храм,
Посвященный преходящему полдню,
Когда я буду в том же созвездье, что Цезарь?

ДАРСИ СИНГЕР

Ответьте, друзья Спун-Ривера:
Что такое жизнь человека
И что такое жизнь народа?
Она — сотворенные человеческим духом
Картины, статуи, храмы, страницы книг,
Законы и государства,
Идеалы Счастья и Братства,
Милосердия, Меры и Красоты.
Вот творения и творцы человека.
Вот паутина, которую
Вытягивает из себя паук,
Вот пчелиные соты,
Постройка из меда, снятого с цветов жизни.
Вот гнезда орлов, живущих больше столетья!

СЕЛЕСТИН КОНАНТ

Я, дочь Эдит Конант,
Воспела с пронзительной грустью свое рождение.
Всю жизнь я высоко держала
Факел Прекрасного,
А спунриверцы проходили мимо,
Кто слепой, кто зрячий, зато с насмешкой.
Кто-то был против. Но даже сторонники Факела
Занимались своими свечами и лампами.
Наконец мне устроили вечер,
Пришло признанье, аплодисменты:
Слепые делали вид, что прозрели,
Насмешники превозносили меня!
Всего один час триумфа
И слишком много восторга —
Его не было прежде, не будет после,
Годы мои окончены.
Назавтра я умерла.
Кто поднимет мой факел, чтобы пыль его не
погасила?

ЭМИЛИУС ПУЛ

Вы видели, чтобы росток —
Будь то цветок или былинка —
Хирел и чах от избытка жизни?
Я был таким, сограждане,
Не мог найти выход своим беспокойным силам,
Жить, как считал нужным.
Скажете, дельный всегда найдет себе дело?
Но что было бы с генералом Грантом,

Если бы не война?
Он опускался, он погибал
И был чудотворно спасен для себя и отечества
Возможностью показать свой дар полководца.
Для меня войны не было!

РИВЕРС МАКНОТОН

Если река не может быть выше истока,
Может она быть чище, чем берега?
Вы замечали различье
Между Биг-Криком и Спадауэем?
Один — прозрачный, бежит по камешкам,
Другой — грязь среди черной и рыхлой почвы
Кукурузного пояса, —
А ведь оба они из ручьев на холмах.
Источник моей души был чист,
И побужденья души были чисты.
Но в дни отчаянья берега оползли
И замутили реку, бурно спешившую
К мечте о кристальных глубинах моря
Под неземным небом!

ЛЮШЕС КЛУТ

Лириан — и ее причуды,
И невозможные комплексы,
И всегдашнее непостоянство,
И мелкие нелады с собой
И со мной,
И ее вызывающая красота,
Рыжие волосы и роскошные груди, —

Вот женщина для меня в дни моей силы,
Когда женщина чуть попроще
Не удержала б меня,
Обманщика, мотылька и изменника!
Но в дни моего упадка
Ее причуды и комплексы
Опустошили меня,
А вызывающая красота истерзала,
Ибо предназначалась другому
В дни моего упадка!

ИМЭНЬЮЭЛ РИДИ

Не ты, сын Иосифа и Марии,
Плотницкий сын, секира при корне дерев;
Не ты, Иисус из Назарета,
Творец чудес, исцелитель слепых;
Не ты, потомок Давида,
Подстрекавший на бунт против кесаря;
Не ты, Царь Иудейский,
Восстановитель престола и власти Израиля;
Не ты, утешенье Иуды,
Миротворец, посредник, судья, раввин;
Не камень преткновения и глава церкви;
Не ты, чьи слова и дела —
Основа верований, обычаев и закона,
Который ты искоренил и который остался;
Даже не ты, друг мытарей и блудниц,
Любитель пиров в дружеском окруженье,
Даже не ты, первенец из усопших, —
Но ты, Божий сын, муж скорбей,
Лоза и свидетель краткого сна юности,
И затяжной боли зрелости,
И веры, чей корень мертв и все-таки жив;

Символ вселенского предательства,
Перенесенных страданий, оккультной жертвы;
Первосвященник Великих Тайнств
Рождения и смерти и новой жизни,
Хранитель обрядов розы Сарона,
Песнопение утренней звезды,
Блюстителъ законов души;
Слово, что было с Богом и стало плотью;
Знак мученичества людского, крест,
Священнопись Жизни...
О невыразимый Христос!

ЛАЙОНЕЛ ГРИРСОН

Как часто в нашей спальне, моя ненаглядная,
Я пробуждался, и видел полуночную звезду,
И знал, что ты рядом, теплая, благоуханная,
Словно ладан, и слышал твое дыханье,
Веявшее любовью из сонной груди,—
Чтобы в смертных муках томиться от одиночества
И ждать тебя, тщетно ждать, и из нашей постели,
Оледенелой от смерти и скорби, видеть,
Как напоминанье, полуночную звезду!
Ариелла, склонись на мою земляную подушку,
Прахом своей руки коснись праха моей,
Согрей мое ложе теплом своего присутствия,
Спи со мной рядом вечно и дай мне покой!

АРИЕЛЛА ГРИРСОН

Я терзалась, что не могла быть с тобою рядом
В последнюю ночь, я терзалась, что ты скончался,
И вскоре пришла на твое земляное ложе.

Спи, я с тобою. Полуночная звезда
Смотрит на нас так же, как и при жизни.
Весна в моем прахе жаждет слиянья с весной
В твоём жаждущем прахе. Какие цветы
Расцветут над нами пылкими красками страсти!

СУДЬЯ СИНГЛТОН

Ты никогда не узнаешь, Спун-Ривер,
Почему я снял с Эймаса Уинклера
Обвинение в лжесвидетельстве,
Поклявшись ради прибавки к пенсии,
Что Чарлз Синглтон был его сыном,
Хотя на деле он был незаконным сыном
Другого мужчины, еще до женитьбы Эймаса.
Эймас любил мальчика и воспитал его —
Так же как я любил дочь моей жены
От другого мужчины, которая родилась
Еще до моей женитьбы —
Факт, не известный тебе, Спун-Ривер!

СЭМЬЮЭЛ ДЕЛАФИЛД

Она меня боготворила — сначала,
Она при мне краснела и заикалась — сначала,
Она перед силой моей преклонялась — сначала.
Потом она стала держаться свободней,
Не так восторженно, чуть иронично,
Потом обращалась со мной, как с равным,
Потом, как с собственностью и слугой.
Знаете, в чем тут причина?
Каждая женщина — это Далила,

Она не уймется, пока не узнает,
Чем силен сильный мужчина.
И она его тайну откроет всему свету
И унизит мужчину в глазах толпы,
Если он попытается ее бросить.

ИВ ХОУПВЕЛЛ

Вы, образованные спунриверцы,
Отвергали меня и презирали
Мои рассказы со счастливым концом.
А сами все время хныкали и удивлялись,
Почему в ваших жизнях нет счастливых концов —
Вам их тоже хотелось!
Вы, как мелкие циники,
Сомневались в чужом счастье.
И не только травили людей счастливых,
Но и возмущались рассказами
О чьем-то счастье!

ДЖЕЙМС ИСТЕЛ

Вы прожили много лет и прочли много книг,
Опытом и страданиями вы измерили
Терпенье, Мужество, Дружбу, Любовь.
И узнали, как много злобы на свете и почему,
И как много разбоя на свете и почему,
И как много неправды на свете и почему,
И как много ненависти, жестокости, себялюбья на
свете и почему.
Прожив так долго, вы изучили свой век,
И если вы не можете объяснить, что вы узнали,

И если новому поколению неинтересно, что вы
узнали, —
То разве вы не похоронены заживо под эпитафией
из иероглифов?
И разве вы не голос мудрости,
Которая мало что оставляет в наследство
Грядущей эпохе?

ДЖЕРАЛЬД ЛАВМЕН

Дочь меня не послушалась
И сбежала с мужчиной, которого я ненавидел.
С этого и начались злключения,
Сведшие меня в гроб.
Но когда туман в моих мыслях рассеялся,
Когда жар земли и жизни остыл,
Я понял, что дело не в этом мужчине,
Что я бы возненавидел любого мужчину,
Которого она бы желала обнять
И который желал бы ее!

ПРОФЕССОР МАККЕМАЙЕР

Моя бедность, лишения и под конец
болезнь —
Не потому, что я, грешник, сбежал
С женой профессора Гарднера,
Но — одно за другим — потому,
Что моя жена обвинила меня
В том, что я, преступник, сбежал.
И после суда — одно за другим —
Остракизм людей добродетельных

И активная злоба врагов,
Заполучивших удобный случай
Выказать ненависть.
Осмыслив события, я разоблачил
Попугайскую болтовню моралистов:
Греческая трагедия анализирует
Не Судьбу и не гнев Бога,
Но мстительность человека!

ДЖУЛИАН СТАРРИНГ

Меня заклеямили по приговору ангелов —
И хоть бы что.
Меня прокляли на священных книгах —
Я не возражал.
Меня предали той анафеме,
Какой Иисус Навин предал Иерихон, —
Прекрасно.
Меня прокляли так же,
Как Елисей проклял детей, —
Ничего мне не угрожало.
Молили, чтоб гнев Господень спалил меня, —
Я хранил хладнокровье.
Заклинали Бога стереть мое имя с небес.
Меня не заботило то, что так далеко.
Но тут меня начали поносить,
Когда я ложился и когда я вставал,
Когда уходил и когда приходил,
Так Петр на горе хотел сделать кущи
После преобразования!
Неужели нам не поведать об этих часах
И не осознать их до воскресения?

БЕССИ УОРКС

Кто-то ведь добывает на хлеб торговлей,
А в настоящей жизни живет пером или скрипкой.
Так и я ради хлеба вышла за Джона,
А в настоящей жизни любила Чарлза.
Вы можете доказать, что это грех,
Не доказав перед этим,
Что перо — грех и любовь — грех?

УИЛЬЯМ ЛОУ

Здесь покоится Уильям Лоу.
После его смерти узнали,
Что, будучи невиновен,
Он сел в тюрьму вместо друга,
Ибо считал, что его здоровье
Перенесет решетки и стены
Лучше, чем здоровье друга,
Который был виноват.
Этот камень поставил отец Эмброуз
Merфи,
Священнослужитель из Спун-Ривера,
И с ним Джон Бурхард,
Виноторговец.

НОРРИС ЛИТТЕЛЛ

Из хорошего дома я переехал в лучший,
Я выстроил дом, о каком мечтал,
И жил в этом доме годы и годы;
А Стюарт Херринг все строил свой дом,

Делал все, что взбредет на ум —
То пристроит крыльцо, то добавит окно;
Ему все хотелось, как поинтересней,
Но цели он не достигал и считал,
Что чудо случится завтра.

СТЮАРТ ХЕРРИНГ

В сорок пять я женился и завел себе сына —
Он подрастет, когда мне будет под семьдесят.
В сорок пять я разбогател и построил дом.
В пятьдесят я еще больше разбогател
И разорил свой дом и начал его перестраивать.
Я всегда лет на десять опаздывал.
Начались расходы и нервотрепка:
Я добавил к фасаду окно фонарем,
Через год я оштукатурил стены,
Через два пристроил крыльцо.
Мне шестьдесят, а мой дом незакончен.
Я настолько привык жить в недостроенном доме,
Что забыл, по какому плану его перестраивал!
И требовал, чтоб никто не смел
Говорить со мной, и жить под одной крышей,
И приближаться ко мне,
И давать мне работу —
И тут я умер от голода!

ГЕРАКЛИТ ПРОКРУСТИС

Франклин послал в небеса змея
И свел электричество к человеку.
Следуйте мне, о друзья Спун-Ривера,
Направьте рентгеновский луч и мысль

На электрон и добудьте Бога.
Я верю в то же, во что верил
Мой древний тезка:
Огонь — душа мироздания,
Пávта 'реі.

ТЕННИСОН РЕППЛАЙЕР

Незабвенная!
В какой дали ты уснула?
Мой прах изнывает здесь
И тщетно зовет твой прах.
При жизни как мы хотели
Увековечить часы восторга!

ПРУ И ЛУЭЛЛА

Здесь между нами лежит
Наш возлюбленный муж Николас.
Ему все равно, а мы не ревнивы,
И город не возмущен,
Ибо это не брак втроем.
О Смерть, из всех мрачных улыбок,
Которые ты здесь запечатлела,
Нет улыбки улыбчивей нашей!

ОТЕЦ АЛЛЕН ДРИНКУОТЕР

Если не хлебом одним будет жить человек,
То будет ли жить он верой, дающей хлеб?

Если будет жить всяким словом, исходящим из уст
Божиих,
То не будет ли жить Любовью, любимейшим
словом Бога?

Согрешил я, когда сложил с себя сан
И женился на той, кого я любил?
Подвиг я ее на прелюбодеяние?
Я не мог в такое поверить
И верил тем меньше,
Чем больше любил,
Несмотря на ненависть и гонения
От спунриверцев, чтущих Писание!

АБРАМ ШТЕЙН

Давид, сладкопевец Израиля,
Разве ты не сразил Голиафа
Камнем из грозной пращи?
И если я, о Спун-Ривер, не пел
Песен, достойных твоей памяти,
То я был твоим сатириком —
Я голос поруганной тобой красоты,
И до дня моей смерти
Я разил Невежество, Алчность,
Ненависть и Лицемерие!

МЕЙСОН МОЙСТ

Прохожий, если в жизни ты дальновиден,
То придешь к приятью каждого слова Библии,
И от глупой чувствительности и веры в людей —
К презрению и неприятью всего человечества.

Разве Бог уже не насылал всемирный потоп?
Почему бы в Судный день не наслать огонь?
Вселенную необходимо очистить огнем
От гнусной грязи и зловонья людей —
И Господь это сделает!

ФИЛИП ДИВЕР

Я начал свое восхождение в четырнадцать лет,
Ухитрился окончить колледж,
Женился, построил дом, приобрел состояние,
Я отправил детей учиться,
Оградил их всех от моих трудностей.
Я устроил им слишком пышное пиршество:
Они метались от блюда к блюду,
Бестолково спеша отведать всего.
В благодарность они воздвигли мне обелиск.
Напишите на нем:
«Поставлен Филипу Диверу
От поколения, которого он не предвидел».

Ю.-С. СТОПП

Я шел из города навеселе
И увидел с дороги убогий камень
Поля О'Годи, прочел «Погоди»,
И вместо «Ты будешь прощен»
Прочел «Ты будешь повешен»,
И расхохотался, и тут же избрал себе
Эпитафию: «Ты будешь повешен»,
Ее ты и прочитал, прохожий!

СТЕЛЛА СТЕРДЖИС

Сказано: «Не бойтесь убивающих тело,
Души же не могущих убить;
А бойтесь более того, кто может
И душу и тело погубить в геенне».
Разве не ты, Энсон Инглиш,
Убил мою душу, которая улыбалась
И радостно доверяла тебе и миру?
Не ты ли вместо счастья
Принес мне горе и слезы
И вверг мое тело и душу в геенну
Бесплодных дней и неотвязных болезней?

ФРЭНСИС КОРДЕЛЛ

Что за странное мгновенье смерти!
Всей земли предстало мне виденье —
Храмов Индии, гробниц Ирана
И путей к Флоренции и Риму,
Дому Данте, Браунинга чужбине.
И бесстыдно странное виденье:
Лэндора открылся гроб, являя
Все, чем стал властительный и гордый
Песнопевец странной красоты.
От него во прахе были только
Волоски случайные да кости —
Ни намек на творца стихов:
«Высоких слов ты не сказала, в некий
Грядущий день ты их произнесешь —
Склоняясь над книгою моей раскрытой,
Ты выговоришь: — Он меня любил».

Кто она, где красота ее —
Спит под кипарисом или ивой,
Далеко ль от своего поэта
Та, что не сказала слов высоких?
Разве те, что над открытой книгой
С уст сорвались: — Он меня любил.

ДУГЛАС СТРОНГ

Я витийствовал в Роше Проктора,
Мне важнее священные принципы
Самоуправления общин,
Чем все ниггеры под луной.
А теперь негр — владелец и обитатель
Моего особняка над рекой.
А дочь моя вышла замуж
За хилого отпрыска Э.-Д. Блада,
Который придумал их дочке имя:
Восемнадцатая Поправка!

ГЕНРИ ДИТЧ

Старых холостяков и старых дев
Мне, мальчишке, изображали как символ
Идеальной преданности любви ушедшей
Или погибшей.
Но, повзрослев, я дошел до мысли,
Что браку их помешала другая причина:
Если солнце марта вызовет ветер апреля
И заставит цветы раскрыться
Для цепенящих пальцев мороза
И порывов колючего снега,
Дерево в изнеможенье падает духом
И вновь никогда не распухнет.

То же с любовью, подавленной страхом
И лишенной сил для новой попытки
В полном опасностей саду жизни.

ПАЙПЕР ДАЙВИЛЬЕЛИСС

Я изучил диететику
И знал, много надо есть или мало,
Знал о влиянии углеводов,
О вреде протеинов и кофеина
И губительного для почек обжорства.
И все-таки я подавал яйца и мясо,
Сколько хотели и могли оплатить,
Как некогда Бурхард поил пивом
До последнего цента в их кошельке.
И где оно, нравственное различье
Между мной и кабатчиком?
Разве что кофеин — не виски,
А ростбиф — не пиво.

ЭЛИНОР ПАУЭЛЛ

Умер мой маленький сын —
Казалось бы, горю ничем не помочь.
Затем, словно ты отъезжаешь на поезде
Из знакомого места в неведомые края, —
Перемены, забвенья минувших событий
И смерть — как тоже одно из воспоминаний,
Даже успокоенье.
Утрата фортуны, исчезновение друзей,
Нездоровье, страданье,
Затем безучастность к жизни —
Жизнь наконец утерла все ваши слезы.

АРИСТОТЕЛЬ ДОУЛЕТТ

Высеките надо мной «еффафа»,
Что означает «отверзись».
Какое чудо Христос совершал чаще всего?
Изгонял беса косноязычия.
Что приносит больше всего страданий?
Неспособность наших косноязычных сердец
Отверзться друг другу.

БАТЛЕР ТРЕЙСИ

Если самовыраженье — цель
И песня — цель,
Значит, страданье, дающее тему песне,
Направлено на благую цель.
Но кто когда был способен выразить
Всю мудрость, полученную от страданья?
И к какой цели вела мудрость,
Для которой я не подыскал слов?

ЛАСК ИЛЛИНГТОН

Жизнь одна, мир один,
Сон на целую жизнь один —
Но сколько, друзья, мы платим
За исполненье желаний!
Но если крепко задуматься —
Соединение тел и душ,
Насаждение своего сада,
Ваша еда и радости жизни
Зависят от ваших склонностей:
Глаза серые или синие,
Такие-то губы, такие-то волосы,

Такая-то форма носа —
Вот женщина для меня.
И вы получаете нос или губы,
И это все, что вы получаете.
Я мечтал о прекрасной жене,
Светлой и чистой, словно звезда,
И я искал ее и обрел.
Ну и что? Она была светлая, чистая —
Дистиллированная вода!

БЕНДЖАМИН ЛЭНДЕР

Кто знает окраску, форму и силу
Пламени, бьющегося на ветру?
Пламя в камине встает высоко
Из-за того, что в дровах смола.
Языки его пляшут, сплетаются, борются.
В конце же угли светятся ровно:
Я не познал себя до поры,
Пока страсти, амбиции, жажда власти
Не перегорели во мне,
И мне под конец захотелось подняться
Над своим существом,
Над углеродом, основой жизни,
И спокойно узреть все угли на свете!

КРАСОТКА ДОЛЛИНДЖЕР

Сестры! Сograжданки!
Вы, из семей, из общества, из простой и великой
жизни!
Замужние дамы! Перлы веры и добродетели!

ДЖОБ ХОУС

Минуты для минут —
Что солома для ветра.
Беспокойный час гонит сокрытый час,
Завтра вбирает в себя сегодня.
Что до меня, не единая боль
За минуты, губящие минуты,
Но то, что шепнуло: — Ты занят этим?
Значит, ты пренебрег другим?
Какой шанс упускаешь, о чем позабыл?
Ты ищешь этого, а зачем? —
И всегда в мозгу беспокойство
Из-за того, что голос твердит:
— Спешите же! Быстрее, быстрее! —
А ты не можешь ответить:
— Да погоди ты!

ПИТЕР ВАН ЛООН

Спун-Ривер,
Меня погубили Христос и мистицизм!
Ибо невыносимое место в жизни
Я выносил ради торжества души —
Изо дня в день я прощал тем, кто ковал
И сторожил клетку моей судьбы.
Они наживались на моей борьбе и страданиях.
Измучен сраженьями за торжество души
И восторжествовав душой,
Я утратил силы для жизни.

ФРЕДЕРИК ФОЛЛЗ

Осенний костер из опавших, поблекших
дней!

Они его потушили, жена и сын,
А малышка Клер, моя секретарша,
Которая и разожгла огонь,
Отказалась зажечь его снова,
Такая чистая, но намекала
На брак, будь я свободен.
Они затоптали костер до золы,
Золы и праха: удара и кресла,
Меня в нем катала малышка Клер.
Она читала мне Библию вслух,
И умоляла меня променять
Любовь к ней на любовь к Богу,
И уверяла, что Бог в награду
Поможет мне встать на ноги.
Я понял: она полюбила сына;
Он молодой, богатый наследник.
Я не разлюбил, не уверовал, не исцелился,
Я сидел, до конца приклеенный к креслу
Гнусной эстетикой и более гнусной этикой,
Побежденный Богом Природы!

ГЕНРИ АЙВИНС

Всю свою жизнь я видел,
Что борьба за хлеб порождает зависть,
Ненависть, распри, войны, болезни.
Что неудачи с примесью зависти
Ведут к атеизму и представляют
Жизнь как хаос и случай.
Перед смертью мне приоткрылась истина:
Решите вопрос с хлебом,

Устраните зависть из жизни,
И вы оставите зависть в душе
К тому, чья душа угоднее Богу,
Чем ваша душа.
И я обещаю вам, что в грядущем,
Когда хлебный вопрос будет решен,
Земля станет полем битвы всех душ
За благосклонность Божью —
И какие пойдут убийства, страданья,
трагедии!

ОЛГОТ ЛЭНКОР

Путник! К тебе придут
Остерегать от горечи.
Но если вино уже выпито
И в чаше один осадок —
Чем подсластишь ты чашу?

ДЖОЗЕФ ДОННЕЛЛИ

Самопожертвованье не только спасенье людей
От бед, о которых ты не имеешь понятия,—
Увы! Оно также спасенье
Людей от бед, о которых ты предупреждал.
Как я бился, чтобы удержать свою дочь от брака
С этим мужчиной!
А потом я делил с ней беду, принесенную браком
С этим мужчиной,
И из-за него лишился здоровья и состоянья,
И сделался бессловесной пылью
С позорной тайной!

ДЭВИД ДЬЮТИ

Сжата и обмолочена, и брошена в поле,
И потому мечтает о лете и времени произрастания.
Выносит то дожди одиночества,
То августовские небеса ослепительных откровений,
Одинокая в поле жизни, павшая духом,
Покрывается ржой,
Промокнув, преет в жару
И, наконец, взвивается пламенем, исступленно
Протестуя против упадка жизни..
Ее пожирало презренье к себе —
Друзья, помогите ее уходу
В мятежном пожаре цветов,
Вздымите огонь над гнилой копной!

КОНРАД ХЕРРОН

Спун-Ривер, я не написал книги,
Не завещал тебе библиотеки,
Не построил тебе школы;
Лицо мое — не бронзовый бюст
В коридоре суда,
Как лица редактора Уэдона
И банкира Томаса Родса.
Но разве я ничего
Не оставил тебе в наследство?
Неужели не стоило ничего,
Что я выносил умирая от рака
С достоинством и терпеньем?

МАРКУС ДЖАРРИСОН

Для чего я ушел в бродяги?
Чтоб с разных точек взглянуть на нечто известное —
Хотя б на тебя, Спун-Ривер!
Для чего я ушел в бродяги?
Чтоб впервые увидеть нечто, мне не известное!
На дороге даже у старых песен
Возникает новый тон и значенье —
В зависимости от неба над головой
И простора земли вокруг!

СТЭНЛИ ЛОКХАРДТ

Я был из тех, чье присутствие в мире
Пробуждало психическую активность врага,
Неуловимую, неутомимую.
Со зловещей улыбкой он приносил подарки,
Он был ненавязчив, но ощущался всегда
И всегда появлялся в критическую минуту.
Он видел меня насквозь и делал заметки.
Даже не видя меня, он следил за мной,
За моими удачами и неудачами.
В час моего величайшего торжества
Он был в зале, глаза полыхали завистью,
Губы кривило презренье.
В минуты покоя он появлялся,
И ты словно бы пробуждался и видел,
Что в глаза тебе смотрит удав.
Наконец он исчез, вроде бы насовсем.
Но ткань моей жизни истлела. Пришло несчастье,
И он появился, чтобы меня прикончить —
Почему?

С. ЛИТТОН

Проклята ли земля за человека?
Проклятье ли тернии и волчцы?
Проклятье ли добывать хлеб
В поте лица своего?
Эх, чему бы народ ни верил,
Он все, как проклятье, вложил в уста Бога.
А вы ждали, чтоб мы пахали землю,
Если Библия проклинает и пашню, и труд,
А деньги за нашей спиной тянутся в банк,
Процветающий в городе?

ФИЛИП ИРЛИНГ

Под конец все мое обаянье пропало,
Все дарованья свелись к ничтожному дару —
Вспоминать о днях моей жизни и тщетных мечтах,
Говорят, сладких, как дикий мед мудрости.
Почему, о боги глубоких таинств, я слушал
Великую музыку до рожденья в Спун-Ривере,
А на земле не терпел земную музыку?
И почему незабывшиеся виденья
Кристалльных гор и лугов света
Воспринимал в этой жалкой жизни долга
Я, мечтавший о храмах будущего, могучий,
Но заключенный в карму жертв и труда
Ради семьи, — и борьбы против злобы и алчности?
Был ли я змей, изгнанный из Эдема?
Или муж, предназначенный в браться архангелу,
Вызванный из трясины под звезды мечтами
И музыкой, не оставляющей ни на миг?
Под конец я ослеп, но мой внутренний глаз
проницал
Туманы земли и неба! И что за музыка!

Такой на земле не бывает, она звучит,
Как прибой и колокол бакена на взлетающей
И опускающейся волне длиной в милю,
Она как налив и увяданье заката!

ТОМАС НЕЛЬСОН

Два острейших мига моей жизни:
Первый, когда под рукоплесканья
Я взошел на трибуну власти,
Возглавив совет округа.
Второй, когда я больной, в одиночестве,
Молча сидел в приемной перед вступлением
В должность преемника.
И в этот смертельный миг
Надо же, чтобы Генри Кабанис —
Мой стародавний враг,
Проваливший мой план строительства
Дорог в нашем округе, —
Надо же, чтобы он появился,
Игривый, как гном, сияющий от злорадства,
Звонкий, словно замерзший дубовый лист,
И изысканно-наглый,
Чтобы он появился
И с презрительной лаской спросил:
— Ваши последние указания?

ТЕЛЬМА ЭРГОТТ

Может быть, я слегка колебалась
И иногда поддавалась тебе,
Спун-Ривер,
Но всегда видела небо,
Под конец же ясно увидела небо,

Чистым взором увидела истину:
Господь не скрывал ни что ты делал со мной,
Ни что обо мне ты думал;
Господь не скрывал твоих привычек и правил,
Твоих законов и даже верований!

НАТАН КОСТ

Виски, воскресная месса, восстанье:
Веселье, величественный обряд, вызов
Желающим править тобой,
Чтобы ты сносил огрехи чужого правленья,
Не имея возможность сносить огрехи собственного
правленья.

Все эти глубочайшие истины
Отняла у меня толпа и позорные лозунги.
Спеши, о Земля, к Альфе Лиры!
Вспыхни там сумасбродным огнем,
Отстав на мильоны миль от Солнца!

АРИСТИД ПРОУЛИКС

Зачем болтать о каре за грех,
О спасении от грядущего гнева,
Зачем кивать на Люшеса Атертона
Как на жертву собственного распутства?
Не я ли рухнул, как дуб,
Который жена и тринадцать детей
И столько же внуков,
Словно плющ, притянули к земле.
Дело в Природе, а не в законах,
Не в Заповедях!

ЛЕОПАРДИ ЭРОТАС

Путник! Если душа твоя взыскует прекрасного,
Сначала сравни свои силы и ненависть мира.
Ибо если ты найдешь и утратишь прекрасное,
Умиранье твое будет медленным!
Я искал прекрасное в горных потоках,
В орлиных гнездовьях, в восторгах диких зверей,
И в верованьях, и в мечтах, и в созвучьях,
В явлениях весны, в благодатных виденьях богов —
И вдруг нашел в удивительном свете лица!
В бессмертном страдании поцелуя!
Ибо уже в тот миг и псы и охотники,
Тяжко дыша, сотрясали апрельскую тишь,
О, дрожащий тростник и незабываемый вздох
Расставанья!
Дрожащими руками вырезал я свирель
И заиграл, заиграл,
И, играя, бродил у мертвых морей,
В которые падают звезды!

ВАН РААЛТЕ РЕЙМИ

С чего ты считаешь себя добрым, Спун-Ривер,
С чего ты решил, что ты праведный,
Если всею силой своей власти
Ты калечишь души, лишаешь их счастья,
Запрещаешь — то жизнерадостные скачки,
То увлекательнейшую борьбу или бокс,
То дружественные салуны,
То веселый, легкомысленный флирт,
Подсказанный природой и скукой?
А как непрерывными оскорблениями ты
Погубил мое чувство собственного достоинства

И способность всегда быть на высоте!
Так ты сказал мне: — Дурак! —
Но как ты избегнул угрозы адского пламени?

БЕРТОН ФЕРМЕН

Заблудшие души! Знаете, почему
Вы оставляете завещания в пользу
Церквей, библиотек, больниц?
Вам мерещится, как с церковной кафедры
Вы услышите оглашение своего завещания
Под возгласы: — Что за великодушие! —
Ничего такого не будет.
Это теперь вы млеете
При мысли о том, что услышите после.

ЭЛЬЗА РАМЗИ

Спун-Ривер, что превращает жизнь
В ужас и пытку?
Лишь столкновенье ничтожных и великих
умов;
Ничтожные знают, что жизнь реальна,
И трудятся, и копят, проводят законы,
Сажая в тюрьму, объявляют войну —
Итак, столкновенье ничтожных и великих
умов;
Великие знают, что жизнь есть сон,
Что деятельность в миру обычно
Суета сует и бред идиота.
Но ничтожные все равно пробиваются
Сквозь сиянье моей мечты
И не позволяют забыть
О своих законах и тюрьмах —
До самого гроба!

КЛИФФОРД РАЙДЕЛЛ

Ничего вне ее,
Заполняющей все пространство.
В ладу с собой она — все,
И покорна лишь собственной воле.
Всегда изменяется, но не растет.
Каждая часть верна целому,
Но одна воюет с другой —
Для столкновенья нужны две.
Не выдаст себя, иначе
Ей не выжить.
Добро она или зло? Вряд ли зло,
Ибо не с чем ее сравнить
И сказать глупость.
Без горя и без судьбы, ибо сама — судьба.
Невыразимое единство,
Вечное существо,
Изменяется, но не губит, даже меня!

ДЖЕНЕВЬЕВА ФОЛКНЕР

Как написано: будь по-вашему,
Так и выйдет, хотя оно скверно.
Ты, шагая кратчайшим путем,
Не видишь красот пути поокольной.
По-вашему — значит, вырастить розу
И отсечь все розы помельче.
По-вашему — значит, любить друга
И позабыть остальных друзей.
По-моему — значит, выдать всех дочек
В знатные семьи в краях подальше.
По-моему — значит, одну в Россию,
Другую в Италию, третью во Францию
И навещать их по всей земле.

НЕВИЛЛ ХОУН

Да кто меня вспомнит через две тысячи лет,
Когда мир оглянется
На созданные и освященные Библией
Две тысячи лет
Как на чудовищнейшую эпоху
Безмыслия, боли, мытарств, темниц,
Порожденных обманом и рабством!
Я был наделен даром счастья,
Но жизнь прожил в несчастьях,
Не забывая ни на мгновенье,
Что блага нет, кроме счастья,
И цели нет, кроме счастья.

НОРРИС КЕРНАН

Какие жертвы богу Иисусу!
Безбрачие, власяница, мытье полов,
Забота о прокаженных, погребение заживо.
Пытки, костры, кресты, дикие звери.
Самораспятие, одинокое бодрствование.
Но есть бог страшнее, чем сам Иисус,
Этому богу Гейне, Шелли и По
Среди позора, нужды, болезней,
Ненависти и презрения мира,
Ни на что не надеясь, отдали все —
Сердце, и ум, и любовь, и жизнь,
О Аполлон беспощадный!

РУБЕН МАККАРДЕЛЛ

Меня по болезни забраковали,
И я не пошел на войну
И занял свое место

Среди десяти миллионов американцев,
Не способных как следует вывести букву,
И пятидесяти миллионов,
Не понимающих гражданских свобод,
И половины штатных законодателей,
Не пошедших дальше начальной школы.
Кто их спасет от самих себя, если они
Своими ушами слышат и не понимают,
Своими глазами смотрят и не видят?

ЭНСОН СТРЕССЕЛ

Ты поносил меня за жизнь на вершинах
И считал, что я тверд, словно камень гор,
И холоден ко всему человеческому,
И избегаю тебя, Спун-Ривер...

АЛЬФРЕД НЕЛЬСОН

Рядом с тобою, мама, бесценная мама!
Как молоко твое вскормило мое тело,
Так душу мою — твоя неусыпная мудрость,
Оберегавшая мое время и силы
От суеты и волнений света.
Твоя любовь — не любовь любовницы,
Чей блеск, красоту, положение в свете
Плоть понуждала меня прославлять, —
Твоя любовь, словно солнце или роса,
На меня проливалась, как на цветок,
Который ты взрастила себе на радость
И не стремилась сорвать,
Чтоб украсить свой праздник...
Я рядом с тобой, мама, бесценная мама!

СОЛ КОСТЕЦКИЙ

Мальчишкой на берегу реки
Я строил песочные кучи,
Они осыпались с одной стороны,
Когда я похлопывал по другой.
Это образ моей натуры.
Я закалял свою волю
И легко поддавался внушенью.
Я был верен любви, рассыпавшейся от легковерья.
Я думал лишь о себе и не стал умнее.
Я помогал другим и лишился денег
И веры в людей.
Я сомневался, и лучшая сторона моя осыпалась.
Я доверял, и меня надломила измена.
Мог ли я сохранить песочную кучу своей натуры,
Чтоб она смотрела в небо, как пирамида?

ЭНСОН СТРЕССЕЛ

Ты поносил меня за жизнь на вершинах,
И считал, что я тверд, словно камень гор,
И холоден ко всему человеческому,
И избегаю тебя, Спун-Ривер...
Знаешь, что случилось бы, если бы
Я спустился в сырые низины твоей жизни?
Ты всегда боялся меня.
И если бы я спустился к тебе,
Ты бы связал, опошил и презрел меня.
А за притворную человечность,
В недостатке которой ты попрекал меня,
Ты бы убил меня!

ОРСОН УОРИК

Законы — создание плоских умов на основе
Поверхностных заключений.

Моральные нормы основаны
На страхе, зависти, ненависти
И пустых идеалах.

Опасная женщина — не блудница,
Но супруга.

Мужчина — не сильный, но слабый пол.
Вино — не издевательство над человеком,
Но увеличительное стекло.

Воздержание — издевательство, а царство
небесное —

Иллюзия для голодных.

Друзья! Факты — это обед на столе,

Идеалы — цитаты в рамочках на стенах
столовой.

Стремитесь к фактам!

ДЖОН ЛАМОР

Бейся, чтоб прокормить свой выводок;

И при этом тебя разорят, как сумеют,

Не заботясь о твоём выводке.

Но брось свой выводок — как тебя проклянут,

Побожатся, что помогли бы, если бы ты
не сбежал.

Прохожий, они лицемеры и негодяи,

И единственный способ унять их —

Собраться с силами и ограбить их,

И подальше спрятать добычу!

ЭСТЕЛЛА УЭСТОН

После разрыва и разъезда
Здесь лежу я, Эстелла Уэстон,
Там лежит он, Томас Эндикотт,
Которому бы покоиться рядом.
Вы видели, как жестокий мальчишка
Дергает за хвосты спящих котят,
Пока, проснувшись, они не кидаются
Кусать и царапать друг друга?
Спун-Ривер был, как этот мальчишка,
Он наговаривал нам друг на друга,
Проводил нас и старался сравнить,
Взвинчивал нервы и путал чувства,
И мы поссорились и расстались!

НАТАНИЭЛ ГРИГ

Не понять,
Кто из многих тысяч твоих знакомых
Встретит тебя там,
Не понять,
Чью душу направила жизнь
Навстречу тебе.
На некоем обеде я увидал женщину,
Которую хозяйка дома унизила,
Насмешливо перебив ее.
Я увидел слезы в глазах этой женщины,
И прошел за ней в соседнюю комнату,
И взял ее за руку, и посочувствовал.
Ни до, ни после я не видал этой женщины.
И все же, когда я вошел сюда,
Она ожидала меня у входа.
Понимаете, есть законы и тайны духа,

Всеобъемлющие, и глубокие, и
таинственные,
Как законы и тайны прорастанья семян,
Пробужденья весны и рожденья живого,
И приливов, ветров и звезд.

ЗАЙДЕЛЬ ЛАВМЕН

Ты проклинаешь жизнь, и в начале как
будто
Отталкиваешь, загоняешь в угол
И называешь правильными словами
Мерзость, боль и унижение жизни.
Но под конец ты, проклинавший,—
Словно мальчишка, который пытается
свистом

Разогнать мрак и ужас грозы.
Проклятья твои над тобой глумятся.
И когда ты вдоволь напроклинаешься,
Ты будешь дохлой змеей,
Чья сухая и драная кожа
Шуршит под ветром, изображая
Предсмертное шипенье змеи!

СТЕРЛИНГ ЗУХЕР

Три десятилетия безвестия —
И я добыл себе громкое имя,
И все восхищались моей победой.
Я видел по лицам, как вы удивлялись,
Что я всю жизнь ненасытно искал
Человеческой близости и привязанности,
Где бы они мне ни мерещились.
И вот я в славе стоял на вершине,

Но рядом был тридцатилетний спутник:
Меня, известного всем, поныне
Держало за руку Одиночество.
Но все же осталась привычка искать,
И я искал, как искал когда-то,
И, как когда-то, был одинок.
Как глупо,— думали вы, друзья,—
Добиться славы и умереть.
Но я был один и мечтал о любви,
Я прожил слишком долгую жизнь
И продолжил свои исканья там!

МЕРЕДИТ ФАЙФ

Эй вы, надменные клеветники Америки
Как страны скуки, без преданий и мифов,
Без романтики и без эпоса:
Разве Брайхем Янг основал религию хуже, чем
Генрих Восьмой,
И построил город меньше тех, что строил
Генрих Восьмой?
Разве калифорнийские золотоискатели и
орегонские пионеры,
Дэниелы Буны и Сэмы Хьюстоны
Уступают в живописности крестоносцам?
Разве так называемые Отцы-основатели
Сделали меньше, чем рыцари Круглого стола?
Разве Керри Нейшн и Мэри Эллен Лис
Не так же безумны, не так же значительны, как
Жанна д'Арк?
Была хоть одна война в Европе
Кровопротитнее и важнее, чем наша Революция
Или Гражданская война?
Зачем мечтать о Петре-Отшельнике,
Когда под носом у тебя Джон Браун?

Разве Робин Гуд как герой для баллад
Лучше, чем Джесси Джеймс?
И разве нет у нас многих десятков
Доуи, Шлаттери, Брайенов
И всех разновидностей религиозников,
От шейкеров до прыгунов?
Какую еще вам сатиру, иронию, пафос?
Разве здесь нет всего —
Гротеска, абсурда, трагедии и героизма?
Не при вашей ли жизни
Более двадцати штатов приобрело по два миллиона
жителей,
И несколько городов превысило это число,
А дюжины городов приобрели по полмиллиона
и больше?
Разве вы не видали, как покоряются горы,
Прокладываются железные дороги, добываются
руда и уголь
На всех обширных пространствах одержимого рода
людского?
Разве Вулворт-билдинг — ничто,
А Собор Святого Петра — всё?
Задумайтесь-ка над этим,
Надменные дыхатели по ушедшим дням!

СОФИ УОССНЕР

Есть расточители наследства
И губители наследства,
И есть расточители дарований
И губители дарований.
Мне была дана красота,
Изящество и блеск ума,
Но я вышла замуж не за того,
И в друзья себе выбрала не того,

И дом себе купила не тот,
И на свою погибель
Обосновалась в Спун-Ривере,
И в сорок пять вдруг поняла,
Что загубила свою жизнь,
И мне остается только скорбеть
До самого смертного часа.

МОРФИНИСТ ЛЕАНДЕР

У Э.-Ф. Блада — сухой закон,
У Теннесси Шопа — «Бхагавадгита»,
У Томаса Родса — деланье денег,
У Лидии Хамфри — святая Библия,
У отца Уайли — жажда ревайвалов,
У Люшеса Атертона — страсть к
женщинам,
У Гарри Гудхью — второе пришествие.
А я, реалист, чтобы выжить,
Построил мечты на морфии.

НАТАН САФФРИН

Тюрьма меня бы прикончила,
Если бы не сосед по камере,
Генри Лутинджер: он сидел
Множество раз и умел
Смягчить жизнь за решеткой
И быть настоящим другом.
И когда меня выпустили,
Я вдруг понял, что жизнь — тюрьма,
И лучшее, на что можно надеяться, —
Это умный и добрый сосед по камере.

ДЖОРДЖ ХОГГ

Меня корили за эгоизм —
Но кто считает его пороком?
Пороком его считают нищие
И плетутся с воплями за Богатством.
Голодные и неудачники
Выдумали мораль, которая
Требует накормить голодного
И все раздавать бедным.
Но разве у денег нет прав?
Хотя бы права сложить руки
И заткнуть себе уши,
Чтобы не слышать воплей пигмеев!

БАЛЬФУР ТОУЗЕР

Вы читали книгу, друзья Спун-Ривера,
Я же — земли и камни,
Я изучал гравий, песок и глину,
Сланец и известняк
Вокруг холмов Бернадотта!
И я понял, что мел — это остатки
Мелких живых существ.
Вот вы говорите о грехопаденье,
Праведности, спасенье и вере, —
Я же считаю: мужчины и женщины,
Прожив свою жизнь, растворяются
в смерти
И образуют мел для богов,
Изучающих геологию душ!

МЕНЬЮЭЛ ЛЭНФИР

Чтоб лампада не угасала
Перед образом божества,
Нужны и фитиль, и масло,
И заботливая рука.
Вы видали лампаду перед образом,
Но задумывались о фитиле и масле?
Вы вспоминали обо мне, проходившем средь
вас
Всегда с огнем божества в глазах?

НЕЛЬС МИСКИ

Надо мной изваяйте гриффона
С головой одноглазого змея
И одноглазым змеем вместо хвоста.
В книге Бытия прочитайте
О таинствах Финикии и Греции
И задумайтесь: что значил там змей?
Что значило яблоко?
Почему Ева первой вкусила яблоко
И как она вкусила его?
И почему они устыдились своей наготы,
Вкусив его?

ПЕРСИВАЛ ФОРМЕН

Мораль, праведность — это прекрасно!
Но самая чувствительная струна —
Денежная.
От нее все обычаи, все поступки.
Вам надо, чтоб некто переменил воззрения?
Троньте эту струну!

Хотите, чтоб он ходил в церковь
Или писал другие статьи и книги
И читал угодные вам лекции?
Троньте эту струну.
Хотите, чтоб он отказался от призвания
И начал новую, праведную жизнь?
Троньте эту струну!
Назовите десяток людей, не укрощенных
Прикосновением к этой струне!
Вы меня поняли, а?
Я разбогател, играя на этих струнах —
За мзду не печатал в газете разоблачения, —
И жил в свое удовольствие!

КАУЛИ РАЙДЕР

Я заработал и подарил ей дом,
Я засыпал подарками детей —
Как и она, меня они не любили,
Точно чужие дети.
Лет в шестьдесят я пробудился
И увидел, что все мое в их руках,
Что дети — ее и что их супруги — ее,
Мне же осталась каморка
В доме, который я заработал,
А весь мир стал мертвый или чужой:
Расплата за доброту — Смерть!

ДЖЕФФРИ КЕМПБЕЛЛ

Мы далеко, далеко,
Друзья Спун-Ривера,
И не явимся на вызов спиритов
И не напишем букв на планшетке.

Взгляните осенью на поседевшие стебли,
На пепельную оболочку лоз и хлебов,
На плывущие снежнобелые остовы
Репейника, что подражают июльским
листьям —

Двигутся, пляшут, кланяются и кивают!
Это чьи-нибудь души?

Или ничто,

Покорившееся гнетущему ветру?

И все же воспоминанья былой любви,

Исчезнувших лиц, дружеских рук

Приходят как голоса, огоньки и звуки,

Как блеклое эхо неувядаемых слов,

Пробужденье желанья,

Ветерок несказанной тоски!

ДЖОЗЕФ МИК

Я же видел праведный гнев окружного судьи

И показное негодование прессы,

Когда было доказано, что профсоюзы платили

По пятерке громилам за избиенье штрейкбрехеров,

И тут же, в том же суде,

При молчанье прессы

И содействии того же судьи,

Консервная фабрика заплатила

Адвокату пятьсот долларов

И разорила мою фабричку,

Чтобы я не стоял поперек пути!

ЭРНЕСТ УЭЙВЕРЛИ

Сначала я верил, что человек не может

Служить двум хозяевам: Богу и маммоне;

И я жил своей верой, служба Богу,

Но не выдержал напряжения
И избрал противоположный текст:
Отдавайте кесарево кесарю,
А Божие — Богу.
Так я упал на камень и разбился,
А камень упал на меня и стер в порошок.
И я говорю вам, что надо с умом
Даже в Библии отличать истинное от ложного
И знать, на каком ты пути, истинном или ложном.

УОТТ ФУЛДЖИН

Неужели же я преступней судьи Шумена?
Ибо я ограбил грабителей пивоварни,
Незаконно взяв то, что они незаконно
Брали от незаконного пивоварения.
Судья Шумен на этот свой срок в суде
Назначил нового управляющего пивоварней
И к нему полный комплект поверенных,
И взял гонорары, приработки и хищения
Старого управляющего и его поверенных
И дал их новому и его поверенным
В награду за честность при разоблачении
Старого и его поверенных...
Так судья Шумен отправил меня в тюрьму
За ограбление грабителей!

ЛУИС КИМБЕРЛИ

Прохожий, вдумайся, сколько добра и зла
Выявило крушение банка Томаса Родса:
Какую обнаружила силу духа
Жена кассира Джорджа Риса

И как засверкала великая мудрость поэта
Поупа,
Скончавшегося двести лет назад:
«Вся доблесть в том, чтоб роль сыграть
достоинно».

И как подводные течения показали,
Кто сделан из стали и кто из свинца!
Послушайте, все в жизни к лучшему,
Все — благо и вклад
В копилку мудрости будущих поколений.
Задумайся и обо мне: я лежу в земле,
А был призван сделать мудрее и справедливей
Деловой мир Спун-Ривера!

БЕЙАРД ГЕЙБЛ

Мне было семьдесят три, ей тридцать,
Во мне была страсть и силы для страсти,
Их хватило бы на год, два или три.
Но превыше всего я хотел подарить ей
Мудрость прожитых лет.
Что до меня, я нуждался в обществе
Нежной, милой подруги,
В заботливости жены.
Но она не пошла за меня, опасаясь,
Что меня не хватит на год или два.
Ты глумишься, Природа, над цветеньем души!
Ты смахиваешь жестокой косой все растенья,
В которых цветы страсти блекнут
Или увяли!

МОРИС УЭСТЕРМЕН

Прохожий, мой величайший грех —
Моя жизнь, состоявшая из ежедневных грехов,
Каждый — частица и отзвук греха всей жизни.
Но грех мой от головы, не от сердца,
Почему я и говорю вам, живущим:
Просвещайте голову, а не сердце.
Христос не сказал, что распявшие его бессердечны,
Но: «Отче! Прости им, ибо не знают, что творят».

ГОТТФРИД ФРУХТЕР

Кивки и улыбки, дары и банкеты,
И кредит, и все блага, когда все прекрасно...
Это дружба, она поет и цветет,
Когда солнце сияет.
Но когда небо в тучах и льет дождь,
Где они, песни, где цветы?
И улыбки тускнеют, глаза опускаются,
И дарители забирают дары,
И дверь на замок.
Стоял ли ты под дождем в беседке,
Считал ли сломанные стебельки цветов,
Вытряхивая из кармана поблекшие
Лепестки с благоуханьем июня?
И может быть, гордый подсолнух
Из-под дождя тебе вежливо кланялся,
А в беседке под крышу забила ласточка,
Пряча сломанное крыло
И ища глазами твоих глаз!

СИЛЬВЕСТЕР УИЛСОН

Спунриверцы, вы будете действовать
В том же духе, что и всегда:
Относиться друг к другу, словно жизнь вечная,
Словно счастье — это отдых
После сведения счетов и завершения дел.
Вы будете навязывать волю ближним,
Заставлять их жить по-вашему,
Издавать законы и попираť восторги
И строить планы на много лет.
Вы будете продолжать в том же духе,
Не видя, что собственность, только
собственность
В основе иллюзии, что жизнь вечная!

ПИРСОЛ САТТОН

Плевать тебе было, Спун-Ривер,
Выращивал ли огородник Острум капусту
В солнечное или дождливое лето,
Без особых усилий или борясь
С гусеницами и жучками!
Ты требовал овощей,
Которые не становились вкуснее
Из-за того, что их было непросто вырастить,
Так и с моей книгой, Спун-Ривер.
Горе, бедность, болезнь, томление духа,
Гусеницы сомнений во мраке раздумий
И кроты ежедневных забот,
В конце концов, тебя не касались.
Дело в другом: книга ли это?

ОГАСТ ГИЗЕ

Космогония — предположение?
Происхождение видов — предположение?
Возникновение человека — предположение?
Но разве Бог — не гипотеза,
Не предположение?
И что лучше — сказать, что Бог сотворил нас
И сотворил мир, и остановиться на этом,
Или исследовать и объяснять процессы
Жизни и самого мироздания,
Не прибегая к гипотезе
Как к беспричинной причине?
Здесь лежу я, не угадавший, что происходит
На земляном ложе!

ЭДВАРД УАЙБЕЛ

У меня было две супруги, сограждане.
При первой я оставался самим собой
И все более становился самим собой,
Ибо она на меня не походила.
Вторая была по натуре совсем, как я,
И она вливала себя в меня
И вбирала меня в себя,
Покуда я не пропал:
Так чистый ручей становится мутным
При слиянии с мутным ручьем!

ИЗАБЕЛ ФРИЛИНГ

Это я заманила змея в сад,
А потом от страха залезла на дерево,
Предоставив отцу бороться со змеем!

А как я ссорила брата с братом,
И они враждовали, а я убежала
Туда, где им меня не достать!
Гении без великой темы —
Вот тема на тысячу страниц!
Опишите, как я сжигала мой мусор
Во дворах родителей и родных,
Оставляя их в тошноте и удушье,
А сама наслаждалась воздухом Альп!
Как я заложила зловонные мины —
Они взорвались после меня.

ЖАН ГЕРЕН

Вольтер, сохранили бы силу твои
Непобедимые бицепсы,
Если б ты не орудовал топором и шпагой,
А вычесывал блох,
Хлопал мух и выискивал вшей?
А допустим, тебя бы избрали мишенью:
Ежеутренне сводка событий в воскресной
школе

И Миссионерском обществе
И просьба пожертвовать на священника
И на Лигу охраны правопорядка.
Нет, ты бы не победил их,
Ибо на их стороне газеты,
А если бы ты поразил их высокой сатирой,
Они на тебя бы кротко взглянули
И простили, и не возразили ни словом,
И все слали бы свои сводки —
Что бы ты делал?

ИЗРАЭЛ ГОБИНИ

Опровергните-ка, собратья по дурости:
Каждый из вас состоит из клеток,
А клетки состоят из атомов,
А атомы — из электронов и ядер,
А ядра — из электронов и протонов,
И их вращение, то есть участие в жизни,
Определено огнем, электричеством.
Таков человек, и это все!
Что еще? Бог? Бессмертие? Но они
Возникают от колебаний наэлектризованного
эфира!
И колеблются они сами или их кто-то колеблет?
Может, Бог, то есть Мысль и Мыслитель вместе?
С другой стороны, взгляните-ка на людей,
Угнетенных и вынужденных сочинять
Надежду, чтобы хоть как-то выжить,—
И вот вам эфир колеблется, и возникает Иегова,
Который будто бы вне протонов и электронов.
И все время он — лишь мерцание
Ярких бликов на склоне скалы
От слепящего солнцем ручья.
Откуда я это знаю? Иегова умер,
Когда людям стал нужен не Иегова,
А Бог — и они его сотворили!

ААРОН ГРИН

Кто суть боги?
Боги — трижды очищенный принцип истории,
В которой все и вся уже истолковано.
Кто суть боги?

Боги — чистая квинтэссенция понимания,
Размышления, мудрости,
От которой отфильтрованы
Страсти, предрассудки, невежество, —
К таким богам я взываю об оправдании!

МАРГАРЕТ МОЙНИХЕН

Новая воля пробивается свежим ростком
Сквозь заскорузлую старую почву!
Но что есть цветок и воспользуется ли он
небом

Лучше, чем смог прошлогодний цветок?
Ради чего я жила и старалась,
А Эстер Принн, и Хетти Соррел,
И Тесс из рода д'Эрбервиллей
Любили и страдали,
А Флосси Кабанис бросила вызов городу?
Могла ли я из своеволия
И ради карьеры любить и убивать
Проросшие семена посеянной жизни?
Я лежу здесь, незамужняя, бесполезная,
Забытая, не пристыженная,
не пристыдившая

Своего любовника, ибо сбежала
И умерла, чтоб не рожать ребенка,
Которого не хотела, как не хотела
Семьи и дома!
Ты верно сказал Штатам, Уолт Уитмен:
— Готовьте дома для умалишенных,
Вы на верном пути к порождению
Нации сумасшедших.

КЛЕАНТУС ТРИЛЛИНГ

Семя — к зародышу.
Зародыш — к ростку.
Росток — к листьям.
Листья — к цветку.
Цветок — к летящей пыльце.
Пыльца — к мечте о жизни.
Жизнь — к будущему.
Будущее — к страданию.
Страдание — к Богу.

КОММЕНТАРИИ

Избранные эпитафии из «Антологии Спун-Ривер» неоднократно публиковались в сборниках американской поэзии: «Поэты Америки. XX век» (М., 1939), «Слышу, поет Америка» (М., 1960), «Поэзия США» (М., 1982) в переводах И. Кашкина, М. Зенкевича, И. Ананиашвили. В настоящем издании «Антология Спун-Ривер» впервые представлена полностью. «Новый Спун-Ривер» переводится на русский язык впервые.

Стр. 16. *...именитых участников революции?*.. — то есть участников Войны за независимость 1775—1783 гг.

...сыновей, погибших в бою... — то есть во время Гражданской войны 1861—1865 гг. (см. ниже).

...что Эйб Линкольн когда-то сказал в Спрингфилде... —

В Спрингфилде, который в 1836 г. стал столицей штата Иллинойс, началась адвокатская деятельность А. Линкольна, приобретшего также известность видного деятеля республиканской партии. В одной из речей, произнесенных в Спрингфилде в декабре 1839 г., он дал ставшую знаменитой клятву: «Перед лицом Бога и людей я клянусь всегда оставаться верным делу справедливости, как я его понимаю, во имя моей родины — страны свободы, страны, которую я люблю».

...а потом объявил о своем банкротстве... — Согласно американскому законодательству, гражданин США имеет право добровольно объявить себя банкротом и тем самым до-

биться отсрочки выплаты долгов кредиторам. В течение XIX в. было принято три временных закона о банкротстве: 1800, 1841 и 1874 гг. В 1898 г. Конгресс утвердил Закон о банкротстве, сохраняющий свою силу по сей день.

Стр. 19. *Он человеком был.*— Ср. со словами Гамлета о своем отце: «Он человек был. Человек во всем» (Перевод М. Лозинского).

Стр. 21. ...«*Стаканчик*» *Генри* голосовал против салунов...— Имеется в виду общенациональная кампания за введение сухого закона, которую вели Партия сухого закона и Американская антисалунная лига. Партия сухого закона была создана в 1869 г. методистским священником Джоном Расселлом, Лига — в конце 1890-х гг. методистским епископом Джеймсом Кэнноном. Кампания увенчалась принятием в 1919 г. восемнадцатой поправки в Конституции о «сухом законе», который просуществовал в США 14 лет и был отменен двадцать первой поправкой в 1933 г.

Стр. 22. ...*сравнимый разве с ослиной челюстью*...— Ироническая аллюзия на миф о Самсоне — ветхозаветном герое, который в бою с филистимлянами поразил тысячу воинов случайно найденной под ногами ослиной челюстью.

Кок, сэр Эдвард (1552—1634) — английский судья, генеральный прокурор, который выдвигал тезис о незаконности любой критики королевской власти. Выступал государственным обвинителем на многих политических процессах начала XVII века.

Блекстон, сэр Уильям (1723—1780) — английский юрист, автор классических трудов по теории права.

Брис, Сидни (1800—1878) — американский юрист и политический деятель, член Верховного суда штата Иллинойс в 1857—1878 гг.

Камбронн, Пьер (1770—1842) — французский генерал, командовал «последним каре» старой гвардии в битве при Ватерлоо (18 июня 1815 г.), прикрывавшим отход наполеоновских войск. На предложение английского генерала Перегрина Мейтланда (1777—1854) о сдаче в плен ответил словами:

«Гвардия умирает, но не сдается» (по другим сведениям, отказ был сформулирован в более сильных выражениях).

Стр. 24. ...*вордсвортовская «Ода»*.— Имеется в виду «Ода: размышления о бессмертии» английского поэта-романтика Уильяма Вордсворта (1770—1850), где отражены основные положения романтической философии.

Стр. 25. *Рю Риволи* — улица в Париже.

Стр. 28. *Йеху* — персонаж четвертой части сатирического романа-притчи Джонатана Свифта (1667—1745) «Путешествия Гулливера» (1726), человекоподобное существо, деградировавшее в своем развитии. Здесь: дегенераты.

Стр. 32. *Мишинери-ридж*.— 25 ноября 1863 г. на подступах к холмам Мишинери-ридж в штате Теннесси состоялось сражение между северянами и южанами, в результате которого армия Севера под командованием генерала У. Гранта прорвала фронт.

...*под мраморной бабой*... — типичный памятник солдатам, павшим в Гражданской войне, представляет собой фигуру скорбящей женщины.

Стр. 34. «*Норзерн спай*» — сорт яблок.

Стр. 36. ...*прах моего тезки развеян*...— Английский поэт-романтик Перси Биши Шелли (1792—1822) утонул в Средиземном море в заливе Специя. Его тело было кремировано и прах захоронен на Новом протестантском кладбище в Риме, а сердце увезено на родину.

Пирамида Гая Кестия — надгробный памятник римскому трибуну Гаю Кестию (ум. в 12 г. до н. э.), находится около Нового протестантского кладбища в Риме.

«*Ист Линн*».— Имеется в виду инсценировка наиболее известного романа «Ист Линн» (1861) английской писательницы Эллен Генри Вуд (1814—1887). Спектакль пользовался несравненно большим успехом, чем книга.

Стр. 37. *Дузе*, Элеонора (1858—1924) — итальянская драматическая актриса, с успехом гастролировавшая в США в конце XIX в.

И сказал ему Иисус... со Мною в раю — слова, обращен-

ные Христом к одному из двух распятых с ним разбойников (Лук., XXV, 43).

Стр. 38. *Виксберг* — город в штате Миссисипи. Победа северян в битве под Виксбергом 4 июля 1863 г. имела решающее значение для поражения конфедератов в Гражданской войне.

Стр. 40. *Когда на выборах... против салунов...* — См. коммент. к стр. 21.

Стр. 41. *Спартанский юноша...* — Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» в биографии спартанского законодателя Ликурга сообщает такой рассказ: один мальчик украл лисенка и спрятал его под плащ. Зверек стал зубами и лапами рвать мальчику живот, но чтобы не обнаружилась его добыча, мальчик не проронил ни звука, пока не упал замертво.

Стр. 42. *Форт Самтер* — крепость в штате Южная Каролина, у стен которой 12 апреля 1861 г. состоялось первое сражение между армиями Севера и Юга в Гражданской войне.

Стр. 43. *Фуллер*, Маргарет (1810—1850) — американская писательница и общественная деятельница, одна из первых феминисток.

Элиот, Джордж (наст. имя: Мэри-Энн Эванс, 1819—1880) — известная английская романистка натуралистического направления.

Стр. 44. *Джордж*, Генри (1839—1897) — американский экономист, в книге «Прогресс и нищета» (1879) выступил с идеей единого земельного налога как способа достижения социальной справедливости. Был сторонником «Несравненного Вождя» Уильяма Дженнингса Брайена (1860—1925) — американского политического и религиозного деятеля, блестящего оратора, неудачно баллотировавшегося на президентский пост от демократической партии в 1892 г. и выступавшего за проведение ряда экономических реформ — «свободную чеканку» серебряных долларов, введение прогрессивного налога, контроля за деятельностью трестов и т. п.

Стр. 45. *Пеория* — город в штате Иллинойс, где расположена тюрьма штата.

Стр. 56. *Боевой гимн республики* — патриотическая песня, написанная поэтессой Джулией Уорд Хау (1819—1910) в декабре 1861 г. во время посещения ею частей армии северян, расквартированных в Вашингтоне. Исполняется на мелодию песни «Тело Джона Брауна».

Стр. 58. *Campo Santo* (ит.) — «святое поле», кладбище в итальянских городах, где хоронят знаменитых людей.

Здесь юный Колумб мечтал... — Знаменитый итальянский мореплаватель Христофор Колумб (1451—1506) родился и провел детство в Генуе.

Стр. 61. *Здесь есть один слепец...* — Имеется в виду легендарный слепой поэт Гомер, которому приписывается авторство эпоса «Илиада».

...эпос... о нашей войне — то есть о Гражданской войне 1861—1865 гг.

Мэтью, Арнольд (1822—1888) — английский поэт и критик.

Эмерсон, Ральф Уолдо (1803—1882) — американский поэт, эссеист, философ-романтик.

«Стремите, волны, свой летучий бег!» — Дж.-Г. Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда, песнь IV, ст. 179 (Перевод В. Левика).

Стр. 62. *Декатур* — город в штате Иллинойс.

Стр. 64. *...И выслал... Господь Бог из сада Эдемского.* — Быт., III, 22—23.

Стр. 70. *«Вся доблесть в том...»* — Цитируется философско-моралистическая поэма английского поэта-классициста Александра Поупа (1688—1744) «Опыт о человеке» (1733—1744), эпистола IV, ст. 194.

Стр. 72. *...отцовы вирджинские добродетели...* — то есть представления о долге, чести, достоинстве человека, являющиеся предметом гордости старой американской аристократии, олицетворением которой был один из «отцов-основателей» Т. Джефферсон (чье имя носит герой этой эпитафии). Аристократическая «южная» этика духа всегда противопоставлялась пуританской (кальвинистской) морали с ее культом ма-

териального преуспевания, которую исповедовали новоанглийские дельцы — «торгаши и банкиры» XIX в.

Стр. 73. *«Достопочтенный»* — официальное обращение к высокопоставленному государственному чиновнику.

Стр. 75. *Энн-Арбор* — город, в котором расположен университет штата Мичиган, один из крупнейших в США.

Рокфорд — город в штате Иллинойс к северо-западу от Чикаго, где находится гуманитарный колледж.

Стр. 77. ...*фурьеристских садов, перед войной заполонивших Огайо.* — В 1840—1850-е гг. на Среднем Западе, особенно в Огайо, возникло несколько десятков сельскохозяйственных коммун, члены которых на практике пытались воплотить жизненстроительные проекты французского социалиста-утописта Франсуа-Мари Шарля Фурье (1772—1837). Наиболее знаменитая из этих коммун — Брук-Фарм, созданная в 1840 г.

Стр. 79. *Чатоква* — озеро в северной части штата Нью-Йорк, на берегу которого в 1874 г. методистский священник Джон Винсент открыл воскресную школу для взрослых. Здесь читались курсы лекций по истории, искусству, велось преподавание иностранных языков. К концу XIX в. школа в Чатокве получила общенациональную известность и ее филиалы открылись во многих штатах.

Стр. 80. *Конкорд* — городок близ Бостона в штате Массачусетс, родина Р.-У. Эмерсона (см. коммент. к стр. 61).

Стр. 85. *Альтгельд*, Джон Питер (1847—1902) — видный американский политический деятель; член демократической партии, губернатор штата Иллинойс в 1892—1896 гг., сторонник У.-Дж. Брайена (см. коммент. к стр. 44).

Армор, Филип Данфорт (1832—1901) — чикагский промышленник, владелец заводов по производству мясных консервов.

Стр. 89. *Возвышенные философы...* — В социальной утопии древнегреческого философа Платона (428/7—348/7 гг. до н. э.), описанной в «Государстве», верховная власть принадлежала философам.

Гадес (или: Аид) — в греческой мифологии бог и царство мертвых.

Стр. 90. *Джонатан Свифт Сомерс* — вымышленный автор «Спуниады» (примеч. автора), проиколического эпоса Спун-Ривера, фрагмент которого включен в «Антологию».

Стр. 91. *Когда в Чикаго повесили анархистов...* — 4 мая 1886 г. на площади Хеймаркет в Чикаго во время митинга протеста против ареста организаторов забастовки рабочих была взорвана бомба, в результате чего погиб один и было ранено шестьдесят человек. По подозрению в организации террористического акта задержали более двухсот человек, в основном социалистов-анархистов. Летом 1887 г. состоялся суд над анархистами, четверо из которых были повешены 11 ноября 1887 г., а остальные получили длительные сроки тюремного заключения. В 1893 г. губернатор Иллинойса Дж. Альтгельд (см. коммент. к стр. 85) помиловал осужденных.

Стр. 94. *Ингерсолл*, Роберт Грин (1833—1899) — американский юрист, оратор, писатель. Практиковал в Иллинойсе с 1855 г., после Гражданской войны завоевал популярность публичными лекциями по истории американской революции, проблемам религии, о А. Линкольне и др.

Аболиционистский идеализм. — Аболиционизм — широкое общественное движение в 1830—1840-х гг. за отмену рабства, охватившее, главным образом, северные штаты. Активными аболиционистами были представители творческой интеллигенции: Р.-У. Эмерсон, Г.-Д. Торо, М. Фуллер, Н. Готорн, У.-Э. Чаннинг и др.

Бранд — герой одноименной романтической драмы в стихах норвежского поэта-драматурга Генрика Ибсена (1828—1906), воплощающий нравственный максимализм, неприятие пошлости окружающей жизни.

...с трещиной в сердце. — Аллюзия на известную формулу немецкого поэта-романтика Генриха Гейне (1797—1856): «мир раскололся, и трещина прошла через сердце поэта» (приводится в книге Г. Гейне «Путешествие по Гарцу»).

Стр. 99. *Воспоминания* президента Улисса Гранта были

после его смерти подготовлены к печати М. Твенем. Двухтомное издание вышло в 1885—1886 гг.

Стр. 104. *Макинак* — остров на озере Гурон в штате Мичиган.

Манитоба — канадская провинция, граничит на юге со штатом Миннесота.

Стр. 105. *Эдисон*, Томас Алва (1847—1931) — знаменитый американский физик и изобретатель.

«*Октеронка*» (1885) — мелодрама ирландского драматурга Диона Бусико (1820—1890), пользовавшаяся огромной популярностью у американской аудитории.

Стр. 106. ...*В покерной комнате нашей оперы...* — В фойе старых американских театров часто располагаются комнаты для чтения, игры в карты, бильярдные.

Стр. 108. *Прудон*, Пьер Жозеф (1809—1865) — французский социалист, теоретик анархизма, оппонент К. Маркса.

Стр. 109. *Как повествует Овидий...* — Речь идет о рассказанном в шестой книге «Метаморфоз» Овидия мифе о Филомеле. Фракийский царь Терей после победы над варварами женился на Прокне, дочери афинского царя; от этого брака родился сын Итис. Воспылав страстью к сестре Прокны Филомеле, Терей насильно овладел ею и в страхе, что Филомела признается в совершенном над ней насилии, отрубил ей мечом язык. Филомела и Прокна отомстили Терее: умертвив Итиса, они подали отрубленную голову мальчика Терее на завтрак. Боги превратили Филомелу в соловья, Прокну — в ласточку, Терей — в удода.

Стр. 110. *Элагабал* (греческий вариант: Гелиогабал) — прозвище римского императора Марка Аврелия Антонина (204—222), известного своим жестоким обращением с пленниками и рабами. Опущенный вниз палец означает приказ о смертной казни.

Аримаспы — легендарные одноглазые обитатели Алтая, о которых упоминает Геродот в своей «Истории» (книга IV).

Стр. 113. *Развалины Фив ...на мемфисском некрополе.* — Фивы и Мемфис — крупнейшие политические и культурные

центры Древнего Египта. В 663 г. до н. э. Фивы были разрушены ассирийским царем Ашшурбанипалом. На территории этих городов располагаются некрополи египетских фараонов.

Стр. 114. *Понтий Пилат* — римский прокуратор Иудеи. Когда во время суда Иисус Христос сказал Пилату: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине», Пилат спросил: «Что есть истина?» (Иоанн, XVIII, 37—38).

...кто хочет разрушить Союз... — то есть сторонники сохранения рабовладения, выступавшие в конце 1850-х гг. за выход конфедерации южных штатов из Союза.

Рыцари труда — общественная организация, созданная в 1869 г. по типу масонской ложи, выступала в защиту наемных рабочих от произвола и предпринимателей. Период наибольшей активности «ордена» пришелся на 1877—1887 гг.

«Таковых есть Царство Небесное». — Возражая апостолам, не допускавшим детей к Иисусу, он сказал им: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Матф., XIX, 14).

Стр. 115. *Вэлли-Фордж* — деревня в штате Пенсильвания к северо-западу от Филадельфии. В декабре 1777 г. Дж. Вашингтон расположился здесь со своей армией на зимних квартирах. Ныне — исторический музей под открытым небом.

Черный Ястреб (1767—1838) — индейский вождь, в 1832 г. начавший войну против американских поселенцев за возвращение исконных индейских территорий в штатах Иллинойс, Висконсин, Миссури.

Голодная скала — одинокая скалистая гора на севере штата Иллинойс. Согласно легенде, на вершине этой горы умерли от голода окруженные ирокезами остатки иллайнов — коренного индейского племени, проживавшего на территории штата.

Петля — деловой район Чикаго.

Стр. 116. *Стойкие йомены сороковых годов* — мелкие фермеры среднезападных штатов, которые в середине XIX в. вели борьбу за экономическую независимость с наступающими с Востока крупными капиталистами.

Стр. 118. *Вольней*, Константен-Франсуа Шассбеф (1757—1820) — французский историк, автор историко-философского атеистического сочинения «Руины, или Размышления о революциях в империях» (1791, англ. перевод: 1825).

Батлер, Джозеф (1692—1752) — английский религиозный философ, автор трактата «Аналогия религии, естественной и очевидной, и строения и путей природы» (1736).

«*Эванджеллина*» (1847) — историческая поэма американского поэта-романтика Генри Уодсворта Лонгфелло (1807—1892).

Стр. 121. *Джолиет* — город на севере штата Иллинойс, в котором расположена тюрьма штата.

Стр. 123. ...я, как Самсон, борюсь со львом... — Одним из подвигов героя ветхозаветной мифологии Самсона был его поединок с молодым львом, которого Самсон, исполнившись «духа Господня», разорвал на части.

Стр. 126. *Фурии* — в римской мифологии богини мести и угрызений совести, преследующие грешника.

Мойры — в греческой мифологии три сестры — богини судьбы: Лахесис определяет жребий, Клото прядет из пряжи нить судьбы, а Атропос приближает неотвратимое будущее.

Стр. 135. *Петр* (греч. «камень») — один из двенадцати учеников Иисуса Христа, которому учитель сказал: «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою» (Матф., XVI, 18). Петр — Огонь — очевидно, аллюзия на эпизод в Деяниях Святых апостолов, где апостолам «явились разделяющиеся языки как бы огненные... и исполнились все Духа Святого» и Петр призвал народ иудейский креститься во имя Иисуса Христа. (II, 2—4, 14 и далее). Петр — Огонь — олицетворение пламенной веры.

Стр. 137. *Спенсер*, Герберт (1820—1903) — английский философ-позитивист, автор многих трудов по философии природы, этике, социологии, пользовавшихся популярностью как в Западной Европе, так и в США.

Стр. 138. «Праведные будут жить на земле, лета же не-

честивых сократятся». — Цитируются два стиха из Книги притч Соломоновых — II, 21 и X, 27.

Стр. 139. *Варвары-тагалог* — коренные жители Филиппин.

Величайшая европейская армия. — Имеются в виду англичане. В эпитафии речь идет о испано-американской войне 1898—1899 гг., когда боевые действия велись на Филиппинах.

Стр. 140. *Йорктаун* — портовый город в штате Вирджиния, в сентябре — октябре 1781 г. при Йорктауне состоялось крупное сражение, в котором американские войска, при поддержке французских добровольцев, разгромили англичан.

Стр. 144. *Рафаэль Санти* (1483—1520) — величайший живописец итальянского Возрождения.

Франциск Ассизский (1181/2 — 1226) — итальянский проповедник и поэт, основатель монашеского ордена францисканцев, проповедовавших культ «святой нищеты», близость к дикой природе, нравственную чистоту.

Энн Ратледж — была возлюбленной президента А. Линкольна, когда тот жил в Нью-Сейлеме, штат Иллинойс. Умерла в возрасте 19 лет.

...*Без ненависти — ко всем, с милосердьем — ко всем* — цитата из речи А. Линкольна при вторичном вступлении в президентскую должность 4 марта 1865 г.

Стр. 145. *Альфред* — английский поэт-романтик Альфред Теннисон (1809—1892). Цитируются слова «слезы из глубин божественного отчаянья» из стихотворения «Слезы, напрасные слезы», которое входит в большую лирическую поэму «Принцесса» (1847).

Стр. 146. *Вулкан* — в римской мифологии бог-кузнец, ковач оружия.

Стр. 147. ...*созданий Плутарха, Шекспира*. — Имеются в виду персонажи «Сравнительных жизнеописаний» древнегреческого писателя Плутарха (ок. 46 — ок. 127), ставшие прототипами исторических драм Шекспира.

Бут, Джон Уилкс (1838—1865) — американский драматический актер. Вечером 14 октября 1865 г. он пробрался

в президентскую ложу Фордовского театра в Вашингтоне и выстрелом из револьвера смертельно ранил президента А. Линкольна.

Джексон, Эндрю (1767—1845) — американский государственный деятель, президент США в 1829—1837 гг., сторонник демократических реформ, один из основателей демократической партии.

Вебстер, Дэниел (1782—1852) — американский юрист, государственный деятель.

Клей, Генри (1777—1852) — американский государственный деятель консервативной ориентации, спикер палаты представителей, сенатор.

Стр. 148. *Амброгип* — американское название дагерротипа.

Старые пионеры — первопроходцы-путешественники, осваивавшие Дальний Запад в 1840-е гг. (Дэниел Бун, Сэм Хьюстон и др.).

Стр. 149. *Люсинда Мэглок* — прототипом этой жительницы Спун-Ривера была бабка поэта Люсинда Мастерс.

Стр. 153. *Руссо*, Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель и философ-моралист эпохи Просвещения. Родился и жил в Женеве.

Стр. 154. *Эдди*, Мэри Бейкер Дж. (1821—1910) — американская религиозная деятельница, в 1879 г. основала протестантскую секту под названием «христианская наука», которая отходит от некоторых фундаментальных доктрин христианства.

«Бхагавадгита» («Божественная песнь») — один из важнейших философско-религиозных текстов индуизма, включен в VI книгу эпоса «Махабхарата», представляет собой диалог бога Кришны и воина Арджуны, в котором излагаются основные вопросы индуистского вероучения. Пользовалась популярностью у американской интеллигенции во второй половине XIX в., особенно в литературных кругах.

Стр. 155. *Гамильтон*, сэр Уильям (1805—1865) — ирландский математик, астроном.

Стюарт, Дугалд (1758—1828) — шотландский философ, автор популярных курсов по философии и этике.

Локк, Джон (1632—1704) — английский философ-просветитель, политический философ. Основной труд — «Опыт о человеческом разумении» (1690).

Стр. 156. *Мьюр*, Джон (1838—1914) — американский натуралист, путешественник, ратовал за сохранение заповедных уголков дикой природы и создание национальных парков.

Стр. 157. *Йоманс*, Эдвард Ливингстон (1821—1887) — американский ученый, автор научно-популярных трудов по естествознанию, наиболее известным из которых является «Школьный курс химии» (1851). В 1872 г. вместе со своим братом Уильямом Джем основал научно-популярный журнал «Попьюлар сайенс мансли».

Тиндалл, Джон (1820—1893) — ирландский физик, естествоиспытатель, автор многих популярных трудов по естествознанию.

Стр. 161. «*Упанишады*» — свод древнеиндийских религиозно-философских трактатов, созданных в VII—III вв. до н. э.

Стр. 163. *Спика* — самая яркая звезда в созвездии Девы.

Нокс-Колледж — высшее учебное заведение в г. Гейлсберг, штат Иллинойс.

Стр. 164. *Гито*, Чарлз Джулиус (1840—1882) — чикагский юрист. 2 июля 1881 г. убил президента Дж. Гарфилда, повешен по приговору суда.

Миссис Суррат — Мэри Э. Суррат, владелица меблированных комнат в Вашингтоне, где останавливался Дж.-У. Бут накануне убийства президента А. Линкольна (см. коммент. к стр. 147).

Стр. 167. *Перикл* (490—429 гг. до н. э.) — выдающийся политический деятель Древней Греции, лидер афинских демократов.

Борджа (Борджиа), Чезаре (1475—1507) — итальянский военный и государственный деятель, известный своим ковар-

ным умом и упрямым авантюризмом, послужил прототипом для «Государя» Н. Маккиавелли.

Стр. 168. ...как великий народ... оседлал кентавра Революции...— Имеется в виду Великая французская революция 1789 г.

Верховное Существо — высшее божество во французском послереволюционном пантеоне, декретированном якобинцами после «отмены» христианства. Праздник Верховного Существа — основной религиозный праздник во Франции эпохи революции.

...в стихию общенародного потопа...— Имеется в виду американская революция 1776 г.

Стр. 169. *Ферротип* — фотография на жестяной пластинке.

Стр. 171. *Деревенский юноша из Галилеи*.— Имеется в виду Иисус Христос, который родился в иудейской провинции Галилея.

Стр. 174. *Дельфийский Аполлон*.— Главным центром культового почитания бога Солнца в Древней Греции был храм Аполлона в Дельфах.

Плутос — в греческой мифологии бог богатства.

Стр. 175. *О муза, ныне пой о гневе Джона*...— Пародийное обыгрывание зачина «Илиады»: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына» (перевод Н. Гнедича).

...и запалило ненависти факел...— Очевидно, намек на террористический акт, совершенный спун-риверскими анархистами.

Стр. 176. *Слепец-хиосец* — Гомер; по преданию, семь греческих городов претендовали называться его родиной. Одним из семи городов был Хиос.

Скамандр — в греческой мифологии бог одноименной реки близ Трои.

Хрисеида — дочь Хриса, жреца Аполлона, плененная Агамемноном при разрушении Фив.

Мом — в греческой мифологии бог злословия, сын Никты, богини ночи.

Талия — в греческой мифологии муза — покровительница комедии и легкой поэзии.

Стр. 178. ...и каждый оглянулся, точно гусь из стаи... — пародия на гомеровский стиль. Ср. в «Илиаде»:

И, как лев на тельцов нападает и вдруг сокрушает
Выю тельцу иль телице, пасущимся в роще зеленой,—
Так обоих Приамидов с коней Диомед... сбил беспощадно.
(Перевод Н. Гнедича.)

Стр. 179. *Алкмена* — красавица жена царя Амфитриона, мать Геракла.

Стр. 181. *Лишь утро снежно-белыми перстами...* — Ср. в «Одиссее»: «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос» (Перевод В. Жуковского).

Свиноокий Аллен. — Ср. в «Илиаде»: «Волоокая Гера богиня» (Перевод Н. Гнедича).

Стр. 184. *Павел* — апостол.

Петр — апостол.

Константин — по-видимому, римский император Константин Великий (285—337).

Стр. 186. *Локи* — один из основных богов в скандинавской мифологии, хитрый и коварный плут.

Йогариндра — по-видимому, либо ошибка, либо вымысел Мастерса. В индуистском пантеоне есть богиня Йоганидра, персонификация «света медитации», энергии, позволяющей во сне отрешиться от ощущений внешнего мира, но сохранить способность мыслительной деятельности.

Стр. 191. *Гавриил* — в христианской мифологии архангел-вестник, в иконографии изображается с трубой. Трубным гласом, согласно Евангелию, возвестится начало Страшного суда.

Стр. 194. *Борджиа*, Лукреция (1480—1519) — сестра Чезаре Борджа (см. коммент. к стр. 167), которую трижды выдавали замуж, преследуя политические цели.

Нерон (37—68) — римский император, прославился своей жестокостью.

Стр. 196. *Плоды не Древа жизни...*— Аллюзия на историю грехопадения Адама и Евы, по наущению змея вкусивших от Древа познания добра и зла, после чего Бог, убоявшись, что люди вкусят и от древа жизни и обретут бессмертие, изгнал их из Эдема (Быт., III).

Стр. 200. *Умей беречь не мир, но меч.*— Ср. слова Иисуса Христа: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч» (Матф., X, 34).

Стр. 204. *...и в нее упала звезда полынью.*— Цитируется Откровение Святого Иоанна Богослова: «...Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынью» (Откр., VIII, 10—11).

Стр. 205. *Где Бездна, которой судьба сожнуться?*— Последняя строфа содержит аллюзии на Откровение Святого Иоанна Богослова. Ср.: «И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змея древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы» (Откр., XX, 1—3).

Где Ключи Смерти...— Иисус Христос говорит: «Имею ключи ада и смерти» (Откр., I, 18).

Ковчег Завета — деревянный сосуд, в котором находились две каменные скрижали с высеченными на них десятью заповедями, символизировал завет (то есть договор) Бога с народом Израиля, который Моисей должен был вывести из земли Египетской (См.: Исх., XXV, 10).

Молитвы всех святых.— «И пришел иный Ангел... и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который пред престолом» (Откр., VIII, 3).

...море стекла, сплавленного с огнем?..— «...и семь светильников огненных горели пред престолом, которые суть семь духов Божиих. И пред престолом море стеклянное, подобное кристаллу» (Откр., IV, 5—6).

...видения чистых потоков, и город, которому солнца не нужно...— «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего... И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл» (Откр., XXI, 23, XXII, 1). Мрачная ирония сравнения Нового Спун-Ривера с Новым Иерусалимом заключается в том, что иллинойсский городок становится символом извращения, крушения «американской мечты».

Стр. 206. ...моя мечта шестидесятых...— Имеется в виду стремление борцов за единство Союза штатов защитить идеалы Декларации независимости.

Стр. 207. Чикагский Фарос.— Ироническая аналогия иллюминированного Чикаго с александрийским Фаросом, одним из семи чудес света Древнего мира — маяком на острове Фарос близ берегов Египта, построенном при Александре Македонском.

...я замечал, как менялись фамилии в городе...— Речь идет о размывании потомков первых поселенцев, «настоящих янки», иммигрантами, приток которых в США резко увеличился с конца XIX в.

Стр. 212. ...ты, как агнец... я, как козлище...— Имеется в виду противопоставление праведников и грешников. Ср. пророчество о Страшном суде: «И соберутся пред Ним все народы, и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов» (Матф., XXV, 32).

Стр. 213. ...гоняются за мешком с анисом.— Игра, имитирующая охоту: мешок с корнями аниса «охотники» волокут по земле, по душистому следу пускают гончих и скачут за ними вслед.

Стр. 217. Разве он не сказал...— «Когда придет Утешитель, которого я пошлю вам от Отца... Он будет свидетельствовать обо Мне», «...ибо если я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пошлю его к вам, и Он, пришед, обличит мир о грехе и о правде и о суде» (Иоанн, XV, 26, XVI, 7—8).

Стр. 218. Спиноза, Барух (Бенедикт) (1632—1677) —

нидерландский философ-пантеист, в основе его этического учения лежит тезис об интеллектуальной любви к Богу.

Лютер, Мартин (1483—1546) — немецкий религиозный деятель, один из основателей протестантизма.

Вольней. — См. коммент. к стр. 118.

Геккель, Эрнест (1834—1919) — немецкий биолог-дарвинист, автор трудов по морфологии и эволюции видов.

Карнеги, Эндрю (1835—1919) — американский промышленник, известный своей филантропической деятельностью. На его средства строились общественные здания, библиотеки и т. п.

Стр. 219. *Пейн, Томас* (1737—1809) — американский общественный деятель, философ-просветитель, ведущий публицист эпохи Войны за независимость, обосновывал идею суверенитета североамериканских колоний.

Ницше, Фридрих (1844—1900) — немецкий философ, один из основоположников «философии жизни», предшественник экзистенциализма.

Маммона — персонафикация богатства в новозаветной мифологии.

Стр. 220. *Калибан* — персонаж драмы Шекспира «Буря», ужасное чудовище.

Стр. 221. *Армия спасения* — благотворительная религиозная организация, основанная английским евангелическим проповедником Уильямом Бутом (1829—1912) в 1865 г.

Фундаменталисты — наиболее консервативные приверженцы протестантизма в США, в начале XX в. образовавшие группу защитников «чистоты» христианского вероучения.

«Горе вам, законники...» — ироническая парафраза слов Иисуса Христа: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам» (Матф., XXIII, 29).

Облигации военного займа. — Были выпущены в 1917 г., сразу же после вступления США в первую мировую войну. См. также ниже в эпитафии Зорбо Цвенена: «Тысяча девятьсот восемнадцатый, второй год войны» — то есть второй год участия США в войне.

Стр. 226. *Декларация Независимости*. — Написана в 1776 г. Т. Джефферсоном, стала первым основным документом американской республики, идеи которого вплелись в принятую позднее Конституцию. Ниже: «поиски счастья». — Имеется в виду одно из основополагающих установлений Декларации независимости: «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем природными и неотчуждаемыми очевидными правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью» (Перевод Н. Гольдберга. — Американские просветители, т. 2, М., 1969).

Стр. 228. *Можно обманывать всех какое-то время...* — Цитируется известное высказывание А. Линкольна: «Можно обманывать всех какое-то время, можно обманывать кого-то все время, но нельзя обманывать всех все время».

Стр. 230. *Филоктет* — персонаж «Илиады», царь Мелибеи, вместе с греками отправился в Трою, но его ужалила змея в ногу, и из-за ужасного зловония, исходившего от раны, его оставили на острове, где он провел десять лет.

Стр. 231. *Йеллоустонский национальный парк* — старейший и крупнейший национальный парк США, расположен на территории штатов Айдахо, Мичиган и Вайоминг. Главная достопримечательность парка — ущелье Большой Каньон с каскадом водопадов.

Стр. 236. *...стыдился, что происходит от яйцеклетки...* — Речь идет о конфликте между церковью и дарвинистами в вопросе о происхождении человека. Наибольшей остроты этот конфликт достиг во время серии «обезьяньих процессов», когда в ряде штатов преподавателей биологии отдавали под суд за пропаганду учения Дарвина.

Стр. 239. *«Если Моисея и пророков не слушают...»* — Лук., XVI, 31.

Стр. 244. *Персефона* — в греческой мифологии богиня царства мертвых, где она находится в течение зимы, а весной возвращается к своей матери Деметре, богине земледелия и плодородия.

Лючия — героиня оперы Г. Доницетти «Лючия ди Ламермур» (1835).

Таис — героиня оперы Ж. Массне «Таис» (1894). Обе встретили трагическую смерть из-за любви.

Стр. 245. *...моя же могила возле могилы Эмерсона...*— Р.-У. Эмерсон (см. коммент. к стр. 61) похоронен в Конкорде близ Бостона.

Стр. 249. *«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше».*— Матф., VI, 21.

Стр. 250. *Налетели птицы и поклевали меня.*— Аллюзия на евангельскую притчу о сеятеле, где есть такие слова: «...И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы, и поклевали то» (Матф., XIII, 4). См. ниже в монологе Уильяма Сиса: «Почему сеятель сеял меня среди терний?» — «Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его» (Матф., XIII, 7). И далее, в монологе Роберта Сиса: «...ибо добрый Господь посеял меня на добрую землю...» — «Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно в сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Матф., XIII, 8).

Стр. 252. *Марат*, Жан-Поль (1743—1793) — французский ученый, философ, публицист, один из активных участников Великой французской революции.

Стр. 253. *Юм*, Дэвид (1711—1776) — английский философ, историк, публицист, предшественник позитивизма.

Стр. 258. *...и о том, что праотец твой Ровоам...*— ироническая парафраза родословной Иисуса Христа (Матф., I, 7—8, 16).

Стр. 261. *Понсе де Леон*, Хуан (1460—1521) — испанский конкистадор, сопровождал Христофора Колумба в его экспедициях в Америку, открыл полуостров Флорида.

Бэкон, Роджер (1214—1292) — английский философ, естествоиспытатель, увлекался алхимией, хотя и отрицал ее постулаты.

Стр. 271. *«Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе».*— Марк,

IV, 28. Имеется в виду притча о подобии царства божьего семени, брошенному в землю.

Великая война за Свободу — то есть первая мировая война.

Есть время для миртового венка и есть для тернового венца. — Перефразированная строка из Екклезиаста: «Всею свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться и время умирать, время насаждать и время вырывать посаженное...» (Еккл., III, 1—2).

Стр. 273. *...близ далекой Манилы...* — Гарри Уилманс погиб во время испано-американской войны 1898—1899 гг.

Стр. 281. *Война за Союз* — Гражданская война 1861—1865 гг.

Стр. 282. *Ротари-клуб.* — Чикагский юрист Пол Харрис в 1905 г. основал первый Ротари-клуб, где регулярно собирались представители различных профессий и, ведя застольные беседы, обсуждали вопросы своего ремесла. Вскоре отделения Ротари-клуба открылись по всей стране, а затем и на других континентах. Целью Ротари-клубов является просветительская деятельность. На своих сессиях ротарианцы поют традиционные клубные песни. Одна из них — «Старый дубовый бочонок».

Стр. 283. *Санта Фе* — город в штате Нью-Мексико.

Стр. 287. *Пресвитерианцы* — приверженцы пресвитерианства, течения в американском протестантизме.

Христианская наука. — См. коммент. к стр. 154.

«Мужчину и женщину сотворил их». — Быт., I, 27.

«На путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите...» — Цитируется Матф., X, 5—6.

...дух козлоногой Эллады... — то есть язычество Древней Греции, Эллады козлоногого бога Пана.

Стр. 290. *Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.* — В эпитафии иронически комментируются ветхозаветные заповеди. — См.: Втор., V.

Огненный стол — библейский образ: спасая израиль-

тян от преследования египтян, «воззрел Господь на стан Египтян из столпа огненного и облачного и привел в замешательство стан Египтян» (Исх., XIV, 24).

Стр. 294. *Великая звезда на Востоке*.— Волхвы, пришедшие в Иерусалим в канун рождения Иисуса Христа, говорили: «Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему» (Матф., II, 2).

Стр. 296. *Гимет* — горная гряда к востоку от Афин.

Фалерон — река у подножия горы Олимп, где обитали боги-олимпийцы.

Стр. 301. *Разве Христос не сказал...*— Цитируется Евангелие от Матфея: «И некто сказал Ему: вот мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто мать Моя и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот Мать Моя и братья Мои, ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» (Матф., XII, 47—50).

Стр. 307. *Животный магнетизм* — этим термином немецкий естествоиспытатель Франц Антон Месмер (1734—1815) назвал наблюдавшиеся им явления гипноза. Во второй половине XIX в. «животный магнетизм» получил в США широкое признание как способ лечения некоторых нервных заболеваний.

Стр. 310. *«Люби ближнего»*.— Имеются в виду ветхозаветные заповеди: «Люби ближнего как самого себя» (Левит, XIX, 18) и «Не сотвори себе кумира» (Втор., V, 8).

Стр. 312. *Кемпбеллиты* — члены секты, основанной в начале XIX в. ирландским пресвитерианским священником Томасом Кемпбеллом, выступают за «чистое» толкование Евангелия и строгое следование евангельским поучениям, проповедуют идею второго пришествия Иисуса Христа и наступления его тысячелетнего царства.

Стр. 315. *Хаммурапи* (1792—1750 гг. до н. э.) — вавилонский царь и полководец, при котором Вавилон достиг наивысшего расцвета.

Мэн-цзы (372—289 гг. до н. э.) — китайский философ, последователь Конфуция.

Книги Апостолов — двенадцать сыновей Иакова: Рувим, Симеон, Левий, Иуда, Иссахар, Завулон, Дан, Неффалим, Гад, Асир, Иосиф, Вениамин, о жизни которых повествуют книги Ветхого завета: Бытие, Исход, Книга Судей, Числа и др.

...обрести весь мир и потерять ... душу... — Цитируются слова Иисуса Христа: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Матф., XVI, 25—26).

Стр. 317. ...почему Беатриче тогда улыбнулась Данте! — В главе XXXI «Рая» повествуется о том, как Данте в девятом круге Рая увидел подле Богоматери улыбающуюся Беатриче.

Стр. 320. ...я был прикован к Спун-Риверу... — Ироническая парафраза мифа о Прометее. В наказание за то, что он похитил у олимпийских богов огонь и передал его людям, Прометей был прикован к скале на Кавказе, куда каждую неделю прилетал орел и выклевывал ему печень.

Стр. 322. *Битва при Шайло* — состоялась 6—7 апреля 1862 г. Одна из наиболее кровопролитных битв Гражданской войны, сражение произошло у церкви Шайло в штате Теннесси.

Стр. 324. *Лассаль*, Фердинанд (1825—1864) — немецкий социалист, выступал за создание пролетарской партии.

Альтгельд. — См. коммент. к стр. 85.

Реформатор Шелли — английский поэт П.-Б. Шелли (см. коммент. к стр. 36) активно участвовал в обсуждении реформы избирательного права в Англии, чему посвятил свой публицистический этюд «Предложение поставить реформу на народное голосование» (1817).

Браун Джон (1800—1859) — борец за освобождение негров-рабов в США, один из руководителей левого крыла аболиционистского движения. По приговору суда был повешен в Чарлстоне.

Стр. 329. *Мидас* — в греческой мифологии фригийский царь, обладавший огромным богатством. Бог Дионис наделил его способностью превращать в золото все, к чему бы он ни прикасался. Будучи судьей на музыкальном состязании между Аполлоном и Паном, присудил победу Пану, за что разгневанный Аполлон наградил Мидаса ослиными ушами, которые тот прятал под шапочку.

Стр. 330. *Дуглас*, Стивен Арнольд (1813—1861) — американский юрист и политический деятель демократической партии, отстаивал право южных штатов самим решать вопрос о сохранении системы рабовладения.

Стр. 335. *Роза Сарона* — так называет себя царь Соломон, обращаясь к своей возлюбленной Суламифи в «Песне песней». В русском переводе: «Я — нарцисс Саронский...» (Песн., II, 1).

Стр. 336. *Далила* — героиня ветхозаветного мифа о Самсоне (см. коммент. к стр. 22), выведав у филистимлян, что сила Самсона скрыта в его волосах, коварно усыпила его и остригла.

Стр. 339. *Иисус Навин* — главный персонаж одноименной книги Ветхого завета, преемник Моисея, завоеватель Ханаана. После семидневной осады захватил город Иерихон, истребив всех его жителей.

Елисей — ветхозаветный пророк (Кн. Царств 3-я и 4-я), проклял глумившихся над ним детей, которых после его проклятия разорвала выбежавшая из леса медведица.

...Петр на горе хотел сделать кущи после преображения! — Имеется в виду то место в Евангелии, где сообщается, как Иисус взял троих учеников: Петра, Иакова и Иоанна, «возвел их на гору высокую одних и преобразился пред ними: и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет... При сем Петр сказал Иисусу: Господи! Хорошо нам здесь быть, если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии» (Матф., XVII, 1—4).

Стр. 341. *Франклин послал в небеса змея...* — Американский ученый, писатель, дипломат Бенджамин Франклин

(1706—1790) является изобретателем громоотвода, производил опыты по изучению «небесного электричества», запуская в грозовые тучи бумажный змей.

Стр. 342. *Огонь — душа мироздания, «пáντα ρεῖ»* (греч. «все течет») — афоризмы древнегреческого философа Гераклита Эфесского (535—475 гг. до н. э.).

Стр. 342—343. *Если не хлебом одним будет жить человек... и далее: Если будет жить всяким словом, исходящим из уст Божиих...* — Имеется в виду первое искушение Иисуса Христа в пустыне, когда дьявол-искуситель попросил его превратить камни в хлебы, на что Иисус ответил: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Матф., IV, 4). Это высказывание, в свою очередь, восходит к ветхозаветному: «не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек» (Втор., VIII, 3).

Стр. 343. *Давид, сладкопевец Израиля...* — израильский царь Давид, бывший пастух и певец-гуслиар. *Голиаф* — великан-филистимлянин, вступивший в поединок с Давидом, который поразил его камнем, пущенным из пращи.

Стр. 345. *«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить...»* — цитируются слова Иисуса Христа (Матф., X, 28).

Лэндор, Уолтер Сэвидж (1775—1864) — английский поэт и прозаик, стремившийся воссоздать «странную красоту» эллинистической культуры.

Стр. 348. *«Еффафа»* (греч. «отверзись!»). — Воскликнув так, Иисус Христос исцелил глухого косноязычного (Марк, VII, 34).

Стр. 356. *«Проклята ли земля за человека?..»* — Имеется в виду эпизод изгнания Адама и Евы из рая Богом: «Адаму же сказал: за то, что послушался голоса жены твоей и ел от дерева, о котором я заповедал тебе, сказав: «Не ешь от него», проклята земля за тебя: со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терние и волчцы произрастит она

тебе... В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт., III, 17—19).

Карма — в индийской мифологии и философии совокупность действий, совершенных душой в прошлом и определяющих будущий путь индивидуальной судьбы.

...змей, изгнанный из Эдема? — Имеется в виду проклятие Богом змея-искусителя: «И сказал Господь Бог змею: ...проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми» (Быт., III, 14).

Стр. 358. *Альфа Лиры* — самая яркая звезда созвездия Лиры.

Стр. 369. *Янг*, Брайхем (1801—1877) — лидер миссионерской секты мормонов, в середине XIX в. возглавил «исход» секты из Восточных штатов в Юту.

Генрих VIII (1491—1547) — английский король из династии Плантагенетов, в 1534 г. был объявлен главой англиканской церкви, провозгласившей независимость от папы римского.

Дэниел Бун, *Сэм Хьюстон*. — См. коммент. к стр. 148.

Отцы-основатели — американские политические и государственные деятели (Т. Джефферсон, Дж. Вашингтон, Дж. Мэдисон и др.), при участии которых Континентальный конгресс 4 июля 1776 г. провозгласил создание независимых Соединенных Штатов.

Рыцари Круглого стола — персонажи кельтских легенд о короле бриттов Артуре, воплощавшие морально-этические идеалы средневекового рыцарства. Собирались за круглым столом в королевском дворце.

Нейшн, Керри (1876—1911) — американская общественная деятельница, суфражистка, известная своими эксцентрическими акциями протеста против продажи алкоголя.

Лис, Мэри Элен. — Видимо, имеется в виду Мэри Элизабет Лис (1853—1933) — политическая и общественная деятельница, прославившаяся своим выступлением на Всемирном конгрессе мира в Чикаго в 1893 г.

Петр-Отшельник (Петр Амьенский, 1050—1115) — французский бродячий проповедник, вдохновитель и руководитель первого Крестового похода в 1099 г.

Стр. 370. *Джеймс, Джесси* (1847—1882) — знаменитый американский гангстер, член банды, совершавшей налеты на поезда и банки. Предательски убит своими друзьями. Герой многих приключенческих романов, народных баллад.

Джон Браун. — См. коммент. к стр. 324.

Доуи, Джон Александр (1847—1907) — странствующий проповедник-евангелист, знахарь, основал в штате Иллинойс город Сион, где поселились члены созданной им секты.

Шлаттери — точнее: Шлаттер, Михаэль (1716—1790) — немецкий религиозный деятель, в 1746 г. приехал в Новый Свет, стал активным сторонником независимости североамериканских колоний.

Брайен. — См. коммент. к стр. 44.

Вулворт-билдинг — шестидесятиэтажный небоскреб в Нью-Йорке в псевдоготическом стиле, построенный в 1912—1913 гг. на средства крупного американского промышленника Фрэнка Вулворта.

Стр. 377. «*Вся доблесть в том, чтоб роль сыграть достойно*». — См. коммент. к стр. 70.

Стр. 378. «*Отче! Прости им, ибо не знают, что творят*» — слова Иисуса Христа в момент казни (Лук., XXIII, 34).

Стр. 381. *Миссионерское общество*. — В конце XVIII в. в Англии и других странах Западной Европы протестантские общества, посылавшие добровольцев проповедовать учение Христа по всему миру.

Лига охраны правопорядка — общественная организация консервативного толка.

Стр. 383. *Эстер Принн* — героиня романа американского прозаика-романтика Натаниэля Готорна «Алая буква» (1850), воплощение моральной непорочности.

Хетти Соррел — героиня романа английской писательницы Джордж Элиот «Адам Бид» (1859), провинциалка, мечтающая обрести положение в высшем обществе.

Тесс из рода д'Эрбервиллей — героиня одноименного романа (1891) английского писателя Томаса Гарди.

Готовьте дома для умалишенных... — Цитируется высказывание Уолта Уитмена, которое Э.-Л. Мастерс мог обнаружить в книге Эдварда Ньютона «Великолепный фарс» (Бостон, 1921).

О. А л я к р и н с к и й

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Сергеев. Мастерс и Спун-Ривер . . . . .</i>	3
<i>АНТОЛОГИЯ СПУН-РИВЕР. Перевод Андрея Сергеева . . . . .</i>	15
<i>НОВЫЙ СПУН-РИВЕР. Перевод Андрея Сергеева . . . . .</i>	203
<i>Комментарии О. Алякринского . . . . .</i>	387

Мастерс Э.-Л.

М32 Антология Спун-Ривер; Новый Спун-Ривер / Пер. с англ. и предисл. А. Сергеева; Коммент. О. Алякринского. — М.: Худож. лит., 1990. — 415 с.

ISBN 5-280-01209-2

Книга выдающегося американского поэта Эдгара Ли Мастерса (1869—1950) и ее продолжение принадлежат к классике литературы XX века.

Это собрание эпитафий, стихотворных исповедей жителей маленького американского городка. Городок вымышленный, но из исповедей «живших» в нем людей рождается вполне реальная картина американской провинции на рубеже веков.

М $\frac{4703040200-186}{028(01)-90}$ 122-90

ББК 84.7США

ЭДГАР ЛИ МАСТЕРС

АНТОЛОГИЯ СПУН-РИВЕР

НОВЫЙ СПУН-РИВЕР

Редактор *Е. ОСЕНЕВА*.

Художественный редактор *Л. КАЛИТОВСКАЯ*.

Технический редактор *В. НЕФЕДОВА*.

Корректор *М. МАКАРОВА*.

ИБ № 5887. Сдано в набор 05.09.89. Подписано к печати 16.05.90. Формат 70 × 100¹/₃₂. Бумага офс. кн.-журн. имп. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,85. Усл. кр.-отт. 34,02. Уч.-изд. л. 18,07. Тираж 40 000 экз. Изд. № VI—3037. Заказ № 327. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

